

ISSN 2500-3682

**СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

ПОЗНАНИЕ

№ 8-9 2026 (АВГУСТ-СЕНТЯБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

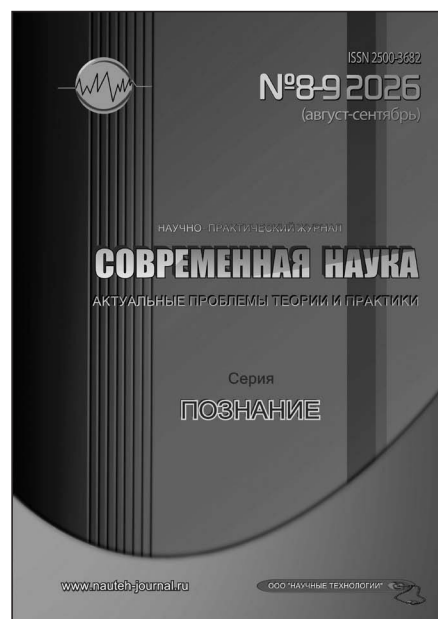
Подписано в печать 13.08.2026 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №8-9 (август-сентябрь) 2026 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK - 5.3x, 5.7x, 5.10x)

В НОМЕРЕ:

**КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филос.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филос.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филос.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филос.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филос.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филос.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филос.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филос.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филос.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

Культурология

Быкова Н.Н. – Феномен наставничества в отечественной литературной традиции (на материале романа И.С. Шмелёва «Лето Господне») *Bykova N.* – The phenomenon of mentoring in the russian literary tradition (based on the novel by I.S. Shmelev "The Summer of the Lord") 5

Ольховская Е.С. – Сохранение и популяризация национального танцевального наследия на примере хореографического спектакля «Казачи в Париже» Липецкого Государственного театра танца «Казачи России» *Olkhovskaya E.* – Preservation and popularization of national dance heritage through the example of the choreographic performance "Cossacks in Paris" by the Lipetsk State Dance Theater "Cossacks of Russia" 10

Психология

Белова Т.Г. – Анализ психологических механизмов трансгенерационной (межпоколенной) передачи травматического опыта в условиях эмоционального насилия *Belova T.* – Analysis of psychological mechanisms of transgenerational (intergenerational) transmission of traumatic experience in conditions of emotional violence 16

Глушкова С.А. – Социальные действия подростков, осваивающих электронные образовательные ресурсы *Glushkova S.* – Social actions of teenagers who master electronic educational resources 21

Докучаев А.А. – Современные тенденции применения психологических интервенций с семьями онкологических больных пациентов *Dokuchaev A.* – Modern trends in the use of psychological interventions with families of cancer patients 28

Исагулова Е.Ю. – Эмоционально-неустойчивое расстройство личности в МКБ-10 и концепция пограничного паттерна личности в МКБ-11: современные подходы к диагностике и терапии *Isagulova E.* – Emotionally unstable personality disorder in ICD-10 and the concept of the borderline pattern qualifier in ICD-11: contemporary approaches to diagnosis and therapy 34

Исхаков Ф.Р. – Родительский нарратив в структуре психолого-педагогической коррекции базовых социальных навыков детей с особенностями развития *Iskhakov F.* – Parental narrative in the structure of psychological and pedagogical correction of basic social skills of children with developmental disorders 44

Кондратьева С.Ю., Ковалева М.В., Задума М.А. – Особенности эмотивной лексики у школьников, воспитывающихся в условиях дефицита семейного воспитания *Kondratyeva S., Kovaleva M., Zaduma M.* – Features of emotive vocabulary among schoolchildren brought up in conditions of a shortage of family education 49

Романов В.А. – Возраст, пол и профессиональный опыт как факторы изменения социальной желательности в ситуации устройства на работу *Romanov V.* – Age, gender, and professional experience as factors influencing social desirability in a job application context 55

Савельев К.А. – Нативность, персонализация и социальные сигналы в рекламе в социальных сетях: роль атрибутивной интерпретации *Savelev K.* – Nativeness, personalization, and social signals in social media advertising: the role of attributional interpretation 64

Стаценко Ф.А. – Когнитивные искажения как психологические корреляты академической адаптации студентов первого курса
Statsenko F. – Cognitive distortions as psychological correlates of academic adaptation among first-year students 69

Сухарев В.Д. – Структурная организация эмоционального интеллекта и его связь с психометрическим интеллектом у младших подростков в норме, при расстройствах аутистического спектра и шизофрении
Sukharev V. – Structural organization of emotional intelligence and its association with psychometric intelligence in early adolescents with typical development, autism spectrum disorders, and schizophrenia 73

Тихомиров А.В. – Взаимосвязь техностресса и эмоционального выгорания у преподавателей высшей школы: пилотное исследование
Tikhomirov A. – The relationship between technostress and emotional burnout among higher education teachers: a pilot study 80

Торрес Г.А. – Уровень эмоционального благополучия сотрудников, имеющих острую зависимость от дохода
Torres G. – The level of emotional well-being of employees who are acutely dependent on income 85

Тур Е.Ю. – Эмпатическая чувствительность и эмоциональная перегрузка: теоретическое обоснование авторской многокомпонентной модели
Tur E. – Empathic sensitivity and emotional overload: theoretical foundation of an authorial multicomponent model 89

Фиалковская Е.В. – Биологическая обратная связь в коррекции импульсивного поведения осуждённых
Fialkovskaya E. – Biofeedback in the correction of impulsive behavior in convicted offenders 99

Чижова К.И. – Значимость семьи в психологической структуре ценностей молодежи
Chizhova K. – The importance of family in the psychological structure of youth values. 104

Философия

Пономаренко О.П., Гарколь Н.С. – Социально-философский анализ национальных практик коммуникации в китайской и русской культурах
Ponomarenko O., Garkol N. – Socio-philosophical analysis of national communication practices in Chinese and Russian cultures 110

Скопа В.А. – Осмысление патриотизма в философской традиции как приоритетного идеала
Skopa V. – Understanding patriotism in philosophical tradition as a primary ideal 115

Информация

Наши авторы. Our Authors 119

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 120

ФЕНОМЕН НАСТАВНИЧЕСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА И.С. ШМЕЛЁВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»)

Быкова Наталья Николаевна

Соискатель, Ивановский государственный университет,

Шуя, Россия

natkotk@mail.ru

THE PHENOMENON OF MENTORING IN THE RUSSIAN LITERARY TRADITION (BASED ON THE NOVEL BY I. S. SHMELEV "THE SUMMER OF THE LORD")

N. Bykova

Summary: The study is devoted to the cultural analysis of the phenomenon of mentoring, which is based on the material of the novel by I. S. Shmelev "The Summer of the Lord". The work presents a picture of Russian urban life in the 80s of the XIX century, one of the most important motives of which is the Orthodox faith. The daily life of the characters is inextricably linked with the church calendar and rituals, and the mentor of the main character becomes the guide of Orthodox traditions into the world of the child. Mikhail Pankratovich Gorkin is an image of a mentor of the turn of the XIX-XX centuries.

A consistent examination of the relationship between mentor and pupil revealed a set of personality formation mechanisms through the assimilation of moral guidelines, customs and the way of life of the Russian people.

The key categories that make it possible to reveal the importance of the mentor's personality are the concepts of cultural tradition and patriarchy. Mikhail Pankratovich Gorkin embodies the idealized image of the guardian of cultural codes and social order, contributing to the harmonious development of the mentored child.

The inclusion of the traditional calendar of Russian Orthodox holidays in the cultural analysis, which are significant for the composition and plot of the work, emphasizes Gorkin's role in the socialization of the main character and the consolidation of ideas about good and evil, duty and honor.

Thus, the article is aimed at identifying and culturological understanding of the aspects of mentoring, considering it as a process of mentor's influence on a pupil in a specific historical and cultural context. The findings make it possible to expand the understanding of the key functions of the institute of mentoring within the framework of the Russian literary tradition.

Keywords: mentoring, mentor, teacher, spiritual mentor, "The Summer of the Lord", I.S. Shmelev.

Аннотация: Исследование посвящено культурологическому анализу феномена наставничества, который строится на основе материала романа И.С. Шмелёва «Лето Господне». В произведении представлена картина русской городской жизни 80-ых годов XIX века, одним из важнейших мотивов которой является православная вера. Повседневная жизнь героев неразрывно связана с церковным календарём и обрядами, а проводником православных традиций в мир ребёнка становится наставник главного героя. Михаил Панкратович Горкин являет собой образ наставника эпохи рубежа XIX-XX веков. Последовательное рассмотрение взаимоотношения наставника и воспитанника выявило комплекс механизмов формирования личности через усвоение морально-нравственных ориентиров, обычаев и бытового уклада русского народа.

Ключевыми категориями, позволяющими раскрыть значимость личности наставника, выступают понятия культурная традиция, патриархальность. Михаил Панкратович Горкин олицетворяет собой идеализированный облик хранителя культурных кодов и социального порядка, способствующего гармоничному развитию наставляемого ребёнка.

Включение в культурологический анализ традиционного календаря русских православных праздников, которые значимы для композиции и сюжета произведения, подчёркивает роль Горкина в социализации главного героя и закреплении представлений о добре и зле, долге и чести.

Таким образом, статья нацелена на выявление и культурологическое осмысление аспектов наставничества, рассмотрение его как процесса воздействия наставника на воспитанника в условиях конкретного историко-культурного контекста. Полученные выводы позволяют расширить понимание ключевых функций института наставничества в рамках отечественной литературной традиции.

Ключевые слова: наставничество, наставник, педагог, духовный наставник, «Лето Господне», И.С. Шмелёв.

На всём протяжении существования человечества важную роль в становлении личности играет учитель, педагог. История знает имена величайших педагогов прошлого и современности: Сократ, Платон, Аристотель, Я.А. Коменский, А.С. Макаренко, Я. Корчак,

В.А. Сухомлинский, В.Ф. Шаталов, Е.Н. Ильин и др. Но в последние годы большое внимание в формировании индивида уделяется не только роли педагога, но и роли наставника. 2023 год прошёл под эгидой Года педагога и наставника, что было объявлено Указом Президента Рос-

сийской Федерации В.В. Путиным. Статус наставника также закреплён в государстве на законодательном уровне: Постановлением Правительства РФ от 07.10.2019 №1296 утверждено «Положение о наставничестве на государственной гражданской службе Российской Федерации» [5]; Федеральный закон №381-ФЗ от 09.11.2024 [8] узаконивает наставничество как отдельный вид работы с обязательной оплатой; Распоряжением Правительства РФ от 21 мая 2025 года №1264-р утверждены «Концепция развития наставничества в РФ на период до 2030 года» и план мероприятий по её реализации [6]. Это свидетельствует о повышении статуса наставника в обществе, значимости института наставничества в жизни социума.

Феномен наставничества имеет богатую историю. Можно говорить о его наличии в период существования древнего человека, когда совместное проживание было необходимо для выживания, а «простейшие формы наставничества древнего человека заключались в обучении детей – например, умению отличать съедобные плоды от несъедобных. Наиболее ярким примером наставничества и обучения молодого поколения можно считать обряды инициации» [3]. Общество шагнуло далеко вперёд в своём развитии, но феномен наставничества сохраняется в современной жизни, например, за начинающим свою карьеру сотрудником закрепляется наставник.

Культура наставничества получила отражение в языке и нашла отражение в русской лексикографии. Самый популярный и цитируемый в силу своей авторитетности «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой даёт следующую трактовку понятия «наставник» – «Учитель и воспитатель, руководитель. *Н. сборной команды. Капитан-н. (во флоте) Наставник молодежи. Мастер-н.*» [4; 386]. В словарях более позднего времени («Большой толковый словарь русских существительных» под ред. Л.Г. Бабенко) толкование расширяется, сохраняя черты сходства: «Наставник – человек, который учит других, даёт советы, будучи более опытным в чём-либо, руководит действиями, поступками других; воспитатель, учитель» [1]. Обращает внимание тот факт, что в новых словарях слова учитель и наставник не синонимизируются, а называют нетождественные понятия. Наставник прежде всего заботится о духовном воспитании своего подопечного, что отражает русскую культурную традицию. Это подтверждается и данными «Полного церковно-славянского словаря» Григория Дьяченко [2], где представлено несколько слов, связанных с понятием **наставник**. Это *настава* – 'образец, пример' (т.1, с. 336), *наставити* – 'вести, направлять; учить, наставлять, руководить' (т.1, с. 336), *наставляю* – 'указываю дорогу, веду, предводительствую' (т.1, с. 336), *наставник* – 'путеводитель, вождь, наставник, учитель' (т.1, с. 336) [2]. Хорошо видно, что каждое из этих слов имеет внутреннюю форму, в основе которой лежит представление о том, кто

способен быть впереди, вести за собой по дороге жизни, указывать другому человеку путь к истине через слово.

Мировая история знает много ярких примеров успешного наставничества. Философ Аристотель был наставником для Александра Македонского. Поэт В.А. Жуковский являлся наставником будущего императора Российской империи цесаревича Александра. Борец с режимом апартеида Уолтер Сисулу стал наставником Нельсона Манделы, занявшего впоследствии пост президента ЮАР. Между наставником и воспитанником не всегда есть существенная разница в возрасте, но есть разница в духовном опыте, которую наставник пытается нивелировать совместно с наставляемым.

Для русской христианской культуры характерно обращение к духовному наставнику, которому человек может исповедаться в грехах, обратиться за советом. Важно понимать, что общение с духовным наставником происходит не только на уровне разума, но и на уровне сердца, что иногда оказывается важнее для духовного роста. В православии среди духовных наставников известны Сергей Радонежский, протопоп Стефан Вонифатьев, иеросхимонах Андроник и др.

Явление духовного наставничества не могло не найти отражения в русской художественной литературе. На страницах книг часто возникают герои-наставники, роль которых могут исполнять учителя, воспитатели, старцы, няни, дядьки и т.д. Таковыми являются Савельич – «дядька» Петруши Гринёва в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка», Дарья Степановна Синицына в романе И.С. Шмелёва «Няня из Москвы», Иван Павлович Кораблёв, образ которого читатель найдёт в книге В.А. Каверина «Два капитана», Лидия Михайловна в рассказе В. Г. Распутина «Уроки французского» и др. Галерея художественных образов наставников в отечественной литературе разнообразна. В этом статусе выступают люди, имеющие разный социальный статус: учителя, стремящиеся к многостороннему развитию воспитанника (Иван Павлович Кораблёв), няни и домашние воспитатели, которые сами часто не имеют образования, но при этом являются хранителями тайн народной педагогики (Савельич, Дарья Степановна Синицына).

Каждый из перечисленных персонажей уникален и по-своему интересен. Рассмотрим образ Михаила Панкратовича Горкина – наставника шестилетнего мальчика Вани, от лица которого идёт повествование в романе И.С. Шмелёва «Лето Господне».

Личность Михаила Панкратовича Горкина чрезвычайно важна для Вани, который размышляет о близких людях. Для их номинации он использует разные лексические единицы. Это отражено на лексическом уровне. Применяя метод сплошной выборки при анализе

первой главы «Чистый понедельник», можно составить смешанные синтаксические номинативные цепочки, отражающие номинацию двух фигур из ближайшего окружения мальчика – отца и наставника Горкина: *отец* (13 раз) / *отцу* (1 раз) / *отца* (4 раза) – *папашенька* (1 раз) / *папашеньки* (1 раз) – *он* (6 раз); *Горкин* (17 раз) – *старый наш плотник-филёщик* (1 раз) – *он* (7 раз).

В общей сложности отец в рамках первой главы упоминается 26 раз, а Горкин 25. Мальчик безмерно любит отца, но большую часть времени проводит со своим наставником. В связи с этим можно говорить о том, что Михаил Панкратович также является для ребёнка одним из главных людей в числе близких.

Горкин – первый, кто появляется перед читателями на страницах книги. Читатель узнаёт о нём со слов Вани, когда тот наблюдает за погодными изменениями и думает о словах, произнесённых наставником: *«Старый наш плотник-филёщик Горкин сказал вчера, что Масленица уйдёт – заплачет. Вот и заплакала – кап... кап... кап...»* [9; 15]. На роль воспитателя Михаила Панкратовича выбрал хозяин дома, так как уважает его. Поведение и внешний вид старого плотника находятся в гармонии, что позволяет ребёнку признать в нём черты святого: *«Знаю, что он святой. Такие – угодники бывают. А лицо розовое, как у херувима, от чистоты»* [9; 16]. Михаил Панкратович Горкин для Вани становится в один ряд со святыми Сергием Радонежским и Иосифом: *«Он ведь совсем святой – старенький и сухой, как и все святые. И ещё плотник, а из плотников много самых больших святых: и Сергей Преподобный был плотником, и святой Иосиф. Это самое святое дело»* [9; 25]. Профессия Горкина – это ещё одно напоминание о пребывании Христа на земле: *«И еще плотник...»* [9; 185]. Мальчик неоднократно возвращается к мысли о святости своего наставника: *«Он ведь совсем святой – старенький и сухой, как и все святые»* [9; 185]. Поэтому слова наставлений или приказов, отданных в мягкой форме, не подвергаются сомнению и выполняются: *«Вставай, милок, не жись... – ласково говорит он мне, всовывая таз под полог»* [9; 16].

Сам Горкин считает себя грешным человеком, которому не место в раю: *«Ты будешь преподобный, когда поумрешь?» – спрашиваю я Горкина. «Да ты сдурел! – вскрикивает он и крестится. И на лице у него испуг. – Меня, может, и к Раю-то не подпустят... У меня грехов...»* [9; 187]. Здесь обнаруживается связь с христианской традицией написания жития, когда автор уничижительно упоминает о себе.

В процессе воспитания для формирования личности ребёнка важны не только получение знаний и наставлений, но и пример. Ваня пытается перенять манеру поведения своего наставника и тем самым приобщиться к культуре православия: *«И грех смеяться, и надо на-*

маслить голову, как Горкин» [9; 16]. Михаил Панкратович помогает своему воспитаннику понять, как нужно себя вести на примере отца Вани, живущего по христианским заповедям: *«Так и поступай, с папашеньки пример бери... не обижай никогда людей. А особенно когда о душе надо... печи. <...> Так вот и обходись с людьми»* [9; 25]. В некоторых случаях ребёнок ещё не понимает смысл происходящего, в силу возраста не может вникнуть в суть некоторых христианских традиций. В этих случаях действия объясняются следующим образом «по закону надо». Эти слова звучат из уст Горкина: *«<...> по закону-то!»* [9; 17] и повторяются мальчиком: *«<...> сегодня всё самое затрапезное наденут, так «по закону надо»* [9; 16].

В ряде случаев при объяснении основ правильного поведения и отношения к некоторым вопросам Михаил Панкратович обращается не к рациональному объяснению, а воздействует на Ваню через эмоционально-чувственную сферу: *«И что-то особенное около нас, невидимое и страшное. Горкин мне рассказал, что теперь – «такое, как душа расстаётся с телом»* [9; 17]. Поэтому ребёнок часто описывает свои эмоции, чувства, свои переживания, которые формируются во многом благодаря наставнику и отражаются на поведении Вани: *«Не такое время, я это чувствую. Надо скорбеть, а не помышлять»* [9; 27].

Эмоции ребёнка всегда обоснованы, но иногда противоречивы. Их передача на лексическом уровне строится на антитезе: *«Радостная молитвочка! Она ласковым светом светит в эти грустные дни поста»* [9; 17]. Сочетания «грусть – веселье», «грусть – радость» прослеживаются на страницах романа неоднократно: *«Когда зажигает отец – по субботам он сам зажигает все лампадки, – всегда напевает приятно-грустно: Кресту Твоему поклоняемся, Владыко», – и я напеваю за ним чудесное: И святое... Воскресение Твоё Сла-а-вим!»* [9; 17], *«И почему все такие скучные? Ведь всё – другое, и много, так много радостного»* [9; 19].

Несмотря на юный возраст, Ваня старается приобщиться к духовной жизни взрослых в полной мере (стояние, соблюдение поста, говение). Жизнь ребёнка постоянно находится в тесной связи с православными традициями русского народа. Семья главного героя относится к представителям московского купечества, но ежедневные дела не ограничиваются получением прибыли от выполненных подрядных дел. Наоборот, ни душу, ни отца Вани нельзя причислить к богатым купцам, так как часто они берутся за подряды не ради выгоды, а ради пользы и всеобщей радости (постройка ледяного дома). Сергей Иванович является натурой творческой, честно выполняющей дело, за которое взялся. Такими же являются и люди, работающие в доме у отца (Василь Васильич, Горкин, плотник Антон Кудрявый). Такое поведение во многом объясняется следованием христианским

заповедям, которые закладывают основу нравственного поведения и формируют его. Не случайно Василь Василич произносит фразу «Мне ваши деньги... у меня ещё крест на шею!» [9; 23], когда Сергей Иванович при подсчёте выручки обнаруживает «лишние» деньги. Быт и бытие, слившись в единое целое, прочно входят в сознание главного героя. Ваню не расстраивает отсутствие занавесок на окнах и ковров на полу, наличие в буфете только тарелок «с бурыми пятнышками-щербинками» [9; 18], курточка «с продранными локтями» [9; 18], которую велено надеть. Это происходит потому, что ребёнок знает о подготовке к приближающейся Пасхе, являющейся для всех домашних (и для него) радостным событием, к которому человек должен подойти с чистой душой.

Чистая душа предусматривает чистые помыслы. Ваня, помня наставления Горкина: «И не помышлять, понимаешь. Про земное не помышляй!» [9; 18], не позволяет себе мыслить греховно: «Пугаюсь, что так грешу-помышляю, – и падаю на колени в страхе» [9; 32]. Мальчик входит в возраст (6-7 лет), когда человек способен понимать сущность греха и оценивать свои и чужие поступки с точки зрения морали и нравственности.

При формировании мыслей Вани, его чистых помыслов, направленных к Богу, важную роль играет его индивидуальная детская языковая картина мира. Обратимся к лексическому уровню языковой картины мира главного героя романа. Большую часть занимают слова, связанные с православной верой. В работе Г. Н. Скляревской «Словарь православной церковной культуры» религиозная лексика разделена на следующие группы: «основные понятия вероисповедания и богословские понятия; единицы, относящиеся к лексике христианской морали; названия церковных таинств; наименования Небесной иерархии; наименования иерархов церкви; элементы церковного календаря (церковные праздники, богослужебный круг, суточные богослужения и т.д.); формы, элементы и предметы богослужения, части православного храма; названия священнических облачений их частей; имена библейских персонажей, а также названия лиц, выделяемых по каким-либо качествам, одобряемым или порицаемым церковью» [7; 12]. Хорошо видно, что религиозная лексика – это значительный фрагмент русской (православной) ЯКМ.

Данная лексика входит в активный словарь главного героя, следовательно, православие входит в жизнь ребёнка и становится её неотъемлемой частью. При анализе лексикона Вани можно найти примеры, иллюстрирующие каждую группу понятий. В его речи встречаются основные понятия вероисповедания и богословские понятия (слова): *вера, грех, душа, благовест, Распятие, рай, ердань, кропить, возноситься*. Единицы, относящиеся к лексике христианской морали (слова): *благословение, грех, прощение*.

Мальчик уже постиг смысл церковных таинств: *Крещение, соборование*. Ваня разбирается в наименованиях Небесной иерархии (*Всевышний, Бог, херувимы, архангел, ангелы*), ему знакомы и наименования иерархов церкви: *преосвященный, отец, отец благочинный, батюшки, владыко, протодьякон, дьячок, монахи*. Вся жизнь дома подчинена церковному календарю, поэтому и в речи ребёнка присутствуют названия церковных праздников, богослужений: *Чистый понедельник, Пасха, Прощеный день, Благовещение, крестный великий ход*.

Ване хорошо знакомы формы, элементы и предметы богослужения, части православного храма (*хоругвь, Плащаница, Евангелие, клирос, канун и аналои, амвон, паникадило*) и названия облачений священников: *ризы, епитрахиль, посох*. Горкин читает священные тексты, поэтому его воспитанник знает имена библейских персонажей, а также названия лиц, выделяемых по каким-либо качествам, одобряемым или порицаемым церковью: *Ирод, царь Давид, Соломон, Иоанн Богослов, Николай Чудотворец*.

Данная лексика частотна, составляет большую часть лексикона Вани. Кроме существительных, он активно пользуется и глагольной лексикой, входящей в перечисленные группы слов. Проведённый анализ словаря ребёнка показал, что есть круг слов и стоящих за ними понятий, которые важны для мальчика. В первой главе «Чистый понедельник» Ваня использует слова, относящиеся к православной вере следующее количество раз:

– слова, содержащие корень душ – 14 раз, – свет – 9 раз, – господ – 4 раза, – грех – 7 + греш – 3, – свят – 4 + свящ – 9, – прост- (простить) 6 + прощ- (5), – Бог – 6 раз + бож – 4 раза + он (1).

Этот факт свидетельствует о том, что данные слова не повторяются мальчиком за взрослыми, а являются частью его актуального и активного словаря. Но среди лексикона Вани есть примеры «чужих», иногда мало понятных для ребёнка слов («*шик*», «*прянишниковая*»), которые копируются мальчиком из речи взрослых.

Формирование мировоззрения главного героя – это сложный процесс, в котором важную роль играет православная культура, главные элементы которой, выступая в качестве ключевых слов и концептов и определяют его ЯКМ и внутренний мир. Ребёнок погружается в культурную среду, основой которой является православие, осознаёт ценность таких понятий, как смирение, покаяние, вера, любовь к ближнему. Сквозь призму этих категорий Ваня смотрит на окружающую действительность и формирует основы своего поведения. Особое значение в этом процессе играет фигура наставника. Важно отметить, что деятельность Горкина в первую очередь направлена на воспитание души ребёнка. Михаил Пан-

кратович, будучи человеком, вышедшим из народа, прежде всего, прививает мальчику лучшие качества. Имея чистую душу, чистые помыслы, Ваня приходит к пониманию самого светлого чувства – христианской любви. Любовь к Богу помогает ему полюбить мир.

Роман «Лето Господне» важен и значим для исследования мира детства, так как в нём наблюдается соединение нескольких точек зрения на этот период жизни. Для мира взрослых ребёнок является объектом воспитания, который должен формироваться и воспитываться в кругу старших и опытных людей. Такой подход характерен для народной педагогики, где процесс воспитания осуществляется с помощью различных средств, таких как фольклор (песни, сказки, пословицы), народные игры, народные праздники, быт, труд, социальный контроль, являющихся фундаментом русской культуры и русской традиции. Для представителей элитарной культуры детство является самостоятельным периодом, в котором происходит формирование личности. В классической

литературе воспитание нередко уходит на второй план, а на первом оказывается ценность личности ребёнка и описание его детства, часто представленного глазами ребёнка (повесть А.Н. Толстого «Детство Никиты», роман И. С. Шмелёва «Лето Господне»).

И.С. Шмелёв объединяет два, казалось бы, взаимоисключающих подхода к детству. С одной стороны, Михаил Панкратович Горкин – выходец из народа – воспитывает своего подопечного в рамках народной педагогики, с другой стороны, при этом он воздействует на личность маленького Вани, формируя мировоззрение ребёнка. Он учит мальчика любить окружающий мир через любовь к Создателю, тем самым обогащая его внутренний мир. Душа маленького человека, способная видеть прекрасное вокруг себя и боящаяся разрушить сложившееся равновесие, может принадлежать только гармонично развитой личности, заслуга в воспитании которой принадлежит грамотному наставнику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русских существительных: свыше 15000 имен существ., идеограф. описание, синонимы, антонимы / [авт.-сост.: Л.Г. Бабенко и др.]; под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-Пресс КНИГА, 2005. – 862 с.
2. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь: в 2-х тт. М.: Терра-Книжный клуб. 1988. Т. 1.
3. Научная Россия Учитель? Мудрец? Гуру? История наставничества в России и мире. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/ucitel-mudrec-guru-istoria-nastavnicstva-v-rossii-i-mire>. (Дата обращения: 05.01.2026)
4. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН; Российский фонд культуры. 3-е изд., стереотипное. М.: АЗЪ, 1996. – 928 с.
5. Постановление Правительства РФ от 7 октября 2019 г. N 1296 «Об утверждении Положения о наставничестве на государственной гражданской службе Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/72833182/>. (Дата обращения: 21.02.2026)
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.05.2025 N 1264-р «Об утверждении Концепции развития наставничества в РФ на период до 2030 г. и плана мероприятий по её реализации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505733/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/. (Дата обращения: 21.02.2026)
7. Святославская Г.Н. Словарь православной церковной культуры / Г.Н. Святославская. – 2-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 447 с.
8. Федеральный закон «О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации» от 09.11.2024 N 381-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_490070/. (Дата обращения: 21.02.2026)
9. Шмелёв И.С. Лето Господне: повесть / Иван Шмелёв; [предисл. и коммент. О. Михайлова]; худож. В. Бритвин. – М.: Дет. лит., 2018. – 526 с.: ил.

© Быкова Наталья Николаевна (natkotk@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ТАНЦЕВАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО СПЕКТАКЛЯ «КАЗАКИ В ПАРИЖЕ» ЛИПЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕАТРА ТАНЦА «КАЗАКИ РОССИИ»

Ольховская Елена Сергеевна

Доцент, Херсонский государственный
педагогический университет

helen_a_olhovskaya@mail.ru

PRESERVATION AND POPULARIZATION OF NATIONAL DANCE HERITAGE THROUGH THE EXAMPLE OF THE CHOREOGRAPHIC PERFORMANCE "COSSACKS IN PARIS" BY THE LIPETSK STATE DANCE THEATER "COSSACKS OF RUSSIA"

E. Olkhovskaya

Summary: Background. In the context of contemporary globalization and the transformation of society's axiological foundations, the representation of national cultural heritage through choreographic theater acquires strategic importance for preserving historical memory and ethnocultural identity. Staging full-length narrative performances on historical themes requires a theoretical understanding of the mechanisms for adapting authentic folklore material to the demands of the modern stage.

Objectives. The study aims to conduct a theoretical and cultural analysis of the choreographic performance "Cossacks in Paris" as a phenomenon of actualizing national dance heritage and as a form of intercultural communication.

Methodology. The methodological framework of the research relies on systemic-historical and semiotic approaches, which enable the interpretation of the performance's plastic and scenic structure. The method of choreographic analysis was applied to deconstruct the lexical and compositional patterns of the performance, alongside a comparative method to investigate the artistic synthesis of traditional folk-stage and contemporary dance systems.

Results. The study establishes that the choreographic performance "Cossacks in Paris" represents an innovative model for the actualization of Cossack dance folklore. It is demonstrated that the polystylistic synthesis of traditional folk-stage vocabulary with elements of modern choreographic trends (contemporary, modern, and street dance elements) does not disrupt the ethnocultural semantics of the primary source. Instead, it expands its architectonics and expressive capabilities, thereby adapting historical content to the perception of modern audiences. Furthermore, the critical role of scenographic symbolism (light-sound score, video projections) in constructing the semantic space of the historical narrative is highlighted.

Conclusions. Based on the analysis, it is concluded that scaling the experience of creating large-scale narrative choreographic works in regional dance theater serves as an effective tool for popularizing the intangible cultural heritage of Russia. The materials and recommendations of this study can be utilized in developing academic courses on the theory

Аннотация: Актуальность. В условиях современных глобализационных процессов и трансформации ценностно-смысловых оснований общества репрезентация национального культурного наследия средствами хореографического театра приобретает стратегическое значение для сохранения исторической памяти и этнокультурной идентичности. Постановка многоактных сюжетных спектаклей на историческую тематику требует научно-методического осмысления механизмов адаптации аутентичного фольклорного материала к условиям современной сцены.

Цель исследования заключается в теоретико-культурологическом анализе хореографического спектакля «Казачьи в Париже» как феномена актуализации национального танцевального наследия и формы межкультурной коммуникации.

Методология. Методологическую основу работы составили системно-исторический и семиотический подходы, позволившие интерпретировать пластический и сценический строй постановки. Метод хореографического анализа (для деконструкции лексического и композиционного рисунка спектакля), а также компаративный метод при исследовании художественного синтеза традиционных народно-сценических и современных танцевальных систем.

Результаты. В ходе исследования установлено, что хореографический спектакль «Казачьи в Париже» представляет собой инновационную модель актуализации казачьего танцевального фольклора. Доказано, что полистилистический синтез традиционной народно-сценической лексики с элементами современных хореографических направлений (contemporary, модерн, уличные стили) не разрушает этнокультурную семантику первоисточника, а расширяет его архитектуру и экспрессивные возможности. Выявлена ключевая роль сценического символизма (светозвуковая партитура, видеопроекции) в конструировании смыслового пространства исторического нарратива.

Выводы. На основе проведенного анализа сделан вывод о необходимости масштабирования опыта создания крупноформатных сюжетных хореографических полотен в региональных театрах танца как эффективного инструмента популяризации нематериального культурного наследия России. Материалы и рекомендации исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов по теории и истории хореографического искусства, а также в режиссерско-постановочной практике.

Ключевые слова: национальное культурное наследие, народно-сценический танец, хореографический театр, казачий фольклор, художественный синтез, полистилистика, межкультурная коммуникация, трансляция идентичности, «Казачьи России».

and history of choreographic art, as well as in director-choreographer stage practices.

Keywords: national cultural heritage, folk-stage dance, choreographic theater, Cossack folklore, artistic synthesis, polystylistics, intercultural communication, identity transmission, "Cossacks of Russia".

Методология и методы исследования

Методологическая база исследования носит комплексный характер, что обусловлено полистилистической природой объекта изучения — хореографического спектакля, соединяющего исторический нарратив, фольклорные традиции и современные пластические системы. Теоретико-методологический каркас работы выстроен на стыке культурологии, теории культуры и хореологии (искусствоведения).

В качестве основных подходов и методов исследования были применены:

- **Системно-исторический подход** — использован для контекстуализации исторических событий заграничного похода русской армии 1814 года и анализа механизмов их трансформации в художественно-сценическое пространство спектакля.
- **Семиотический подход** — позволил декодировать пластический и сценографический символизм постановки (в частности, семантику символических образов воды, круга/хоровода, пространственных метафор света и предметного реквизита в виде киноплёнки).
- **Метод хореографического анализа** (деконструкции хореографического текста) — применен для детального изучения лексического модуля спектакля, композиционного рисунка, драматургии дуэтного танца и структуры дивертисмента.
- **Компаративный** (сравнительный) метод — задействован для исследования процессов художественного синтеза и выявления специфики диффузии традиционных элементов народно-сценического казачьего танца и современных пластических направлений (modern, contemporary, элементы уличных субкультур/breakdance).

Информационно-эмпирическую базу исследования составили видеоматериалы и живое сценическое исполнение хореографического спектакля «Казачи в Париже» Липецкого государственного театра танца «Казачи России», теоретические труды по теории балетмейстерского искусства (Р. Захаров, В. Ванслов), а также методические исследования в области народно-сценического танца (И. Моисеев, А. Климов, Т. Ткаченко).

Результаты

Экспериментально-творческая природа хореографического спектакля «Казачи в Париже» Липецкого государственного театра танца «Казачи России» (под руководством Л.П. Милованова) актуализирует сложнейшую теоретическую проблему хореологии — проблему границ и механизмов полистилистического синтеза в пространстве народно-сценического танца. Режиссер-хореограф Е. Милованова сознательно отказывается от консервативного этнографического репродуцирования, избирая путь лексической диффузии, при которой традиционный казачий пластический фольклор вступает в диалог с современными направлениями танца (modern, contemporary) и элементами уличных субкультур (breakdance, hip-hop).

Первый лексический узел, манифестирующий указанный синтез, обнаруживается в сцене знакомства казаков с французскими горожанками. Специфика репрезентации образов французской культуры потребовала от хореографа привлечения пластического языка модернизма и техники contemporary dance. В данном эпизоде органично применен композиционный прием «канона», который позволяет распределить пространственные и динамические акценты между исполнителями. Использование модернистской текучести, усложненного партнерного взаимодействия и неклассической координации движений придает женским образам подчеркнутую грациозность и легкость, контрастирующую с монументальной статикой и силой казачьего воинства. Подобный шаг согласуется с теоретической концепцией М. Бежара о способности танца преодолевать культурные барьеры через универсализацию пластического жеста [3].

Обсуждение

Центральным элементом композиционной структуры спектакля, демонстрирующим предельные возможности балетной труппы, выступает сцена в парижском трактире, решенная в классических традициях хореографического дивертисмента [1]. Данный эпизод концептуально обоснован как полистилистическое пространство, где репрезентируется столкновение двух ментальных укладов. Традиционная казачья лексика,

включающая в себя виртуозные трюковые элементы повышенной сложности — такие как разножка, выкидка на одну руку, ползунец, а также выкидка с вращением на голове — подвергается интенсивному семантическому обновлению. Хореограф интегрирует в традиционную ткань казачьего пляса элементы современной урбанистической хореографии, в частности специфический трюк брейк-данса «геликоптер» (вращение ног в партере при опоре на руки).

Интеграция субкультурных пластических элементов не деформирует этнокультурный инвариант казачьего танца, а, напротив, подчеркивает его имманентную (внутреннюю) атлетическую природу, делая ее артикулированной и понятной для респциента XXI века. Как отмечал Р. В. Захаров, сотворчество традиционных и новых форм способно обогатить палитру выразительных средств сценического образа [11].

Важной лексической составляющей дивертисмента становится вокально-пластический синтез. На протяжении всего сценического действия артисты вокальной группы (под руководством Г. Миловановой) функционируют не в качестве изолированного статического хора, а как полноправные участники хореографической ткани, что отсылает к реформаторским идеям Ж.Ж. Новерра о синкретическом единстве сценического действия [15]. Традиционные народные песни, исполняемые в инновационной джазовой и полифонической обработке композитора А. Сергунина, задают усложненную музыкально-ритмическую архитектуру. Смещение синкоп, замена ожидаемых долей ритмическими паузами (трактуемыми в контексте концепта «живого дыхания» спектакля) требуют от исполнителей высочайшего уровня координации и ансамблевого чувства, что детально исследовано в методических трудах А. Климова и Т. Ткаченко [13; 16].

Вектор драматургического развития спектакля манифестируется через трансформацию сольного и ансамблевого танца в парно-дуэтные формы. Хореографический текст дуэтов главных героев (Казака и Французенки в исполнении Р. Подоприморы и Е. Головановой) базируется на сложнейших партерных связках и эксцентрических поддержках. Девушка в руках партнера уподобляется невесомой субстанции («легкому перышку»), что подчеркивает контраст между маскулинной силой казачьей пластики и деликатной утонченностью европейской танцевальной школы. Лексическая эклектика здесь выступает пластической метафорой межкультурного диалога, подтверждая тезис И. Моисеева о том, что взаимопроникновение национальных культурных кодов обогащает и трансформирует хореографический театр [14].

Таким образом, проведенный деструктивный анализ хореографического текста спектакля «Казачи в Париже»

позволяет констатировать формирование нового полистилистического направления в народной хореографии, где этнокультурный базис успешно аккумулирует и переосмысливает инновационный язык современного танца.

Семиотический анализ хореографического спектакля «Казачи в Париже» позволяет интерпретировать сценическое пространство не как пассивное место действия, а как гетеротопическую, динамическую знаковую систему, активно генерирующую смыслы. Сценографические решения, разработанные заслуженным художником РФ М. Обрезковым, художником по свету Р. Майоровым и автором видеопроекций А. Мухиной, выступают в качестве визуальных кодов, вступающих в полифоническое взаимодействие с пластическим текстом Е. Миловановой. В рамках семиосферы постановки сценическое пространство четко зонировано, актуализируя ключевые культурные оппозиции: «свое — чужое», «прошлое — настоящее», «сакральное — профанное».

Важнейшим пространственным и темпоральным (временным) кодом спектакля становится свето-звуковая партитура. Напряженный боевой путь русской армии и вступление в Париж маркируются резкой сменой световых векторов. Спускающийся сверху мощный направленный поток света, сопряженный со сценическим дымом, деконструирует привычную геометрию сцены, превращаясь в метафорический «тоннель времени». Данный световой конструкт функционирует как пространственный медиатор, осуществляющий мгновенный семиотический сдвиг: из хаоса и деструкции военных действий зритель переносится в упорядоченное, залитое мирным светом пространство парижского бульвара. Световой луч здесь обретает статус самостоятельного актанта (действующего лица), управляющего динамикой исторического нарратива.

Глубоким семантическим потенциалом обладает сцена, апеллирующая к историческим свидетельствам о бытовом купании коней казаками в Сене. Постановщик трансформирует бытовой этнографический факт в сакральный акт духовного очищения и катарсиса. Физическое отсутствие воды на сцене компенсируется высокотехнологичной видеопроекцией, создающей подвижную оптическую иллюзию водной глади. Артисты, облаченные в монохромные белые костюмы (семиотический код чистоты и первозданности), разворачивают пластический этюд, где жесткие ритмические удары руками по дну жестяных ведер заменяют музыкальное сопровождение. Возникающий синкопированный ритм и специфический металлический звук метафорически отсылают реципиента к сакральному звучанию православного колокольного звона. Таким образом, посредством соединения медиатехнологий и архаичной пластики, бытовая сцена купания коней возводится в ранг духовного омовения, очищения души воина перед вступлени-

ем в инокультурное пространство.

Пространственные перемещения персонажей также подчинены строгой знаковой логике. В вокально-хореографической композиции прачек режиссер-хореограф выстраивает рисунок парного танца по круговой траектории, направленной против часовой стрелки. В контексте пространственной семиотики данное инверсионное движение символизирует реверс времени — символическое «отматывание» исторической ленты на два столетия назад. Это визуальное решение рифмуется с финальным метафорическим жестом спектакля, когда сверху на сцену падает гигантская киноплёнка. Разрывая её на небольшие фрагменты, уезжающие на Родину казаки и остающиеся в Париже француженки, удерживают в руках материальные носители памяти. Киноплёнка в данном случае выступает как синекдоха культурной памяти, фиксирующая вневременную природу человеческих чувств и преодолевающая физическое разделение пространства.

Важную роль в визуальной семиотике спектакля играет колористическое решение костюмов (художник М. Обрезков). Хроматический конфликт и последующий компромисс двух культур выражен через цветовые оппозиции. Монохромные, строгие силуэты французской знати и экспрессивные алые платья «ночных бабочек» (код страсти и профанного веселья) противопоставляются глубокому синему цвету традиционной казачьей формы.

В кульминационных сценах хоровода и массового дивертисмента происходит колористическое слияние: сочетание белого (платья прачек), синего (мундиры казаков) и красного (наряды горожанок) формирует единую визуальную доминанту. Примечательно, что данный колористический триколор является общим, как для российского, так и для французского государственных флагов. На уровне подсознательного восприятия этот визуальный синтез кодирует философскую мысль авторов спектакля о глубинном родстве душ, общности базовых гуманистических ценностей и ненужности военных распри, что созвучно теоретическим трудам В. Ванслово о синтетической природе балетного театра [6].

Таким образом, архитектура сценического пространства в спектакле «Казаки в Париже» представляет собой сложный поликодовый текст. Соединение традиционного костюма, инновационной световой режиссуры и цифровой видеопроекции позволяет перевести конкретный исторический эпизод в плоскость универсального культурологического высказывания о диалоге культур.

Драматургическое пространство хореографического спектакля «Казаки в Париже» представляет собой слож-

ную динамическую систему персонажей-архетипов, каждый из которых наделен специфической смысловой и репрезентативной функцией. Центральная ось драматургии смещена с линейного воспроизведения исторических хроник на осмысление феномена аккультурации и межкультурного взаимодействия. Через пластические метафоры авторы постановки исследуют процесс преодоления взаимного отчуждения («свое — чужое») и выхода в единое ментальное пространство гуманистических ценностей.

Главным носителем философской концепции спектакля выступает сквозной персонаж — Шарманщик (в исполнении С. Иванцова). В структуре хореографического нарратива данный образ функционирует как пространственно-темпоральный медиатор и своеобразный сценический «метроном». Шарманщик не включен непосредственно в конфликтные узлы сюжета, однако его перманентное присутствие на сцене наделяет его статусом беспристрастного наблюдателя и демиурга, направляющего «мелодию жизни» каждого героя. Своей созерцательной позицией он цементирует генеральную идею произведения о цикличности истории, хрупкости человеческого бытия и тотальной ненужности цивилизационных распри и войн.

Лирико-драматическая доминанта спектакля кристаллизуется в истории взаимоотношений Казака (Р. Подопригора) и Француженки (Е. Голованова), которая перерастает рамки частного сюжета и становится макрокосмическим символом соединения двух национальных культур. Семиотически значимым жестом, инициирующим диалог, становится момент, когда Казак снимает свой плащ и набрасывает его на плечи французской девушке. Этот пластический акт прочитывается как преодоление этнокультурной дистанции, манифестация защиты, доверия и духовного сближения. Разворачивающийся далее дуэт танца, строящийся на взаимном «узнавании» пластических кодов друг друга, иллюстрирует процесс постепенного разрушения искусственных стереотипов, транслируя зрителю концепт экзистенциального родства душ вопреки языковым и государственным барьерам.

Кульминационной точкой лексического и драматургического выражения межкультурного конфликта становится полифонический «танец втроем» (Казак, Француженка и её французский Жених в исполнении В. Почукаева). Данная пластическая мизансцена представляет собой репрезентацию пограничного состояния (лиминальности) главной героини. Находясь в физическом и хореографическом контакте одновременно с двумя партнерами, Француженка пластически воплощает метафору выбора между традиционной цивилизационной идентичностью (Жених) и притягательной силой чужой, манящей своей виртуозной архаикой культуры (Казак).

Конфликт разрешается не через физическое уничтожение соперника, а через осознание свободы выбора и автономии человеческих чувств, что выводит драматургию танцевального театра на уровень глубоких философских обобщений.

Оппозиция «хаос военного трактира — гармония национального космоса» находит свое разрешение в финальном хороводе. Как подчеркивают исследователи русского фольклора (Г. Богданов, Т. Устинова), хоровод по своей природе обладает мощной сакральной, солярной основой, направленной на нивелирование индивидуальных границ и объединение человеческих энергий [4;17].

В финале спектакля «Казачи в Париже» в хороводное движение вовлекаются не только казаки, но и французские горожане. Геометрия круга уравнивает всех участников сценического действия, символизируя торжество созидательных, объединяющих сил и достижение межкультурного катарсиса перед неизбежным историческим расставанием. Данный драматургический ход переводит конкретно-исторический поход 1814 года в плоскость универсального вневременного мифа о любви, преодолевающей любые географические и политические расстояния под пронзительный хоровой аккомпанемент песни «Не для меня», активно подхватываемой зрительным залом.

Таким образом, драматургическая структура спектакля демонстрирует продуктивную модель хореографического театра, в которой этнографическая характеристика персонажей не обособляет их, а служит инструментом выстраивания полифонического диалога, расширяя палитру выразительных средств современного народно-сценического искусства.

Заключение

Режиссёр-балетмейстер Екатерина Милованова в спектакле «Казачи в Париже» в Липецком Государственном театре танца «Казачи России» выступает не просто

как реконструктор, а как художник-интерпретатор, который переводит исторические реалии на язык тела и сценического действия, предлагая зрителю авторский взгляд на прошлое.

Спектакль актуализирует сложнейшую теоретическую проблему хореологии — проблему границ и механизмов полистилистического синтеза в пространстве народно-сценического танца.

Екатерина Милованова сознательно избирает путь лексической диффузии, при которой традиционный казачий пластический фольклор вступает в диалог с современными направлениями танца (modern, contemporary) и элементами уличных субкультур (breakdance, hip-hop).

Хореографический текст наполнен противопоставлениями певучей и размеренной женской пластики с монументальностью и силой казачьего воинства, что согласуется с теоретической концепцией М. Бежара о способности танца преодолевать культурные барьеры через универсализацию пластического жеста [3].

Таким образом, проведенный деструктивный анализ хореографического текста спектакля «Казачи в Париже» позволяет констатировать формирование нового полистилистического направления в народной хореографии, где этнокультурный базис успешно аккумулирует и переосмысляет инновационный язык современного танца.

На основании вышеизложенного, выводы исследования указывают на то, что для появления новых, конкурентоспособных и содержательных хореографических спектаклей в России недостаточно только технического совершенства. Необходимо воспитывать универсальных артистов, владеющих смежными театральными навыками, и поощрять режиссёров-балетмейстеров к глубокому изучению фольклорного наследия и его смелой интерпретации на современной сцене.

Реализация этих рекомендаций должна привести к обогащению отечественного танцевального искусства и появлению нового поколения ярких постановок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балет: энциклопедия / главный редактор Ю.Н. Григорович. — Москва: Советская энциклопедия, 1981. — 623 с.
2. Бахрушин, Ю.А. История русского балета: учебное пособие для институтов культуры, театральных и хореографических училищ / Ю.А. Бахрушин. — 3-е изд. — Москва: Просвещение, 1977. — 287 с.
3. Бежар, М. Мгновение в жизни другого: мемуары / М. Бежар; перевод с французского Л. Зониной. — Москва: АО «Русская творческая палата», 1998. — 239 с.
4. Богданов, Г.Ф. Русский народный танец: теория и методика работы с танцевальным коллективом: учебное пособие для вузов искусств и культуры / Г.Ф. Богданов. — Москва: Искусство, 1995. — 164 с.
5. Ванслов, В.В. Балеты Григоровича и проблемы хореографии / В.В. Ванслов. — Москва: Искусство, 1968. — 222 с.
6. Ванслов, В.В. Статьи о балете: музыкально-эстетические проблемы балетного театра / В.В. Ванслов. — Ленинград: Музыка, Ленинградское отделение,

1980. – 192 с.
7. Власенко, Г.Я. Танцы народов Поволжья: учебное пособие / Г. Я. Власенко. – Самара: Самарский государственный университет, 1992. – 128 с.
 8. Гербек, Г.Э. Характерный танец: настоящее и будущее / Г.Э. Гербек // Советский балет. – 1990. – № 1. – С. 34–37.
 9. Захаров, Р.В. Слово о танце / Р. В. Захаров. – Москва: Молодая гвардия, 1977. – 158 с.
 10. Захаров, Р.В. Записки балетмейстера / Р. В. Захаров. – Москва: Искусство, 1976. – 351 с.
 11. Захаров, Р.В. Сочинение танца: страницы педагогического опыта / Р.В. Захаров. – Москва: Искусство, 1983. – 224 с.
 12. Зацепина, К.С. Народно-сценический танец: учебно-методическое пособие / К.С. Зацепина, А.А. Климов. – Москва: Искусство, 1976. – 224 с.
 13. Климов, А.А. Основы русского народного танца: учебник для институтов культуры / А.А. Климов. – Москва: Искусство, 1981. – 270 с.
 14. Моисеев, И.А. Голос дружбы / И.А. Моисеев // Советский балет. – 1983. – № 5. – С. 2–5.
 15. Новерр, Ж.-Ж. Письма о танце и балетах / Ж.-Ж. Новерр; перевод под редакцией А.А. Гвоздева. – Ленинград; Москва: Искусство, 1965. – 376 с.
 16. Ткаченко, Т.С. Работа с танцевальным коллективом: методическое пособие / Т.С. Ткаченко. – Москва: Искусство, 2018. – 154 с. Уральский, В.И. Поиски и решения: танец в эстрадном театре / В. И. Уральский. – Москва: Искусство, 1974. – 134 с.
 17. Устинова, Т.А. Русские народные танцы / Т.А. Устинова. – Москва: Искусство, 2021. – 144 с. (Примечание: классический труд Т.А. Устиновой вышел в 1950 г., в 2021 г. вышло современное переиздание, описание адаптировано под него).
 18. Фокин, М.М. Против течения: воспоминания балетмейстера: статьи, письма / М.М. Фокин; редактор-составитель Ю.И. Слонимский. – Ленинград; Москва: Искусство, 1962. – 638 с.

© Ольховская Елена Сергеевна (helena_olhovskaya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ ТРАНСГЕНЕРАЦИОННОЙ (МЕЖПОКОЛЕННОЙ) ПЕРЕДАЧИ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА В УСЛОВИЯХ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

Белова Татьяна Григорьевна,

аспирант, онлайн институт Смарт;

Master degree FMT, California Southern University

bialovat@gmail.com

ANALYSIS OF PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF TRANSGENERATIONAL (INTERGENERATIONAL) TRANSMISSION OF TRAUMATIC EXPERIENCE IN CONDITIONS OF EMOTIONAL VIOLENCE

T. Belova

Summary: The relevance of this study stems from the need to investigate the psychological characteristics that contribute to the recurrence of traumatic experiences and destructive patterns of interaction within the family system. The aim of the study was to analyze the hypothesized mechanisms of transgenerational transmission of traumatic experiences in the context of emotional abuse. The study involved 200 respondents: 60 individuals with a confirmed history of childhood emotional abuse and 140 participants in a comparison group. Data were collected using the CTQ-SF Childhood Trauma Questionnaire, psychodiagnostic measures of anxiety and depressive symptoms, attachment, resilience, self-compassion, defense mechanisms, and locus of control, as well as the author's open-ended questionnaire. Data processing included correlation analysis, Student's t-test for independent samples, logistic regression, thematic coding, categorization, and qualitative analysis of statements. As a result of the analysis of open-ended responses, eight thematic clusters were identified, reflecting the characteristics of traumatic parental behavior and the potential recurrence of negative family scenarios. Participants with a history of emotional abuse more often reported humiliation and constant criticism, devaluation of emotional reactions, excessive control, inflated expectations, emotional rejection, manipulative behavior, mistrust, and feelings of helplessness. The comparison group tended to have more holistic and positive memories associated with support, respect, and open emotional interactions with parents. The identified characteristics of family narratives indicate the possible reproduction of learned relationship patterns and suggest that emotional abuse may contribute to the development of maladaptive cognitive, emotional, and behavioral attitudes.

Keywords: transgenerational trauma, intergenerational transmission, emotional abuse, parent-child relationships, psychological trauma, attachment style, defense mechanisms, family scenarios.

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения психологических характеристик, способствующих воспроизведению травматического опыта и деструктивных моделей взаимодействия в семейной системе. Цель работы состояла в анализе предполагаемых механизмов трансгенерационной (межпоколенной) передачи травматического опыта в условиях эмоционального насилия. В исследовании приняли участие 200 респондентов: 60 человек с установленным опытом эмоционального насилия в детстве и 140 участников группы сравнения. Для сбора данных применялись опросник детской травмы CTQ-SF, психодиагностические методики оценки тревожных и депрессивных проявлений, привязанности, резильентности, самосострадания, защитных механизмов и локуса контроля, а также авторская анкета с открытыми вопросами. Обработка данных включала корреляционный анализ, t-критерий Стьюдента для независимых выборок, логистическую регрессию, тематическое кодирование, категоризацию и качественный анализ высказываний.

В результате анализа открытых ответов выделено восемь тематических кластеров, отражающих особенности травмирующего родительского поведения и возможное воспроизведение негативных семейных сценариев. Участники с опытом эмоционального насилия чаще сообщали об унижении и постоянной критике, обесценивании эмоциональных реакций, чрезмерном контроле, завышенных ожиданиях, эмоциональном отвержении, манипулятивном поведении, недоверии и чувстве беспомощности. В группе сравнения преобладали целостные и положительно окрашенные воспоминания, связанные с поддержкой, уважением и открытым эмоциональным взаимодействием с родителями. Выявленные особенности семейных нарративов указывают на возможное воспроизведение усвоенных моделей отношений и позволяют рассматривать эмоциональное насилие как фактор формирования дезадаптивных когнитивных, эмоциональных и поведенческих установок.

Ключевые слова: трансгенерационная травма, межпоколенческая передача, эмоциональное насилие, детско-родительские отношения, психологическая травма, стиль привязанности, защитные механизмы, семейные сценарии.

Введение

Изучение феномена межпоколенной передачи травматического опыта приобретает всё большую научную актуальность, о чём свидетельствует растущее число посвящённых данной теме работ [1-5].

Первоначальный интерес к подобным исследованиям появился в связи с наблюдением за психическим и психосоматическим состоянием потомков тех, кто пережил трагические события (геноцид армян, Холокост, принудительное переселение, природные и техногенные катастрофы, а также вооружённые конфликты). У детей, чьи родители подверглись тяжёлым психологическим потрясениям, были выявлены аналогичные психопатологические и психосоматические симптомы. Исследования показали, что дети выживших в Холокосте демонстрировали симптоматику, практически неотличимую от проявлений настоящей психологической травмы. В их числе нарушения в построении близких и межличностных отношений, сложности с интеграцией в социальную среду, вспышки неконтролируемой агрессии и враждебности, а также подавленность, тревожные состояния и необоснованное чувство вины. Данные расстройства фактически воспроизводят психосоматические паттерны, характерные для самих жертв трагических событий [6].

Негативные последствия межпоколенческой передачи психической травмы были выявлены у потомков американцев японского происхождения, интернированных во время Второй мировой войны, представителей коренных народов Канады и США, лиц, переживших геноцид армян в Османской империи, геноцид, совершённый режимом красных кхмеров в Камбодже, и геноцид тутси в Руанде. Аналогичные последствия изучались у детей лиц, насильственно исчезнувших в период военной диктатуры в Аргентине, а также у потомков людей, переживших Голодомор в Украине [6].

Общим результатом рассмотренных исследований является установление повышенного риска нарушений психического и психосоматического здоровья у детей, родители которых пережили травматические события [8].

На основании проведенных исследований было сделано заключение о том, что главным проявлением разрушительного воздействия на личность травматического опыта предшествующих поколений является несформированная (диффузная) или разрушенная (диссоциированная) идентичность потомков [7, 10].

В значительно меньшей степени исследуются негативные последствия для последующих поколений трансгенерационной травмы, связанной с политическими

репрессиями. В частности, ее изучение у потомков лиц, пострадавших во время сталинских репрессий, носит фрагментарный характер [9].

Цель исследования – анализ психологических механизмов трансгенерационной (межпоколенной) передачи травматического опыта в условиях эмоционального насилия.

Материалы и методы исследования

В рамках тематического кодирования, индуктивного обобщения и категоризации обрабатывались сведения, полученные на основе свободных высказываний респондентов. Общая выборка насчитывала 200 человек. Отбор респондентов осуществлялся методом целенаправленного стратифицированного отбора с учётом возрастных и гендерных характеристик, что обеспечило сопоставимость выделенных групп. В возрастной структуре выборки молодые взрослые в возрасте от 18 до 25 лет составили 34% (68 человек), лица среднего взрослого возраста (от 26 до 45 лет) – 36% (72 человека), а представители старшей возрастной группы (от 46 лет и старше) – 30% (60 человек). Подобное распределение дало возможность осуществить межпоколенческий сравнительный анализ восприятия и переработки травматического опыта, а также выявить особенности его трансляции в семейной системе. Гендерная структура выборки также отличалась относительным балансом с преобладанием женского контингента: женщины составили 60% выборки (120 человек), мужчины – 40% (80 человек).

Для сбора эмпирических данных в исследовании использовался комплекс стандартизированных психодиагностических методик, дополненный авторской анкетой с открытыми вопросами, направленной на углублённое качественное изучение субъективного опыта респондентов. Каждая из применяемых методик обладает высокой степенью валидности и надёжности, что позволяет обеспечить достоверность получаемых результатов. Так, опросник детской травмы – сокращённая форма (Childhood Trauma Questionnaire-Short Form, CTQ-SF) применяется для ретроспективной оценки негативного опыта, связанного с насилием и пренебрежением в детском возрасте. В соответствии с установленными диагностическими критериями, респонденты, набравшие 13 баллов и более, были отнесены к группе с опытом эмоционального насилия (группа ЭН), что соответствует категории «умеренно тяжёлое / тяжёлое насилие». Остальные участники, чей результат оказался ниже данного порога, были включены в контрольную группу (группа без опыта эмоционального насилия). По итогам классификации, основанной на подшкале «Эмоциональное насилие» (пороговое значение ≥ 13 баллов), в группу ЭН было включено 60 человек из 200, что составляет 30 % выборки. Оставшиеся 140 респондентов (70 %) не

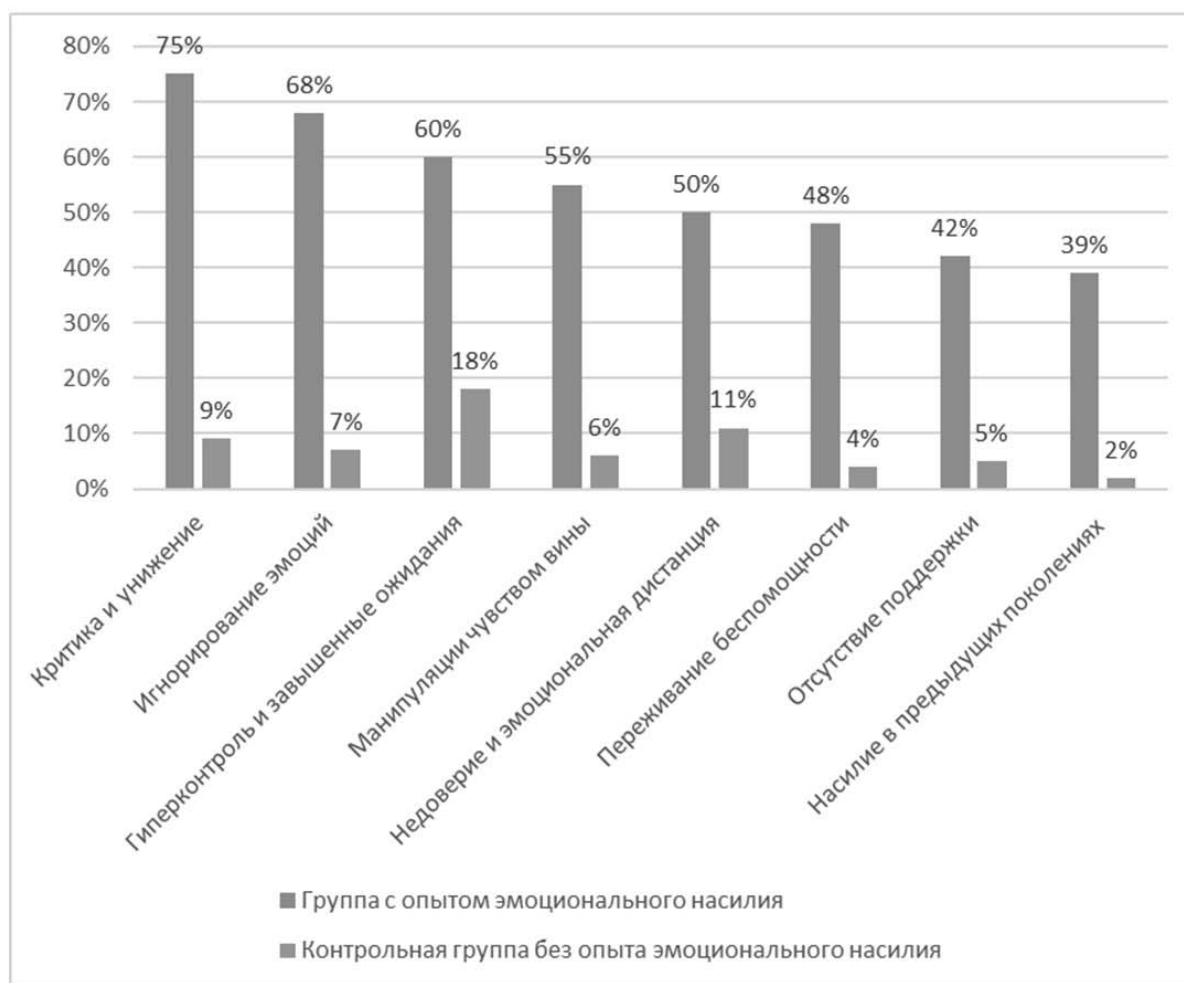

Рис. 1. Частота упоминания выделенных тематических категорий

достигли клинического порога и составили контрольную подвыборку.

Также были использованы методики, позволяющие измерить уровень резильентности, характер семейного взаимодействия, выраженность самосострадания, а также специфику функционирования защитных механизмов. Помимо этого, исследовались паттерны привязанности посредством опросников ECR-RS и IPPA, тогда как шкалы BDI-II, BAI и STAI использовались для диагностики депрессивных и тревожных проявлений. Отдельное внимание уделялось оценке того, в какой мере испытуемые склонны приписывать контроль над происходящим себе или внешним обстоятельствам. Таким образом, применённый методический комплекс охватывал эмоциональную, личностную, межличностную и регуляторную сферы психического функционирования.

Качественная интерпретация обнаруженных статистических закономерностей стала возможной благодаря тому, что помимо закрытых шкал в анкету были включены открытые вопросы. Они давали респондентам возможность в свободной форме описать собственные

представления об индивидуальных способах эмоционального совладания, специфике взаимоотношений между детьми и родителями, а также об используемых подходах к воспитанию.

Статистическая обработка количественных данных проводилась с использованием корреляционного анализа, *t*-критерия Стьюдента для независимых выборок и логистической регрессии. Для сравнения средних в двух независимых группах также применялся *t* критерий Стьюдента. Для изучения влияния нескольких предикторов на принадлежность к группе использовалась логистическая регрессия.

Результаты исследования

В результате обработки открытых ответов были выделены восемь содержательно обоснованных тематических кластеров, отражающих субъективное восприятие травмирующего родительского поведения, его вероятные причины, а также указания на межпоколенческую передачу негативных сценариев взаимодействия. Частота упоминания выделенных тематических категорий

представлена на рисунке 1 (рисунок 1).

Семантический анализ высказываний участников экспериментальной группы, имеющих опыт пережитого эмоционального насилия, позволил зафиксировать ряд повторяющихся тематических блоков. Наиболее распространёнными оказались описания унижений и постоянной критики, на них указали 75% респондентов. В 68% случаев фигурировало обесценивание эмоциональных реакций. 60% опрошенных упоминали чрезмерный контроль и непосильные ожидания со стороны значимых взрослых. Темы эмоционального отвержения и манипулятивного поведения были отражены в ответах 55% участников, тогда как ощущение недоверия и чувство собственной беспомощности отмечали 50% и 48%. Приведённые формулировки наглядно иллюстрируют характер пережитого опыта: «Родители не проявляли никакого интереса к тому, что я чувствую», «Чтобы получить любовь, нужно было вести себя правильно и соответствовать ожиданиям», «Слёзы воспринимались как слабость, и мне запрещали их проявлять», «Меня постоянно ставили в сравнение с другими, и я всегда оказывался хуже». Глубокая нехватка доверия и ощущения защищённости в отношениях между детьми и родителями явно прослеживается в подобных словах. В то же время респонденты контрольной группы (без опыта эмоционального насилия) преимущественно демонстрировали нейтрально-позитивную картину детства. В их ответах преобладали упоминания поддержки, уважения и открытого эмоционального общения, например, «Я всегда мог обратиться за помощью», «Ошибки воспринимались спокойно», «Меня учили выражать эмоции» и «Я чувствовал себя любимым». Частота упоминания тем, характерных для эмоционального насилия, в данной группе не превышала 15–18%.

Среди выявленных закономерностей особого рассмотрения заслуживает феномен межпоколенческой трансляции насилия, который наиболее отчётливо проявился у участников экспериментальной группы. Семейные установки, зафиксированные в высказываниях респондентов («отца тоже били, и ничего страшного», «в нашей семье не жалуются», «мне в детстве доставалось куда больше»), указывают на то, что жестокое обращение прочно укоренилось в системе родительских

убеждений как вполне приемлемый способ воспитания. Подобные воспроизводящиеся семейные сценарии находят теоретическое обоснование в современных исследованиях механизмов передачи травмы, через процессы идентификации, интроекции и эмоционального резонанса между поколениями [11]. Всё это служит дополнительным свидетельством в пользу концепции цикличности насилия внутри семейной системы.

Заключение

Таким образом, феномен межпоколенческой передачи травматического опыта приобретает особую наглядность именно при сопоставлении нарративных характеристик двух исследуемых групп. Тематический и качественный анализ открытых ответов респондентов показал глубокие структурные различия в том, каким образом участники конструируют и вербализуют воспоминания о собственном детстве. Эти различия носят не случайный, а системный характер, что само по себе свидетельствует об устойчивости выявленных закономерностей.

Участники экспериментальной группы воспроизводили преимущественно фрагментированные, аффективно перегруженные образы, в центре которых неизменно оказывались деструктивные сценарии родительского взаимодействия. Их нарративы отличались высокой степенью эмоциональной насыщенности и стремились к воспроизведению травматических паттернов. Респонденты контрольной группы демонстрировали значительно более целостную и позитивно окрашенную картину детских переживаний, что указывает на принципиально иной характер усвоенного опыта семейных отношений.

Полученные качественные данные согласуются с результатами количественного анализа и дополняют их содержательной интерпретацией. Эмоциональное насилие может выступать фактором формирования дезадаптивных когнитивных, эмоциональных и поведенческих установок. Выявленные особенности семейных нарративов указывают на возможное воспроизведение усвоенных моделей взаимодействия, однако подтверждение их трансгенерационной передачи требует исследования представителей нескольких поколений одной семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буц, Я.В. Механизм трансгенерационной передачи травмы и ее влияние на последующие поколения // Личность и семья в условиях новой нормальности: жизнедеятельность, совладание и психологическая помощь. Материалы Международной научно-практической конференции Человек. Семья. Культура: активность, ресурсы и помощь в условиях новой нормальности. Москва, 01–02 октября 2025 года, издательство Москва, 2025. – 312 с.
2. Вачков, И.В. Трансгенерационные аспекты в возникновении женского одиночества. Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике. – 2020. – №1. – С. 67–70.
3. Вертелицкая, А.И. Трансгенерационная травма с точки зрения психоанализа. Молодой ученый. – 2023. – №27. – С. 251–253

4. Карелин, А.А. Когнитивные механизмы передачи трансгенерационного опыта. Трансгенерационный подход в индивидуальном и семейном психологическом консультировании // Личность в ситуации социальных изменений: Сборник материалов II всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 05–06 декабря 2020 года, ИЦ "Наука", 2020. – 250 с.
5. Костевич, Д.И. Феномен межпоколенческой передачи травмы и его влияние на индивидуацию третьего и четвертого поколений. Пространство психоанализа и психотерапии. – 2022. – №2. – С. 60–85.
6. Соловьева, С.Л. Вторичная психическая травматизация как способ передачи трансгенерационного опыта. Медицинская психология в России. – 2026. – №18(1). – С. 2–16. – doi: 10.24884/2219-8245-2026-18-1-2-16
7. Aoued H.S., Sannigrahi S., Doshi N., Morrison F.G., Linsenbaum H., Hunter S.C., Walum H., Baman J., Yao B., Jin P., Ressler K.J., Dias B.G. Reversing Behavioral, Neuroanatomical, and Germline Influences of Intergenerational Stress. *Biol Psychiatry*. – 2019. – №85(3). – P. 248–256. – doi: 10.1016/j.biopsych.2018.07.028.
8. El-Khalil C., Tudor D.C., Nedelcea C. Impact of intergenerational trauma on second-generation descendants: a systematic review. *BMC Psychol*. – 2025. – №13(1). – С. 668. – doi:10.1186/s40359-025-03012-4
9. Faúndez X., Goeck X. Psychosocial Trauma Transmission and Appropriation in Grandchildren of Former Political Prisoners of the Civic – Military Dictatorship in Chile (1973–1990). *Journal of Social Science Education*. – 2015. – №14(2). – P. 26–39. – doi:10.2390/jsse-v14-i2-1446
10. Gapp K., Steenwyk G., Germain P.L., Matsushima W., Rudolph K.L.M., Manuela F., Roszkowski M., Vernaz G., Ghosh T., Pelczar P., Mansuy I.M., Miska E.A. (2018). Alterations in sperm long RNA contribute to the epigenetic inheritance of the effects of postnatal trauma. *Mol Psychiatry*. – 2020. – №25(9). – P. 2162–2174. doi: 10.1038/s41380-018-0271-6
11. Yehuda R., Lehrner, A. Межпоколенческая передача травматических эффектов: предполагаемая роль эпигенетических механизмов. *World Psychiatry*. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 243–257. – doi: 10.1002/wps.20568

© Белова Татьяна Григорьевна (bialovat@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОДРОСТКОВ, ОСВАИВАЮЩИХ ЭЛЕКТРОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ

Глушкова Светлана Александровна

Учитель английского языка, БОУ «Гимназия №159», Омск

glushkova.s.a@gmail.com

SOCIAL ACTIONS OF TEENAGERS WHO MASTER ELECTRONIC EDUCATIONAL RESOURCES

S. Glushkova

Summary: The article examines the correlation analysis of electronic forms of communication and social behavior of modern adolescents involved in the digital educational space. The main attention is paid to the analysis of the peculiarities of the social actions of adolescents in the context of the digitalization of the educational process and daily life living in large cities.

The main results showed that Internet communications have a significant impact on the formation of social behavior of adolescents. The relationship between the level of activity in the digital environment and the features of behavioral reactions has been revealed. It was found that highly active users demonstrate more pronounced emotional reactions and dependence on external evaluation, while moderately active adolescents show greater independence in decision-making. The study also revealed common trends in the motivational sphere of teenagers, regardless of the level of activity on the Internet: high determination, desire for recognition and the need for positive reinforcement. The practical significance of the work lies in the possibility of applying the results obtained for the development of programs for psychological and pedagogical support of adolescents in a digital educational environment, and the formation of adaptive behavioral models in both real and electronic space.

Keywords: teenagers, Internet communication, social behaviour, motivational sphere, locus of control, digital environment, behavioral reactions, Sphere, adaptive behaviour patterns.

Аннотация: В статье происходит исследование корреляционного анализа электронных форм коммуникации и социального поведения современных подростков, вовлеченных в цифровое образовательное пространство. Основное внимание уделяется анализу особенностей социальных действий подростков в условиях цифровизации образовательного процесса и повседневной жизни, проживающих в крупных городах.

Основные результаты показали, что интернет-коммуникации оказывают существенное влияние на формирование социального поведения подростков. Выявлена взаимосвязь между уровнем активности в цифровой среде и особенностями поведенческих реакций. Установлено, что высокоактивные пользователи демонстрируют более выраженные эмоциональные реакции и зависимость от внешней оценки, в то время как средне активные подростки проявляют большую самостоятельность в принятии решений. Исследование также выявило общие тенденции в мотивационной сфере подростков, независимо от уровня активности в интернете: высокая целеустремленность, стремление к признанию и потребность в положительном подкреплении. Практическая значимость работы состоит в возможности применения полученных результатов для разработки программ психолого-педагогического сопровождения подростков в цифровой образовательной среде, и формирования адаптивных моделей поведения как в реальной, так и в электронном пространстве.

Ключевые слова: подростки, интернет-коммуникации, социальное поведение, мотивационная сфера, локус контроля, цифровая среда, поведенческие реакции, Сфера, адаптивные модели поведения.

Изменение парадигмы получения образования порождает необходимость освоения интернет-коммуникации. На законодательном уровне закреплено право выдавать задания в электронной форме обучающимся общеобразовательных учреждений. Родители и обучающиеся активно осваивают современные информационные технологии. В особенности это касается обучающихся подросткового возраста в период, когда происходит формирование самостоятельности [1, с. 20-22]. Помимо учебных задач подростки интенсивно применяют средства интернет-коммуникаций для общения. Изменения в расписании, выполнение домашней работы в электронной форме, внеурочная деятельность требуют непрерывного взаимодействия посредством платформ интернет-коммуникаций. Также следует учитывать ведущую деятельность подростка – общение [2, с. 100; 3, 2021]. Подростки создают группы по интересам,

активно вступают в различные сообщества, поддерживают контакты с родственниками и одноклассниками. Все это накладывает определенный отпечаток на социальное поведение в реальной жизни.

В научных кругах остается дискуссионным вопрос о преобладании отрицательного или положительного воздействия интернет-коммуникаций на поведение подростков. Тем не менее, существуют основания утверждать, что специфические особенности интернет-коммуникаций, оказывающие непосредственное влияние на отдельную личность, формируют модели поведения в реальной жизни [4, 2025].

В подростковый период происходит модификация структуры мотивационно-личностной сферы. Подростки формируют свои мотивы на основе осознанного вы-

бора, увлечения и интересы обладают целеполаганием. Мотивы выстраиваются в иерархическую структуру, определяя модель поведения подростков. Мотивация выступает системой компонентов, обуславливающих совокупность поступков подростков. Согласно теории Л.С. Выготского иерархическая структура мотивационной сферы предполагает механизмы соподчинения вариативных мотивационных направлений [5, 2003; 6, 2021]. В свою очередь Д.Б. Эльконин, Т.В. Драгунова полагают, что подростковый период является сензитивным для развития мотивации: подросток активно отделяется от взрослых, формируется чувство взрослости, проявляется независимость от родителей, происходит формирование Я-концепции, активная потребность в самоутверждении и самореализации, корректировка интересов и увлечений, основанных на личном опыте [7, 2024].

Современное общество характеризуется стремительной цифровизацией коммуникативных практик, что особенно заметно в подростковой среде. Подростки выступают одной из наиболее активных групп пользователей цифровых платформ: социальных сетей, мессенджеров, стриминговых сервисов, многопользовательских онлайн игр и иных форм интернет-коммуникации. Однако научное понимание того, как именно активность в цифровой среде трансформирует поведенческие стратегии подростков, остаётся фрагментарным. Наблюдается ряд ключевых противоречий и пробелов. Несмотря на высокую вовлечённость подростков в интернет-коммуникацию (по данным ряда исследований, до 8–10 часов в день), комплексные исследования долгосрочных эффектов такого взаимодействия единичны.

Недостаточно изучено, являются ли определённые поведенческие паттерны (например, импульсивность в общении, склонность к кратким текстовым сообщениям, зависимость от внешнего одобрения в виде «лайков») следствием активного использования цифровых каналов или отражают общие возрастные особенности.

Воздействие на поведение может кардинально различаться в зависимости от формата коммуникации. Современные мессенджеры (Telegram, Макс, Дискорт, VK мессенджер) обладают гибридным форматом, который позволяет воспринимать их как социальную сеть, так и как текстовый мессенджер для ведения быстрых асинхронных диалогов [8, 2021; 9, 2020]. Большинство работ концентрируются на негативных эффектах (кибербуллинг, цифровая зависимость), тогда как позитивные аспекты (развитие навыков сетевого сотрудничества, расширение круга общения, освоение новых форм самовыражения) изучены слабее.

Проблема исследования заключается в недостаточной изученности механизмов влияния интенсивности и специфики применения цифровых ресурсов на модели-

рование устойчивых поведенческих паттернов подростков в условиях цифровой социализации.

В период подростничества мотивационная область приобретает иерархическую структуру, подросток сознательно принимает решения на основе выстроенных в определенном порядке мотивов. Иерархическая структура мотивов помогает планировать учебную и личную деятельность, определяя лидирующую позицию того или иного мотива. Российский специалист по возрастной психологии И.В. Дубровина отмечает, что фундаментальным атрибутом мотивационной сферы является потенциал потребностей, мотивов, выраженность и обостренность эмоциональных состояний, формирование увлечений [10, 2024]. Уровень мотивации формируется не одним, а сразу несколькими мотивами, каждый из которых обладает собственным весом и значимостью [11, 2021]. В мотивационной области и поведении выделяются два диаметрально противоположных направления – индивидуализации, отдаления от значимых взрослых, и подчинение референтной группы, копирование стандартов поведения [12, 2025, с. 41–43].

В научных работах самопрезентация подростков в цифровом пространстве рассматривается как многоплановый феномен, связанный с формированием идентичности, компенсацией внутренних конфликтов и формированием мотивационной области личности [13, 2023]. Вызывающий характер самопрезентации может быть связан с экспериментами с идентичностью, стремлением к признанию или компенсацией низкой самооценки [14, 2024].

В исследовании Володарской Е.А. и Стегина С.В. продемонстрировано, что воображаемая самопрезентация координирует с недостатком самоуверенности, чувством собственного достоинства, мотивацией, вместе с неуверенностью и неспособностью поводить саморефлексию. Эмпирические наблюдения свидетельствуют о том, что высокий уровень самопринятия у подростков обуславливает тенденцию к демонстрации подлинного «Я» в процессе цифровой самопрезентации в социальных сетях [15, 2025]. Подростки используют различные формы интернет-коммуникаций для формирования эмоциональной связи с другими людьми, многие подростки отмечают, что испытывают эмоциональную связь со своими друзьями или одноклассниками, поддерживая с ними связь в течение дня. [16, 2022; 17, 2020].

Несмотря на положительные изменения эмоционального состояния подростки могут сталкиваться с выражением негативных эмоций в основном связанных с беспокойством и ревностью. Некоторые подростки сообщали, что ощущают себя обделенными вниманием или испытывают ревность, особенно когда узнают о том, что их друзья могут общаться с другими сверстниками.

[18, 2024].

Большая часть исследований о негативном влиянии интернет-коммуникаций посвящена именно киберзапугиванию. В недавнем исследовании Pew почти 50% подростков в США проинформировали о том, что в той или иной форме подвергались киберзапугиванию [19, 2022]. В научных источниках киберзапугивание является комплексной проблемой, включающей индивидуальные и контекстуальные провоцирующие факторы. Марчиано и его коллеги провели мета-анализ долгосрочных исследований и установили, что киберзапугивание и виктимизация оказались взаимосвязанными в долгосрочной перспективе, это в свою очередь указывает на то, что сами жертвы становятся источниками киберзапугивания и наоборот [20, 2020].

В тоже время существует категория подростков, для которых интернет-коммуникации являются единственным способом поддержания связи с социальными институтами: инвалиды, часто болеющие дети, состоящие на различных видах учета, имеющие временные ограничения трудоспособности [21, 2023; 22, 2025].

Цель исследования - выявить взаимосвязь между активностью использования интернет-коммуникаций и формированием поведенческих паттернов у подростков 15–17 лет. В исследовании приняли участие подростки 9-11 классов ($N = 70$; средний возраст $16,06 \pm 1,14$ лет; 25 девушек, 45 юношей).

Гипотеза: внедрение цифрового образовательного пространства трансформирует модели социального поведения подростков, проживающих в мегаполисах, составляя акценты на особенностях поведенческих реакций и тенденциях мотивационной сферы.

Для проведения исследования были использованы следующие психодиагностические методики:

1. Опросник виртуального поведения для диагностики уровня вовлеченности пользователей подросткового возраста [23, 2022; 24, 2024].
2. Анкетирование на выявление локуса контроля Дж. Роттера [25, 2022].
3. Анкетирование на выявление поведенческих реакций (авторская методика).
4. Опросник Карвера-Уайта на выявление типа мотивации [26, 2014].

Для статистической обработки эмпирических данных были задействованы: коэффициент корреляции r – Пирсона, H -критерий Крускала-Уоллиса. Результаты эмпирического исследования обработаны с помощью программы «STATISTICA».

Предварительно подростки прошли опрос на выяв-

ление уровня активности в средах интернет-коммуникации. Подростки были разделены по трем уровням активности: высоко активные, средней активности и низкой активности пользователи. Высоко активные пользователи обладают широкими социальными контактами в виртуальном пространстве и открыты к новым знакомствам. Опрашиваемые регулярно проверяют аккаунты в социальных сетях (ВКонтакте - 48%, Сферум – 63%, Телеграм – 95%). Они являются самой мобильной группой, у большинства (93%) имеется неограниченный доступ к мобильному интернету, поэтому они находятся на связи в любом месте: общественный транспорт, школа, улица, торговые центры, дом. Активные пользователи обладают знаниями об актуальных событиях в молодежных сообществах, а в некоторых случаях (8%) осведомлены о международной обстановке. В переписке они используют смайлы, гифы, а полученные сообщения обязательно маркируют различными реакциями, подтверждая прочтение входящих сообщений.

Каждый второй представитель группы со средним уровнем активности стараются наблюдать за своими друзьями, чем публиковать собственные посты. Они достаточно активно посещают социальные сети и мессенджеры, находятся на связи с друзьями и вступают в переписку как с друзьями, так и в группах, но выбор платформ ограничен, а переписка ведется с друзьями, 86% из которых они знают в реальной жизни. Сообщества отбираются по интересам, либо создаются небольшие группы в мессенджерах. Наиболее популярный мессенджер среди подростков данной группы Телеграм (95%), а Сферум (72%) используется в учебных целях.

Респонденты низкого уровня активности нацелены на поиск требующейся информации. Они не публикуют посты в аккаунтах, либо делают это редко: раз в год 7% опрошенных, раз в два года 29%, однократно 51%, ничего не публикует 13%. Переписка ведется с родственниками или близкими друзьями, в группах они выбирают пассивную модель взаимодействия. В личной переписке придерживаются линии разговора и используют инструменты рисования для демонстрации доказательств своему собеседнику.

Проведя анализ поведенческих реакций среди подростков на основе теории социального научения Джулиана Роттера, выяснилось, что существует корреляционная связь между степенью участия подростков в интернет-коммуникации и характером поведенческих реакций. Активные участники сетевого пространства, характеризующиеся высокими показателями вовлечения ($x_{cp}=14$), обладают ярко выраженными эмоциями и высокими ожиданиями обратной связи. Такие пользователи открыто проявляют свои чувства и стремятся вызвать отклик на собственные действия. Между тем, группы подростков со средним ($x_{cp}=11,5$) и низким

Таблица 1.

Мотивация среди пользователей различного уровня интенсивности потребления

№	Мотивы	Группа 1 (средний ранг)	Группа 2 (средний ранг)	Группа 3 (средний ранг)	Р
1	Целеустремленность H=1.40	18	17	17	0.36
2	Поиск наслаждений H=1.45	15	15.5	15	0.37
3	Реакция на импульсы награды H=1.54	22	21.5	21	0,46
4	Реакция на негативные импульсы H=0.50	18	18.5	16	0,7

Таблица 2.

Корреляционный анализ между мотивами и поведенческими реакциями (высокий уровень интенсивности)

№	Поведенческие реакции	Мотивы			
		Целеустремленность	Поиск наслаждений	Реакция на импульсы награды	Реакция на негативные импульсы
1	Приобретение признания	0,43	0,35	0,31	-0,60
2	Приспособления, привыкание	0,14	0,10	0,25	0,15
3	Протективные	-0,01	0,32	0,04	0,14
4	Уклонение	0,05	0,19	-0,02	0,09
5	Конфронтационные	0,47	0,36	0,45	-0,01

($x_{cp}=10$) уровнем активности практически не различаются по силе реагирования на внешние раздражители, демонстрируя сходные уровни проявления эмоций и ожиданий ответной реакции. Тем не менее, разница проявляется в защитных механизмах, используемых данными группами подростков. Дополнительно важно подчеркнуть, что показатели агрессивного поведения идентичны для всех трех категорий подростков, что отражает специфику возрастной особенности подростничества и свидетельствует о распространенном применении агрессии как моментального способа достижения цели или прекращения нежелательных воздействий. Данная особенность действует независимо от глубины погружения в интернет-пространство, поскольку агрессия зачастую выступает универсальной формой самозащиты и попыткой незамедлительно изменить ситуацию в свою пользу. Наиболее показательно проявление тактики избегания в группе подростков с высоким уровнем потребления цифрового контента ($x_{cp}=4$), стремящихся избегать конфликтов и вписаться в рамки действующих норм и тенденций современного интернет-пространства. Уже имеющийся жизненный опыт помогает им выражать реакции уклонения, когда подростки предпочитают игнорировать требования взрослых или общественные поручения, чтобы не получить остро негативную реакцию в свой адрес или не желая выполнять поручение, считая его бесполезным. Таким образом, можно говорить о сложной динамике, определяемой

комбинацией индивидуальной предрасположенности, окружающей среды интернет-коммуникаций и формированием мотивационной сферы подростков.

Для определения степени экстернальности или интернальности был применён метод шкалы Дж. Роттера, позволяющий выявить локус контроля. Рассмотрим связь между локусом контроля и уровнем активности подростков в онлайн-пространстве. Статистический анализ данных ($P=0,473$, $N=1,48$, $\chi^2(2) = 1,45$) выявил, что у подростков, активно участвующих в интернет-коммуникациях, преобладает экстернальный локус контроля. Такие пользователи склонны воспринимать события своей жизни как результат стечения обстоятельств или влияния внешних факторов. Подростки, которые пользуются интернетом умеренно, напротив, чаще демонстрируют интернальный локус контроля. Они стремятся самостоятельно управлять своими поступками и принимать самостоятельные решения.

Считается, что личности с интернальным локусом контроля достигают более значительных результатов в профессиональной сфере и эффективнее распоряжаются своим личным пространством. В тоже время экстерналы испытывают потребность в одобрении и поддержке со стороны окружающих. Это позволяет сделать вывод о том, что подростки, которые интенсивно применяют интернет-коммуникации в большей степени стремятся к

Таблица 3.

Корреляционный анализ между мотивами и поведенческими реакциями (средний уровень интенсивности)

№	Поведенческие реакции	Мотивы			
		Целеустремленность	Поиск наслаждений	Реакция на импульсы награды	Реакция на негативные импульсы
1	Приобретение признания	0.11	0.51	0.11	-0.21
2	Приспособления, привыкание	-0.11	-0.30	-0.17	0.006
3	Протективные	-0.006	-0.06	0.05	0.18
4	Уклонение	0.19	0.16	-0.04	-0.05
5	Конфронтационные	0.30	-0.001	0.30	0.52

Таблица 4.

Корреляционный анализ между мотивами и поведенческими реакциями (низкий уровень интенсивности)

№	Поведенческие реакции	Мотивы			
		Целеустремленность	Поиск наслаждений	Реакция на импульсы награды	Реакция на негативные импульсы
1	Приобретение признания	0.29	0.11	0.40	0.58
2	Приспособления, привыкание	-0.08	-0.06	-0.13	-0.02
3	Протективные	-0,24	-0,02	-0,37	-0,62
4	Уклонение	-0,05	0,10	-0,05	-0,06
5	Конфронтационные	0,48	0,52	0,60	0,48

получению социального одобрения.

Исходя из анализа данных поведенческих реакций и локуса контроля можно сделать вывод, что отсутствует связь в проявлении поведенческих реакций и локуса контроля среди пользователей высокого и низкого уровня интенсивности. В свою очередь, у пользователей среднего уровня присутствует слабая корреляционная зависимость, которая указывает на обратную пропорциональную зависимость, когда уменьшение интенсивности поведенческих реакций приводит к уменьшению количества детей, имеющих интернальный локус контроля. Закономерно отметить, что подростки научаются контролировать свои переживания и эмоции, строить долгосрочные перспективы с целью достижения определенного рода результатов.

Статистический анализ мотивации показал, что наибольшую целеустремленность склонны проявлять участники группы 1 ($x_{cp}=18$), они целенаправленно идут к достижению поставленных задач. В тоже время другие участники групп также активно умеют ставить цели и реализовывать намеченные планы ($x_{cp}=17$). В возрасте 15-16 лет обучающимся приходится определяться в профессиональном плане, они развивают интересы в определенных науках и четко выстраивают траекторию ближайшего развития. В свою очередь мотивация с целью получения удовольствий практически не отличается от интенсивности использования интернет-коммуникаций. Подростки пробуют различные виды деятельности

от спорта до интеллектуальных видов деятельности, что позволяет выстраивать мотивационную сферу подростка через активное экспериментирование и выбор предпочитаемой активности: физической, интеллектуальной или социальной. Более чувствительно на критику реагируют участники группы высокой интенсивности ($x_{cp}=18$), поэтому их мотивация – это прежде всего получение ярких положительных реакций со стороны окружающих, но, в тоже время, негативные реакции их заставляют меняться и адаптироваться в зависимости от ситуации и сложившихся обстоятельств. Пользователи с низким уровнем интенсивности также предпочитают награду и негативные реакции их демотивируют в меньшей степени ($x_{cp}=16$). В целом по таблице 2 можно сделать вывод о том, что центральным мотиватором для подростков является получение награды, они любят получать признание своих заслуг, понимать, что результат их деятельности замечен и важен не только для личности подростка, но и другим значимым взрослым или сверстникам. Постоянное получение положительного подкрепления позволяет подросткам активнее использовать различные цифровые сервисы и формировать высокий уровень мотивации в реальной жизни.

Среди представителей группы с высоким уровнем интенсивности наблюдается зависимость между получением признания и целеустремленностью ($r=0.43$). Данным подросткам важно иметь положительный стимул для получения наград или достижений, они обладают высоким уровнем целеустремленности для выполнения

различного рода задач. В тоже время информационно-коммуникационная среда развивает навыки конфронтации, когда приходится отстаивать личные убеждения и взгляды, вступая в конфликтные ситуации. Для защиты психики от негативного влияния подростки используют поиск наслаждений как центральный мотив, они обособляются в сообщества и ищут людей со схожими интересами для совместного досуга.

Типичная корреляция была найдена в группе со средним уровнем потребления интернет-коммуникаций. Чем больше подростки проявляют реакции получения признания, тем больше они получают признание и заслуживают уважение среди сверстников. Вполне закономерная корреляция позволяет выстраивать социальную траекторию современных подростков, когда окружающие люди должны учитывать заслуги подростка и поощрять просоциальные модели поведения. По отношению к конфронтационным реакциям прослеживается прямая корреляция с формированием мотивов на негативные импульсы. Подростки ощущают страх быть непонятым или непризнанным в случае развития ситуации в негативном ключе, поэтому они выбирают стратегию вступления в конфликт. Агрессивная реакция не требует от подростков анализа, это сиюминутное решение ситуации, поэтому уровень агрессии среди подростков высок и мотивом служит желание абстрагироваться от получения критики в свой адрес.

Наибольший уровень корреляций был обнаружен в группе с низким уровнем интенсивности, получение признания и наград должно сопровождаться получением положительных оценок, а негативная критика будет формировать замкнутый круг, когда подросток будет избегать получения награды, дабы избежать любых форм негативных реакций. Данная группа подростков более болезненно воспринимает критику, они и так представляют меньшинство и негативный опыт может усугубить их самооценку. Кроме того, обратно пропорциональная зависимость обнаружена между протективными реакциями и реакциями на негативные стимулы. Чем больше возникает необходимость в отстаивании своих интересов, тем больше падает интенсивность проявления негативных реакций. Отстаивание личных границ сопровождается умением сдерживать реакции на негативные стимулы. Получение наград или реализация желаний может приводить к поведенческим реакциям агрессии. Подростки сталкиваются с ситуацией завышенных ожиданий, когда критериями оценивания являлись отметки, награды, социальный статус в обществе. Несоответствие ожиданий и полученных результатов приводит к разочарованию и фрустрации, в результате акты агрессивного поведения позволяют выразить недовольство или выстроить позицию защиты от внутреннего недовольства.

Проведенное исследование социальных действий подростков, использующих электронные формы ком-

муникации, позволило сделать следующие значимые выводы о том, что интернет-коммуникация в среде образовательных ресурсов изменяет социальное поведение подростков, моделируя особенности поведенческих реакций и направления мотивационной сферы подростков, проживающих в условиях мегаполиса. В результате проведенного исследования подтвердилась выдвинутая гипотеза о том, что использование ресурсов цифрового образовательного пространства трансформирует модели социального поведения подростков, проживающих в мегаполисах, расставляя акценты на особенностях поведенческих реакций и тенденциях мотивационной сферы.

Выявлено три основных уровня активности подростков в интернет-пространстве:

- 1) Высокоактивные пользователи (постоянный доступ к интернету, широкие социальные контакты)
- 2) Средне активные пользователи (ограниченное использование платформ, преимущественно общение с реальными друзьями)
- 3) Низкоактивные пользователи (преимущественно информационный поиск, редкое публикование контента)

Установлена взаимосвязь между уровнем активности в интернет-коммуникациях и поведенческими реакциями: высокоактивные подростки демонстрируют ярко выраженные эмоции и высокие ожидания обратной связи. Средние и низкоактивные показывают схожие уровни эмоциональных реакций. Для всех групп характерна одинаковая склонность к агрессивному поведению как способу достижения целей. Установлено, что независимо от уровня активности в интернете, для всех групп характерна высокая целеустремленность и стремление к признанию.

В отношении локуса контроля выявлено следующее: высокоактивные пользователи склонны к экстеральному локусу контроля (зависимость от одобрения окружающих), а средне активные подростки демонстрируют интернальный локус контроля (самостоятельность в принятии решений). Мотивационная сфера подростков характеризуется высокой целеустремленностью, стремлением к получению признания, острой реакцией на обратную связь и потребностью в положительном подкреплении.

Исследование показало, что интернет-коммуникации формируют у подростков навыки социального взаимодействия, но требуют особого внимания к вопросам психологической безопасности и развития конструктивных моделей поведения. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных данных для разработки эффективных стратегий поддержки подростков в цифровой среде, в том числе в образовательном электронном пространстве, и формирования у них адаптивных моделей поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова Т.Г., Милина А.С. Самостоятельность подростков с разным уровнем психологической автономии // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. - 2025. - Т. 7. - № 1. - С. 16-31. - URL: <https://bppsru.ru/article/view/17075>.
2. Пономарёва А.Э. Электронная демократия в условиях развития электронного правительства в РФ // Молодой ученый. - 2021. - № 21 (363). - С. 266-268. - URL: <https://moluch.ru/archive/363/81222>.
3. Кирюхина Д.В. Общение подростков в сети Интернет: границы нормативности. Современная зарубежная психология. - 2021. - 10(3). - С. 40-47. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100304>.
4. Кочетова Ю.А., Климакова М.В. Подросток в цифровой среде: идентичность и образ себя // Социальные науки и детство. - 2025. - 6(3). - С. 85-98.
5. Выготский Л.С. Психология развития человека / Л.С. Выготский. - М.: Смысл, 2003. - 136 с.
6. Марданова Г., Семенова А.В. К вопросу о мотивации подростков в современном мире // Педагогика: история, перспективы. - 2021. - №4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-motivatsii-podrostkov-v-sovremennom-mire>.
7. Эльконин Б.Д. Соотношение мотива и способа в актах развития действия // Культурно-историческая психология. - 2024. - 20(1). - С. 10-15. - <https://doi.org/10.17759/chp.2024200103>.
8. Пономарёва А.Э. Электронная демократия в условиях развития электронного правительства в РФ // Молодой ученый. - 2021. - № 21 (363). - С. 266-268. - URL: <https://moluch.ru/archive/363/81222>.
9. Шаховалова Е.Г., Шаховалов Н.Н. Проблемы соблюдения речевого этикета в интернет-коммуникациях // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. - 2020. - №3. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-soblyudeniya-rechevogo-etiketa-v-internet-kommunikatsiyah>.
10. Дубровина И.В. Профессиональное самоопределение в контексте непрерывного образования. Вестник практической психологии образования. - 2024. - 21(2). - С. 9-16. - <https://doi.org/10.17759/bppe.2024210201>.
11. Михайлова М.С., Шамовская Т.В. Развитие мотивационной сферы учащихся в старшем подростковом возрасте // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. - 2021. - № 1. - С. 11-20. - DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-1-11-20>.
12. Никитская М.Г., Толстых Н.Н. Учебная мотивация старших подростков в разных образовательных средах // Психологическая наука и образование. - 2025. - 30(2). - С. 32-46. - <https://doi.org/10.17759/pse.2025300203>.
13. Зотова Д.И. Исследования самооценки подростков // Вестник магистратуры. - 2023. - № 4. - С. 58-59.
14. Корниенко Д.С., Руднова Н.А. Фальшивая самопрезентация подростков в социальных сетях: связь с характеристиками использования социальных сетей и одиночеством // Социальная психология и общество. - 2024. - 15(2). - С. 47-64.
15. Володарская Е.А., Стегин С.В. Самоотношение и особенности самопрезентации подростков в социальных сетях // Личность: ресурсы и потенциал. - 2025. - 1(25). - С. 24-41.
16. Towner E., Grint J., Levy T., Blakemore S.J., Tomova L. Revealing the self in a digital world: a systematic review of adolescent online and offline self-disclosure // Curr Opin Psychol. - 2022. - DOI: 10.1016/j.copsyc.2022.101309.
17. Uhls Y.T., Broome J., Levi S., Szczepanski-Beavers J., Greenfield P. Mobile technologies and their relationship to children's ability to read nonverbal emotional cues: a cross-temporal comparison // Cyberpsychol Behaviour Social Network. - 2020. - 23(7). - P. 465-470.
18. van der Wal A., Valkenburg P. M., van Driel II. In their own words: how adolescents differ in their social media use and how it affects them // Soc Med Soc. - 2024. - DOI:10.31234/osf.io/mvrpn.
19. Vogels E.A. Teens and cyberbullying 2022. Pew Research Center: Internet, Science and Tech. - Published December 15, 2022. - Accessed 12 December 2025. - <https://www.pewresearch.org/internet/2022/12/15/teens-and-cyberbullying-2022/>.
20. Marciano L., Schulz P.J., Camerini A.L. Cyberbullying perpetration and victimization in youth: a meta-analysis of longitudinal studies // J Comput Mediat Commun. - 2020. - Vol. 25(2). - P. 163-81.
21. Степченкова Р.Н. Влияние социальных сетей на обучающихся с ограниченными возможностями здоровья // Молодой ученый. - 2023. - № 44 (491). - С. 124-126. - URL: <https://moluch.ru/archive/491/107205>.
22. Бондаренко И.Н., Фомина Т.Г. Осознанная саморегуляция и психологическое благополучие как ресурсы академической успешности младших подростков: структурная модель // Психолого-педагогические исследования. - 2023. - 15(3). - С. 23-37. - <https://doi.org/10.17759/psyedu.2023150302>.
23. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н. Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых // Культурно-историческая психология. - 2022. - 18(4). - С. 27-37. - <https://doi.org/10.17759/chp.2022180403>.
24. Глушкова С.А. Особенности проявления социального поведения активных пользователей подросткового возраста // «Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева», 2024. - №1(67). - С. 107-115. URL: <https://vestnik.kspu.ru/index.php/vestnik/article/view/544>.
25. Ксенофонтowa Е.Г. Локус контроля – более полувека исследований. Монография. - Проспект. - 2022. - 112 с.
26. Demianczyk A.C., Jenkins A.L., Henson J.M., Conner B.T. Psychometric evaluation and revision of Carver and White's BIS/BAS scales in a diverse sample of young adults // J Pers Assessment. - 2014. - Vol. 96(5). - P. 485-94. - DOI: 10.1080/00223891.2013.870570.

© Глушкова Светлана Александровна (glushkova.s.a@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕРВЕНЦИЙ С СЕМЬЯМИ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ ПАЦИЕНТОВ

Докучаев Алексей Алексеевич

Аспирант, Автономная некоммерческая
организация высшего образования «Славяно-Греко-
Латинская Академия», Москва
aured.1935@mail.ru

MODERN TRENDS IN THE USE OF PSYCHOLOGICAL INTERVENTIONS WITH FAMILIES OF CANCER PATIENTS

A. Dokuchaev

Summary: The paper addresses modern trends in the use of psychological interventions with families of cancer patients within medical psychology and psycho-oncological care. The author analyses interventions that reduce psychological distress, anxiety, depressive reactions, caregiver burden, communication difficulties and disturbances of family adaptation during diagnosis, treatment, hospitalization, palliative care and recovery after anticancer therapy. The article shows the shift from episodic emotional support to structured programmes combining psychoeducation, counselling, cognitive-behavioural techniques, meaning-centered approaches, caregiving skills training, work with prognostic uncertainty and digital support formats. Practical organization of care is described: distress screening, identification of risk groups, referral of the family to a medical psychologist, involvement of relatives in communication with the treating team, and outcome evaluation by psychological and behavioural criteria. The conclusion substantiates the need to embed family interventions into cancer care in order to reduce the overload of relatives and increase the patient's resilience during treatment.

Keywords: psychological interventions, families of cancer patients, psycho-oncology, oncopscychology, psychological distress, family caregiving, psychoeducation, cognitive-behavioral therapy, digital support, caregiver burden.

Аннотация: Статья посвящена современным тенденциям применения психологических интервенций с семьями онкологических пациентов в рамках медицинской психологии и психоонкологического сопровождения. Автор анализирует вмешательства, которые уменьшают психологический дистресс, тревогу, депрессивные реакции, нагрузку ухаживающего родственника, коммуникативные трудности и нарушения семейной адаптации на этапах диагностики, лечения, госпитализации, паллиативной помощи и восстановления после противоопухолевой терапии. Показан переход от эпизодической эмоциональной поддержки к структурированным программам, объединяющим психообразование, консультирование, когнитивно-поведенческие техники, смыслоцентрированные подходы, обучение навыкам ухода, работу с неопределенностью прогноза и цифровые форматы сопровождения. Раскрыта практическая организация помощи: скрининг дистресса, выделение группы риска, маршрутизация семьи к медицинскому психологу, включение родственников в коммуникацию с лечащей командой, оценка результата по психологическим и поведенческим критериям. Обоснован вывод о необходимости встраивания семейных интервенций в онкологическую помощь ради снижения перегрузки близких и роста устойчивости пациента к лечению.

Ключевые слова: психологические интервенции, семьи онкологических пациентов, психоонкология, онкопсихология, психологический дистресс, семейный уход, психообразование, когнитивно-поведенческая терапия, цифровое сопровождение, нагрузка ухаживающего родственника.

Введение

Как быстро семья способна перестроить привычный уклад, когда одному из ее членов ставят онкологический диагноз? Практика показывает, что болезнь опережает адаптацию: пациент получает схему лечения, ограничения и прогноз, тогда как родственники почти мгновенно превращаются в источник ухода, эмоциональную опору, посредников в общении с врачом и соучастников решений о терапии. Под психологической интервенцией здесь понимается целенаправленное профессиональное воздействие на эмоциональное состояние, поведение, коммуникацию и адаптационные стратегии как самого пациента, так и его близких.

Общий контур такой помощи задан российской нор-

мативной базой: приоритет интересов пациента, доступность медицинской помощи, соблюдение врачебной тайны и информированное участие гражданина в лечебном процессе закреплены Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ [1]. Маршрут онкологической помощи взрослому населению, где диагностика, лечение, диспансерное наблюдение, паллиативная помощь и взаимодействие специалистов образуют единую систему ведения, регламентирован приказом Минздрава России от 19.02.2021 № 116н [2]. Психологическая работа с семьей в этом контуре лечение не подменяет - она снижает вероятность срыва коммуникации, отказа от терапии, конфликтов с врачами и эмоционального истощения родных.

Цель статьи – раскрыть современные тенденции при-

менения психологических интервенций с семьями онкологических пациентов. Предметом анализа выступают семейно-ориентированные, диадные, психообразовательные, когнитивно-поведенческие, поддерживающие, смыслоцентрированные и цифровые форматы помощи. Методологическую основу образуют нормативные акты Российской Федерации, отечественные психоонкологические исследования и англоязычные метааналитические данные об эффективности вмешательств для ухаживающих родственников.

Теоретические основания семейной психоонкологической помощи

В ситуацию болезни семья втягивается сразу по нескольким каналам: бытовой уход, страх прогрессирования, финансовое напряжение, перестройка общения, наблюдение за болью и утрата прежней предсказуемости жизни. Методические рекомендации НМИЦ онкологии имени Н.Н. Петрова описывают психологическую помощь в онкологии через работу с эмоциональным напряжением, отношением к заболеванию, коммуникацией, дезадаптацией, кризисными реакциями и реабилитацией [3, С. 9]. Такая логика смещает акцент с разовой консультации на сопровождение, при котором психолог оценивает состояние пациента, качество контакта, выраженность тревоги, нарушения сна, приверженность лечению и потребность в маршрутизации к психотерапевту либо психиатру [3, С. 45].

В семейном контуре чаще всего фиксируются такие мишени вмешательства: снижение эмоционального напряжения у пациента и родственников; прояснение информации о лечении без подмены собой врача; коррекция катастрофизации, чувства вины, беспомощности и агрессии; восстановление коммуникации между пациентом, семьей и медицинской командой; профилактика выгорания у ухаживающего родственника; подготовка семьи к паллиативному этапу при неблагоприятном прогнозе.

Диагноз разрушает бытовую иллюзию контроля. Родственник выполняет назначения, покупает лекарства, сопровождает в стационар, следит за питанием, но течением болезни он не управляет. Из этого разрыва рождается тревога особого рода - тревога неопределенности, которая обостряется при ожидании результатов обследования, смене линии терапии, появлении боли, госпитализации и сообщении неблагоприятного прогноза.

Насколько выражена потребность семьи в помощи? Дренева, Праведников, Чистякова, Гольдман и Богдан в онлайн-опросе с участием 73 онкологических пациентов и 426 близких родственников зафиксировали, что родственники сообщали о печали в 81% случаев, страхах - в 69%, подавленности - в 58%, нервозности - в 57%,

а потерю интереса к привычным занятиям отмечали 33% опрошенных [4, С. 1249]. Сила переживаний у родственников достигла 6,96 балла из 8, а у тех, кто непосредственно осуществлял уход, поднялась до 7,34 балла [4, С. 1249]. Эти цифры говорят о том, что семье требуется не общая поддержка, а структурированная помощь с оценкой риска.

Устойчивых направлений вмешательства в современной психоонкологии несколько: психообразование о стрессе, тревоге, дистрессе и роли родственника; когнитивно-поведенческая работа с автоматическими мыслями, катастрофизацией и избеганием; поддерживающая терапия с акцентом на выражение чувств и восстановление опор; смыслоцентрированные подходы при угрозе смерти и переживании бессилия; семейное консультирование при нарушенном общении, скрытых конфликтах и перегрузке уходом.

Научный обзор Ермакова, Кита, Скиртач и Ковш отмечает разрозненность исследований эффективности психологического сопровождения онкопациентов и связывает результат помощи с дифференциацией психологических мишеней уже на этапе диагностики [5, С. 30]. Для семейной работы это означает отказ от универсального сценария консультации. Родственнику, который боится смерти пациента, нужна одна логика; тому, кто конфликтует с врачами из-за недоверия к схеме лечения, - другая стратегия; члену семьи, истощенному длительным уходом, требуется восстановление ресурсов и перераспределение нагрузки (Таблица 1).

Приведенная классификация служит практической опорой для первичной оценки семьи. Помощь становится точнее, когда специалист различает не абстрактную «тревогу родственников», а конкретную связку: событие лечения - эмоциональная реакция - семейное поведение - риск для пациента.

Современные тенденции интервенций

Ключевой сдвиг последних лет связан с признанием родственника самостоятельным реципиентом помощи, а не только сопровождающим лицом. Шишкова и соавторы обследовали 111 родственников хронически больных, из них 30 - родные пациентов со злокачественными новообразованиями; факторный анализ выделил 6 факторов, объясняющих 64,73% общей дисперсии психологического статуса [6, С. 1081]. У родственников онкологических пациентов авторы обнаружили более широкий диапазон психопатологической симптоматики и сниженную мобилизацию психологических ресурсов по сравнению с родными пациентов с эпилепсией и шизофренией [6, С. 1082]. Главными направлениями интервенций названы эмоциональное отреагирование накопленного напряжения, проработка экзистенциальных пережива-

Таблица 1.

Основные мишени психологических интервенций с семьями онкологических пациентов.

Мишень вмешательства	Проявление в семье	Формат помощи	Ожидаемый результат
Тревога неопределенности	Ожидание обследований, страх прогрессирования, постоянный поиск прогнозов	Психообразование, когнитивная реструктуризация	Снижение катастрофизации, рост переносимости неопределенности
Нагрузка ухода	Усталость, нарушение сна, раздражительность, чувство долга без ресурса	Консультирование, тренинг навыков ухода, распределение ролей	Профилактика эмоционального выгорания
Коммуникативный разрыв	Молчание о диагнозе, конфликты, избегание разговоров о смерти	Семейная консультация, диадная встреча	Восстановление обсуждения лечения и потребностей
Недоверие к лечению	Поиск альтернативных методов, давление на врача, сомнения в назначениях	Кризисная интервенция, работа с риском отказа от терапии	Снижение угрозы некомплаентного поведения
Паллиативная ситуация	Страх смерти, вина, бессилие, предвосхищающее горе	Поддерживающая и смыслоцентрированная помощь	Подготовка к утрате, сохранение контакта с пациентом

Источник: составлено автором на основании [3], [4], [5].

ний и психологическая готовность к принятию смерти близкого при летальном прогнозе [6, С. 1082].

Значимым практическим поворотом стала работа не только с супругами взрослых пациентов, но и с родителями детей, проходящих онкологическое лечение. Шуткова разбирает два клинических случая родителей в условиях открытой реанимации и показывает, что угроза потери ребенка запускает поведение привязанности: лихорадочный поиск способов спасения, злость на персонал, попытки усилить контроль, обращение к сомнительным средствам, сопротивление признанию неблагоприятного прогноза [7, С. 132]. Психолог в таких случаях работает одновременно с родителем и медицинской командой, поскольку острая реакция семьи легко перерастает в коммуникационный конфликт и угрожает лечебному процессу.

По масштабу и интенсивности современные интервенции с семьями различаются существенно: краткая кризисная консультация при остром сообщении диагноза или ухудшении состояния; серия из 3–5 встреч для работы с тревогой, автоматическими мыслями и саморегуляцией; групповая поддержка для родственников со сходной нагрузкой ухода; диадная работа «пациент – родственник» при нарушении общения; цифровая программа с заданиями, дневниками мыслей, навыками релаксации и обратной связью специалиста.

Масштаб доказательной базы иллюстрирует метаанализ Chow и соавторов, охвативший 56 статей по 49 испытаниям с участием 8554 родственников пациентов с распространенным раком; при этом 16 испытаний были направлены на самих родственников, 19 – на диadu «пациент – родственник», 14 – на пациента и членов семьи [8, р. 900]. В этой структуре отчетливо просматривается тенденция к диадным вмешательствам, где семейная помощь трактуется как работа с отношениями, совместным принятием решений, распределением нагрузки и эмо-

циональным обменом.

Обратимся к альтернативному сценарию внедрения. Даже располагая эффективными протоколами, система помощи упирается в барьеры доступа: удаленность семьи от онкоцентра, занятость ухаживающего родственника, дефицит медицинских психологов в региональных диспансерах. Если цифровые форматы будут развиваться без опоры на очный скрининг, часть семей высокого риска рискует остаться вне поля зрения специалиста, потому что онлайн-инструмент не считывает невербальные признаки острого кризиса. Более устойчивым выглядит смешанный маршрут, при котором дистанционные модули берут на себя психообразование и рутинную поведенческую активацию, а очные встречи концентрируются на кризисных и паллиативных ситуациях с высоким индексом риска.

Отдельного внимания заслуживает выбор метода под конкретную мишень. Сетевой метаанализ Као и соавторов объединил 35 рандомизированных контролируемых исследований с 2899 участниками и 7 типами психосоциальных интервенций; значимый эффект по тревоге показали психообразование, поддерживающая терапия и смыслоцентрированная психотерапия, а по депрессии – поддерживающая и смыслоцентрированная терапия [9, р. 1]. Эти данные позволяют выстраивать помощь не по принципу «поговорить с семьей», а по принципу осознанного подбора мишени и метода.

Организация помощи в клинической практике

Практическая модель семейной интервенции разумно начинать со скрининга. Минимальная оценка охватывает четыре блока: уровень дистресса, нагрузку ухода, качество коммуникации и риск поведения, нарушающего лечение. Для внутренней сортировки обращений автором предложен простой индекс психологического риска (ИПР):

$$\text{ИПР} = \text{Д} + \text{Н} + \text{К} + \text{Р}, (1)$$

где Д – выраженность дистресса, Н – нагрузка ухода, К – коммуникативный конфликт, Р – риск действий, мешающих лечению. Каждый показатель оценивается от 0 до 2 баллов. Итог 0–2 указывает на краткое психообразование, 3–5 – на плановую консультацию, 6–8 – на приоритетное вмешательство с маршрутизацией к профильному специалисту (Таблица 2).

Рассмотрим подробнее логику скрининга. Методические рекомендации НМИЦ онкологии имени Н. Н. Петрова связывают первичную оценку с выраженностью тревоги, нарушениями сна, отношением к заболеванию и приверженностью лечению, а решение о передаче случая психотерапевту или психиатру принимают при устойчивой дезадаптации и кризисных реакциях [3, С. 45]. На практике это означает, что балл Р (риск действий, мешающих лечению) обладает наибольшим весом: недоверие к схеме терапии и давление на врача способны обнулить эффект даже качественной эмоциональной поддержки. Родственник с высоким дистрессом, но сохраненной комплаентностью попадает в плановую группу, тогда как семья с умеренной тревогой и открытым отказом от рекомендаций требует приоритетного вмешательства уже при первом контакте. Такое взвешивание удерживает специалиста от типовой ошибки – реагировать на громкость жалобы, а не на реальную угрозу лечебному процессу.

Результат помощи удобно фиксировать через простой показатель динамики дистресса:

$$\Delta\text{Д} = \text{Д(до)} - \text{Д(после)}, (2)$$

где $\Delta\text{Д}$ отражает изменение уровня дистресса после интервенции. Положительное значение указывает на снижение напряжения; нулевое требует пересмотра формата помощи; отрицательное сигнализирует об ухудшении и необходимости маршрутизации к психотерапевту либо психиатру.

Оценка результата и критерии эффективности

Числовой показатель $\Delta\text{Д}$ полезно дотраивать данными об эффективности отдельных методов, иначе оценка сведется к субъективному впечатлению специалиста. Сетевой метаанализ Као и соавторов на материале 2899 участников показал, что разные мишени отзываются на разные подходы: тревога снижается под действием психообразования, поддерживающей и смыслоцентрированной терапии, тогда как депрессивная симптоматика значимо уступает только поддерживающей и смыслоцентрированной работе [9, р. 1]. Отсюда следует практический критерий: если после серии встреч $\Delta\text{Д}$ по тревоге положителен, а депрессивный фон сохраняется,

разумно сместить акцент с психообразования на смыслоцентрированный и поддерживающий формат, а не наращивать объем информирования.

Метаанализ Chow и соавторов, охвативший 8554 родственника, подтверждает, что фокус вмешательства влияет на исход: из 49 испытаний 19 строились вокруг диалогической «пациент – родственник», и именно диалогическая логика позволяет оценивать результат не по одному человеку, а по паре, где улучшение состояния родственника поддерживает приверженность пациента лечению [8, р. 900]. Такой взгляд меняет саму единицу измерения эффекта. Вместо изолированного балла тревоги родственника оцениваются согласованность решений о терапии, восстановление обсуждения диагноза и снижение конфликтности в контакте с врачом.

Проведенный анализ показал, что достоверная оценка требует трех опор: измеримого показателя дистресса до и после помощи, привязки метода к конкретной мишени по данным метаанализов и учета поведенческого исхода – сохранения комплаентности и качества коммуникации с лечащей командой. При таком подходе эффективность перестает быть декларацией и становится проверяемым результатом, который можно сопоставлять между семьями и этапами лечения.

Цифровые интервенции расширяют доступ к помощи для родственников, которые не могут регулярно посещать очные консультации из-за ухода, работы или проживания вдали от места лечения. Обзор Shen и соавторов включил 12 исследований интернет-формата когнитивно-поведенческой терапии для родственников онкологических пациентов; ключевыми компонентами стали вводный блок о лечении, когнитивное обучение и реструктуризация, эмоциональное выражение, поведенческая активация, решение проблем, коммуникация и закрепляющее сопровождение [10, р. 8]. В большинстве программ использовались 3–5 основных модулей, домашние задания, дневники автоматических мыслей, письменное выражение эмоций и отработка навыков после сессий [10, р. 8].

Несмотря на растущую доказательную базу эффективности семейных психологических интервенций в онкологии, их системное внедрение в российскую клиническую практику сопряжено с существенными организационными и кадровыми барьерами. Одним из главных препятствий выступает выраженный дефицит медицинских психологов, имеющих специальную подготовку в области психоонкологии. В большинстве региональных онкологических диспансеров и межрайонных больниц такая штатная единица либо отсутствует, либо один специалист вынужден обслуживать несколько сотен пациентов одновременно. В этих условиях регулярное сопровождение семей, требующее не только

Таблица 2.

Практический алгоритм психологической помощи семье онкологического пациента.

Этап	Действие специалиста	Основание для выбора	Результат
Первичный контакт	Выявление запроса пациента и родственника	Жалобы на тревогу, конфликт, усталость, страх прогноза	Определена главная мишень помощи
Скрининг риска	Оценка дистресса, нагрузки, коммуникации, угрозы лечению	Высокая тревога, бессонница, давление на врача, отказ от рекомендаций	Определен уровень срочности
Краткое психообразование	Объяснение реакции на диагноз и роли семьи	Растерянность, чувство вины, мифы о «правильной реакции»	Снижена неопределенность
Интервенция	Консультирование, КПТ, поддерживающая или смыслоцентрированная работа	Доминирующая психологическая мишень	Сформированы навыки совладания
Оценка результата	Сравнение состояния до и после помощи	Повторная жалоба, динамика сна, тревоги, контакта	Решение о продолжении или завершении

Источник: составлено автором на основании [3], [9], [10].

начальной оценки, но и серии встреч для проработки тревоги, коммуникативных навыков и подготовки к возможным исходам заболевания, становится практически недоступным. Приказ Минздрава России от 19.02.2021 № 116н, регламентирующий порядок оказания помощи взрослому населению при онкологических заболеваниях, закрепляет необходимость психологической поддержки, однако не содержит детальных алгоритмов маршрутизации родственников и критериев выделения групп высокого риска среди ухаживающих членов семьи. В результате значительная часть семей остаётся без профессиональной помощи вплоть до развития выраженных признаков эмоционального выгорания или возникновения конфликтов с лечащей командой, что негативно сказывается на приверженности пациента лечению.

Решение кадрового дефицита требует многоуровневого подхода. С одной стороны, необходимо расширение программ дополнительного профессионального образования для клинических и медицинских психологов с акцентом на психоонкологическую специфику, включая работу с экзистенциальными переживаниями, паллиативной коммуникацией и семейными системами. С другой стороны, перспективным направлением является task-shifting - передача части функций первичной психообразовательной и поддерживающей работы врачам-онкологам и медицинским сёстрам после прохождения ими кратких сертифицированных курсов. Такие программы уже успешно реализуются в отдельных федеральных центрах и позволяют хотя бы частично закрыть потребность семей в базовой информации и эмоциональной поддержке на этапе диагностики и начала лечения. Одновременно важно развивать систему регулярной супервизии и балинговских групп для специалистов, работающих с онкологическими пациентами и их родственниками, поскольку эмоциональная нагрузка в этой сфере крайне высока и без профессиональной

поддержки быстро приводит к выгоранию самих психологов и врачей.

Не менее значимым направлением развития является создание и внедрение цифровых платформ семейной психоонкологической поддержки, адаптированных под российские условия. Современные интернет-ориентированные программы позволяют обеспечить доступ к психообразованию, техникам когнитивной реструктуризации и навыкам саморегуляции для родственников, проживающих в отдалённых регионах или не имеющих возможности регулярных очных визитов. Однако эффективность таких инструментов напрямую зависит от их интеграции в существующие маршруты оказания помощи и наличия механизма «горячего» реагирования при выявлении высокого уровня дистресса или риска отказа от лечения. Разработка подобных платформ должна осуществляться при активном участии клинических психологов, онкологов и представителей пациентских организаций, с учётом культурных особенностей обсуждения диагноза и прогноза в российских семьях. Только сочетание организационных решений, подготовки кадров и технологических инноваций позволит перевести семейные психологические интервенции из разряда желательных в разряд обязательных компонентов качественной онкологической помощи, способных реально снижать как эмоциональную нагрузку на близких, так и косвенные затраты системы здравоохранения, связанные с осложнениями лечения и снижением комплаентности.

Заключение

Проведенный анализ показал, что современные психологические интервенции с семьями онкологических пациентов развиваются в сторону структурированной, доказательной и адресной помощи. Центральной единицей работы становится не отдельная эмоциональная

жалоба, а вся семейная ситуация лечения: диагноз, прогноз, уход, коммуникация, распределение ролей, риск истощения и способность семьи удерживать контакт с медицинской командой.

Нами выявлено, что родственники переживают дистресс, страхи, подавленность и нагрузку ухода на уровне, сопоставимом с пациентским кризисом, а по отдельным показателям превышающем его. Наиболее перспективными направлениями остаются психообразование, поддерживающая терапия, когнитивно-поведенческие техники, смыслоцентрированная помощь, диадные вмешательства и цифровое сопровождение. Практическая

эффективность возрастает при раннем скрининге дистресса, выборе конкретной мишени, оценке риска некомплаентного поведения и включении родственников в понятную коммуникацию с врачом.

Семейную интервенцию в онкологии обоснованно рассматривать как часть качества медицинской помощи: она снижает эмоциональную перегрузку близких, поддерживает приверженность пациента лечению и уменьшает вероятность разрушительных семейных реакций в периоды диагноза, госпитализации, паллиативного ухода и восстановления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ: последняя редакция [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 30.06.2026).
2. Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи взрослому населению при онкологических заболеваниях: приказ Минздрава России от 19.02.2021 № 116н: ред. от 04.09.2025 [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381129/ (дата обращения: 20.06.2026).
3. Вагайцева, М.В. Методические рекомендации по оказанию психологической помощи онкологическим пациентам в период госпитализации / М.В. Вагайцева, О.В. Лупарева, К.О. Кондратьева, А.А. Джалилова, Е.Г. Бортникова, О.Е. Лучанинова, Т.Ю. Семиглазова, Ю.И. Комаров, А.М. Беляев. - Санкт-Петербург: НМИЦ онкологии им. Н.Н. Петрова Минздрава России, 2025. - 102 с. - ISBN 978-5-6051665-1-1. - URL: <https://www.niioncologii.ru/filesapi/files/news/metodicheskie-rekomendacii-onkopsihologiya.pdf> (дата обращения: 06.07.2026).
4. Дренева, А.А. Оценка потребности онкологических пациентов и их близких родственников в психологической помощи / А.А. Дренева, А.В. Праведников, Д.П. Чистякова, О.Э. Гольдман, И. В. Богдан // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. - 2022. - Т. 15, № 9. - С. 1243–1252. - DOI: 10.17516/1997-1370-0925. - URL: <https://elip.sfu-kras.ru/handle/2311/148207> (дата обращения: 20.06.2026).
5. Ермаков, П.Н. Применение различных психотерапевтических подходов в практике психологического сопровождения онкопациентов: научный обзор / П.Н. Ермаков, О.И. Кит, И.А. Скиртач, Е.М. Ковш // Консультативная психология и психотерапия. - 2025. - Т. 33, № 1. - С. 29–48. - DOI: 10.17759/cpp.2025330102. - URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2025_n1/Ermakov_Kit_et_al (дата обращения: 07.07.2026).
6. Шишкова, А.М. Особенности психологического статуса родственников пациентов с онкологическими новообразованиями / А.М. Шишкова, В.В. Бочаров, В.А. Михайлов, Т.А. Караваева, М.В. Иванов, Ю.С. Черная, А.В. Смирнова, Д.М. Сарайкин, Е.С. Цыганкова, А.О. Карпов, М.Л. Захарова, А.С. Крижановский, Н.И. Шова, А.М. Твердохлебова, А.Я. Вукс // Вопросы онкологии. - 2023. - Т. 69, № 6. - С. 1081–1090. - DOI: 10.37469/0507-3758-2023-69-6-1081-1090. - URL: <https://voprosyoncologii.ru/index.php/journal/article/view/6-23-Psychological> (дата обращения: 28.06.2026).
7. Шуткова, Е.С. Применение теории привязанности в психологическом консультировании родителей детей, проходящих онкологическое лечение, и медицинского персонала в условиях открытой реанимации на примере двух клинических случаев / Е.С. Шуткова // Консультативная психология и психотерапия. - 2025. - Т. 33, № 1. - С. 127–141. - DOI: 10.17759/cpp.2025330107. - URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2025_n1/Shutkova (дата обращения: 03.07.2026).
8. Chow, R. Interventions to improve outcomes for caregivers of patients with advanced cancer: a meta-analysis / R. Chow, J.J. Mathews, E.Y. Cheng [et al.] // JNCI: Journal of the National Cancer Institute. - 2023. - Vol. 115, № 8. - P. 896–908. - DOI: 10.1093/jnci/djad075. - URL: <https://academic.oup.com/jnci/article/115/8/896/7188112> (дата обращения: 25.06.2026).
9. Kao, C. The efficacy of psychosocial interventions on anxiety and depression in cancer caregivers: a network meta-analysis / C. Kao, D. Wang, W. Pan, L. Hou, P. Zhou, Z. Zhang, L. Yu, F. Wang, L. Liu // Supportive Care in Cancer. - 2025. - Vol. 33. - Article 513. - DOI: 10.1007/s00520-025-09554-y. - URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00520-025-09554-y> (дата обращения: 02.07.2026).
10. Shen, C.T. Internet-Based Cognitive Behavioral Therapy Interventions for Caregivers of Patients With Cancer: Scoping Review / C.T. Shen, J. Shi, F. X. Liu, X. M. Lu // JMIR Cancer. - 2025. - Vol. 11. - e67131. - DOI: 10.2196/67131. - URL: <https://cancer.jmir.org/2025/1/e67131> (дата обращения: 01.07.2026).

© Докучаев Алексей Алексеевич (aured.1935@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭМОЦИОНАЛЬНО-НЕУСТОЙЧИВОЕ РАССТРОЙСТВО ЛИЧНОСТИ В МКБ-10 И КОНЦЕПЦИЯ ПОГРАНИЧНОГО ПАТТЕРНА ЛИЧНОСТИ В МКБ-11: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ДИАГНОСТИКЕ И ТЕРАПИИ

Исагулова Елена Юрьевна

Кандидат психологических наук, клинический психолог,
Генеральный директор НМУ «Клинический центр
психического здоровья» Москва,
9477877@gmail.com

EMOTIONALLY UNSTABLE PERSONALITY DISORDER IN ICD-10 AND THE CONCEPT OF THE BORDERLINE PATTERN QUALIFIER IN ICD-11: CONTEMPORARY APPROACHES TO DIAGNOSIS AND THERAPY

E. Isagulova

Summary: Emotionally unstable personality disorder (EUPD), corresponding to borderline personality disorder in other classification systems, is a complex mental condition characterized by pronounced emotional dysregulation, impulsivity, and impairments in interpersonal functioning. The aim of the present study is to analyze contemporary perspectives on the etiology, pathogenesis, clinical manifestations, diagnosis, and treatment of this disorder within the frameworks of the international classifications ICD-10 and ICD-11. Particular attention is given to the transition from a categorical model to a dimensional diagnostic system in ICD-11. Evidence-based therapeutic approaches and interdisciplinary patient management are also discussed.

Keywords: emotionally unstable personality disorder, ICD-10, ICD-11, personality disorders, psychotherapy, impulsivity.

Аннотация: Эмоционально-неустойчивое расстройство личности (ЭНРЛ), соответствующее пограничному расстройству личности в других классификационных системах, представляет собой сложное психическое состояние, характеризующееся выраженной эмоциональной дисрегуляцией, импульсивностью и нарушением межличностного функционирования. Целью настоящего исследования является анализ современных представлений об этиологии, патогенезе, клинических проявлениях, диагностике и лечении данного расстройства с позиций международных классификаций МКБ-10 и МКБ-11. Особое внимание уделено переходу от категориальной модели к дименсиональной системе диагностики в МКБ-11. Рассматриваются доказательные подходы к терапии и междисциплинарному ведению пациентов.

Ключевые слова: эмоционально-неустойчивое расстройство личности, МКБ-10, МКБ-11, расстройства личности, психотерапия, импульсивность.

Введение

Расстройства личности представляют собой устойчивые и глубоко укорененные паттерны восприятия, мышления и поведения, которые отклоняются от культурных норм и приводят к выраженному дистрессу или нарушению социального функционирования. Среди них особое место занимает эмоционально-неустойчивое расстройство личности (ЭНРЛ), характеризующееся сочетанием импульсивности, выраженной аффективной лабильности и нестабильности межличностных отношений [1]. Данное расстройство имеет значительное клиническое и социальное значение, поскольку ассоциируется с высокой частотой госпитализаций, снижением качества жизни и повышенным риском суицидального поведения [18].

В рамках международной классификации болезней десятого пересмотра (МКБ-10) эмоционально-неустой-

чивое расстройство личности выделено как самостоятельная нозологическая единица (F60.3), включающая два подтипа: импульсивный и пограничный. При этом пограничный тип характеризуется более выраженной нестабильностью самооценки, интенсивными и конфликтными межличностными отношениями, а также склонностью к самоповреждающему поведению [3]. Такая категориальная модель диагностики долгое время оставалась основой клинической практики, обеспечивая стандартизацию подходов к диагностике и лечению.

Однако накопление научных данных о гетерогенности расстройств личности и их перекрытии привело к пересмотру традиционных представлений. В МКБ-11 реализован принципиально новый подход, основанный на дименсиональной модели. В рамках данной системы основное внимание уделяется степени выраженности личностной дисфункции (легкая, умеренная, тяжелая), а также доминирующим личностным чертам, таким как

негативная аффективность, импульсивность и диссоциальность [2, 4]. При этом концепция «пограничного паттерна» сохранена, но используется как дополнительный спецификатор, а не как самостоятельный диагноз.

Переход к дименсиональной модели отражает современное понимание расстройств личности как континуума нарушений, а не фиксированных категорий. Это позволяет более точно учитывать индивидуальные особенности пациента, а также повышает клиническую валидность диагностики [19]. Вместе с тем внедрение МКБ-11 ставит перед клиницистами новые задачи, связанные с необходимостью освоения новых диагностических критериев и адаптации клинической практики.

Актуальность изучения эмоционально-неустойчивого расстройства личности обусловлена также его высокой распространенностью и выраженной коморбидностью. Данное расстройство часто сочетается с аффективными, тревожными расстройствами и расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, что значительно осложняет диагностику и лечение [6, 7]. Кроме того, пациенты с ЭНРЛ нередко демонстрируют выраженные нарушения социальной адаптации, включая трудности в профессиональной деятельности и межличностных отношениях.

Особое значение имеет высокий уровень суицидального риска. По данным исследований, значительная часть пациентов с ЭНРЛ в течение жизни совершает суицидальные попытки, а риск завершённого суицида существенно превышает аналогичные показатели в общей популяции [18]. Это определяет необходимость ранней диагностики и разработки эффективных профилактических и терапевтических стратегий.

Современные представления об этиологии ЭНРЛ основываются на биопсихосоциальной модели, предполагающей взаимодействие генетических факторов, нейробиологических механизмов и неблагоприятных средовых воздействий. Значительную роль играют травматические события в детстве, нарушения привязанности и особенности темперамента, такие как повышенная эмоциональная реактивность [10, 11]. Нейробиологические исследования подтверждают участие структур лимбической системы и префронтальной коры в формировании симптоматики расстройства [9].

Несмотря на значительный прогресс в понимании природы ЭНРЛ, вопросы его диагностики и лечения остаются предметом активных научных дискуссий. В частности, недостаточно изучены механизмы эффективности различных психотерапевтических подходов, а также факторы, определяющие долгосрочный прогноз.

Таким образом, эмоционально-неустойчивое рас-

стройство личности представляет собой сложное мультифакторное состояние, требующее комплексного междисциплинарного подхода. В условиях перехода к новой диагностической парадигме, реализованной в МКБ-11, возникает необходимость систематизации современных знаний о данном расстройстве и оценки их клинического значения.

Целью настоящего исследования является анализ современных представлений об эмоционально-неустойчивом расстройстве личности с учетом положений МКБ-10 и МКБ-11, а также обоснование актуальных подходов к его диагностике и лечению.

Исторический аспект и трансформация классификаций

Формирование представлений об эмоционально-неустойчивом расстройстве личности (ЭНРЛ) имеет длительную и сложную историю, отражающую эволюцию психиатрической науки в целом. Первые описания состояний, близких к современному пониманию данного расстройства, встречаются еще в классических медицинских трудах, где отмечались пациенты с выраженной эмоциональной нестабильностью, импульсивностью и противоречивыми поведенческими реакциями. Однако на ранних этапах развития психиатрии подобные состояния не выделялись в самостоятельную диагностическую категорию, а рассматривались в рамках более широких понятий неврозов и психозов [1].

В первой половине XX века значительное влияние на формирование концепции оказали психоаналитические подходы. Исследователи описывали так называемые «пограничные состояния», находящиеся на границе между невротическим и психотическим уровнями организации личности. Эти пациенты демонстрировали относительную сохранность реальности, но при этом отличались выраженной эмоциональной неустойчивостью, нарушениями идентичности и примитивными защитными механизмами [4]. В рамках психоаналитической традиции особое внимание уделялось ранним нарушениям привязанности и внутренним конфликтам как ключевым факторам формирования данной патологии.

Во второй половине XX века накопление клинических наблюдений и развитие диагностических систем привели к необходимости более четкого определения данной группы расстройств. В международной классификации болезней десятого пересмотра (МКБ-10) эмоционально-неустойчивое расстройство личности было выделено как самостоятельная диагностическая категория (F60.3). В рамках данной классификации были определены два подтипа: импульсивный и пограничный [3].

Импульсивный тип характеризуется преимуществен-

но нарушениями контроля импульсов, склонностью к агрессивным реакциям и низкой толерантностью к фрустрации. Пограничный тип, в свою очередь, включает более сложный симптомокомплекс, в который входят нестабильность самооценки, интенсивные и конфликтные межличностные отношения, страх отвержения, а также выраженная склонность к самоповреждению и суицидальному поведению [3].

Категориальный подход МКБ-10 обеспечил стандартизацию диагностики и позволил улучшить сопоставимость клинических данных. Однако со временем были выявлены его существенные ограничения. В частности, отмечалось значительное перекрытие симптомов между различными расстройствами личности, а также высокая гетерогенность внутри одной диагностической категории [5]. Это приводило к снижению диагностической точности и затрудняло выбор оптимальной терапевтической стратегии.

Дополнительным фактором, способствовавшим пересмотру классификационных подходов, стало развитие эмпирических исследований, направленных на изучение структуры личности и ее патологических вариантов. Результаты данных исследований показали, что личностные расстройства представляют собой континуум нарушений, а не дискретные категории [19].

В связи с этим в МКБ-11 была реализована принципиально новая концепция диагностики расстройств личности. Основным нововведением стало внедрение дименсиональной модели, в которой центральное значение придается степени выраженности личностной дисфункции. Выделяются три уровня тяжести: легкий, умеренный и тяжелый, что позволяет более точно оценивать клиническое состояние пациента [2].

Помимо оценки тяжести, в МКБ-11 предусмотрено определение доминирующих личностных черт, таких как негативная аффективность, диссоциальность, ананкастичность, отгороженность и импульсивность [4]. Такой подход обеспечивает более гибкое описание клинической картины и позволяет учитывать индивидуальные особенности пациента.

Важно отметить, что в новой классификации сохранен так называемый «пограничный паттерн» как дополнительный спецификатор. Он применяется в случаях, когда клиническая картина соответствует традиционному описанию пограничного расстройства личности, включая эмоциональную нестабильность, страх отвержения и нестабильность межличностных отношений [2]. Таким образом, МКБ-11 обеспечивает преемственность с предыдущими классификациями, одновременно внедряя более современную диагностическую модель.

Переход от категориального к дименсиональному подходу отражает более глубокое понимание природы расстройств личности и их биопсихосоциальных механизмов. Он также способствует повышению клинической валидности диагностики и позволяет разрабатывать более индивидуализированные стратегии лечения [19].

Вместе с тем внедрение новой классификации сопровождается рядом трудностей. К ним относятся необходимость переобучения специалистов, адаптация диагностических инструментов и изменение клинического мышления. Кроме того, остаются дискуссионными вопросы о границах расстройств личности и критериях их дифференциации от нормальных вариантов личности [5].

Таким образом, эволюция представлений об эмоционально-неустойчивом расстройстве личности отражает общий переход психиатрии от описательных и категориальных моделей к более интегративным и дименсиональным подходам. Это открывает новые возможности для повышения точности диагностики и эффективности терапии, однако требует дальнейших исследований и клинической апробации.

Эпидемиология

Эмоционально-неустойчивое расстройство личности относится к числу наиболее распространенных расстройств личности, однако точные показатели его распространенности варьируют в зависимости от используемых диагностических критериев, методологии исследований и характеристик выборки. Согласно данным популяционных исследований, распространенность данного расстройства в общей популяции составляет от 1% до 3% [5]. При этом различия в оценках могут быть обусловлены как культурными особенностями, так и различиями в диагностических подходах, включая использование категориальных (МКБ-10) и дименсиональных (МКБ-11) моделей.

В клинической практике ЭНРЛ встречается значительно чаще. Среди пациентов амбулаторных психиатрических служб его распространенность достигает 10–12%, тогда как в стационарных условиях этот показатель может превышать 20% [6]. Высокая представленность данного расстройства в клинических выборках объясняется выраженной тяжестью симптоматики, частыми кризисными состояниями и необходимостью интенсивной психиатрической помощи.

Гендерные различия в распространенности ЭНРЛ остаются предметом научных дискуссий. Традиционно считается, что расстройство чаще диагностируется у женщин, однако ряд исследований указывает на воз-

можное недообнаружение аналогичных проявлений у мужчин, что связано с различиями в поведенческих паттернах и обращаемости за медицинской помощью [7].

Возрастная динамика ЭНРЛ также имеет важное значение. Первые признаки расстройства, как правило, проявляются в подростковом возрасте или ранней взрослости, что совпадает с периодом активного формирования личности и социальной идентичности. При этом диагностическая верификация в более раннем возрасте затруднена в связи с нестабильностью личностных характеристик в подростковом периоде.

Следует отметить, что ЭНРЛ характеризуется высокой степенью коморбидности с другими психическими расстройствами. Наиболее часто оно сочетается с депрессивными и тревожными расстройствами, расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ, а также с другими расстройствами личности [6, 7]. Подобная коморбидность существенно осложняет диагностику и лечение, а также влияет на прогноз заболевания.

Особое значение имеет высокая распространенность суицидального поведения среди пациентов с ЭНРЛ. По данным исследований, значительная часть пациентов совершает хотя бы одну суицидальную попытку в течение жизни, что делает данное расстройство одним из наиболее значимых факторов риска суицида [18].

Таким образом, эпидемиологические данные свидетельствуют о высокой распространенности и значительной социальной значимости ЭНРЛ, что определяет необходимость его раннего выявления и разработки эффективных методов профилактики и лечения.

Этиология

Этиология эмоционально-неустойчивого расстройства личности рассматривается в рамках биопсихосоциальной модели, предполагающей взаимодействие генетических, нейробиологических, психологических и средовых факторов:

1. *Генетические и биологические факторы.* Современные исследования свидетельствуют о наличии умеренной генетической предрасположенности к развитию ЭНРЛ. По данным семейных и близнецовых исследований, уровень наследуемости составляет около 40% [8]. Однако следует отметить, что генетические факторы не определяют развитие расстройства напрямую, а лишь формируют определенную уязвимость. Нейробиологические исследования указывают на наличие нарушений в системах, отвечающих за регуляцию эмоций и контроль импульсов. В частности, выявлены изменения в функционировании серотонинергиче-

ской системы, что может объяснять повышенную импульсивность и агрессивность у пациентов с ЭНРЛ [9].

2. *Психологические факторы.* Существенную роль в формировании расстройства играют особенности раннего психического развития. Нарушения привязанности, возникающие в детстве, могут приводить к формированию неустойчивых моделей межличностного взаимодействия и снижению способности к регуляции эмоций. Кроме того, важное значение имеют личностные особенности, такие как высокая эмоциональная чувствительность, низкая толерантность к стрессу и склонность к импульсивным реакциям [11]. Эти характеристики могут усиливать влияние неблагоприятных внешних факторов.
3. *Социальные и средовые факторы.* Ключевыми факторами риска являются неблагоприятные условия воспитания, включая эмоциональное пренебрежение, физическое или психологическое насилие, а также нестабильную семейную среду [10]. Травматический опыт в детстве рассматривается как один из наиболее значимых факторов развития ЭНРЛ. Он может приводить к нарушению формирования базового чувства безопасности и доверия к окружающему миру. Социально-экономические факторы также оказывают влияние на формирование расстройства. Низкий уровень социальной поддержки, нестабильность жизненных условий и стрессовые события могут способствовать развитию и поддержанию патологических паттернов поведения.

Таким образом, этиология ЭНРЛ носит мультифакторный характер и определяется сложным взаимодействием врожденных и приобретенных факторов.

Патогенез

Патогенез эмоционально-неустойчивого расстройства личности представляет собой сложный процесс, включающий взаимодействие нейробиологических и психологических механизмов.

Одной из центральных концепций является нарушение регуляции эмоций. У пациентов с ЭНРЛ наблюдается повышенная чувствительность к эмоциональным стимулам, интенсивные аффективные реакции и замедленное возвращение к базовому эмоциональному состоянию [12].

Нейровизуализационные исследования выявили гиперактивность миндалевидного тела, отвечающего за обработку эмоционально значимых стимулов, а также снижение активности префронтальной коры, участвующей в когнитивном контроле и регуляции поведения [9].

Это приводит к преобладанию эмоциональных реакций над рациональной оценкой ситуации.

Дополнительным механизмом является нарушение функционирования гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси, что приводит к хронической активации стрессовой системы и повышенной уязвимости к стрессовым воздействиям [12].

С психологической точки зрения важную роль играют нарушения формирования идентичности и внутренней модели «Я». Пациенты с ЭНРЛ часто демонстрируют нестабильное представление о себе, что проявляется в резких изменениях целей, ценностей и самооценки.

Также характерны примитивные защитные механизмы, такие как расщепление, при котором окружающие воспринимаются либо как полностью положительные, либо как полностью отрицательные. Это приводит к нестабильности межличностных отношений и конфликтам.

В рамках МКБ-11 патогенез рассматривается через призму общей личностной дисфункции, включающей нарушения в сфере самоидентичности и межличностного функционирования [2]. Это позволяет интегрировать различные уровни анализа – от нейробиологического до социального.

Таким образом, патогенез ЭНРЛ является результатом сложного взаимодействия биологических предрасположенностей и неблагоприятных средовых факторов, что приводит к формированию устойчивых нарушений эмоциональной регуляции и поведения.

Клинические проявления

Клиническая картина эмоционально-неустойчивого расстройства личности отличается выраженной полиморфностью и вариабельностью симптомов, что обусловлено как гетерогенностью самого расстройства, так и влиянием коморбидных состояний. В соответствии с положениями МКБ-10 и МКБ-11, ключевым признаком ЭНРЛ является нарушение эмоциональной регуляции, проявляющееся в повышенной аффективной реактивности и нестабильности настроения [3, 2].

Одним из центральных симптомов является аффективная лабильность. Пациенты демонстрируют быстрые и интенсивные изменения эмоционального состояния, которые часто возникают в ответ на незначительные внешние стимулы. Эмоциональные реакции могут варьировать от выраженной дисфории и тревоги до раздражительности и гнева. При этом характерно длительное сохранение негативного аффекта после провоцирующего события [13].

Импульсивность представляет собой еще одну ключевую характеристику ЭНРЛ. Она проявляется в склонности к необдуманным действиям без учета возможных последствий. Наиболее часто наблюдаются рискованное поведение, злоупотребление психоактивными веществами, компульсивные траты, а также эпизоды агрессивного поведения [11]. В ряде случаев импульсивность может приводить к серьезным социальным и медицинским последствиям.

Нарушение идентичности является важным компонентом клинической картины. Пациенты часто испытывают трудности в формировании устойчивого представления о себе, что проявляется в нестабильности самооценки, изменчивости жизненных целей и ценностей. Это состояние сопровождается чувством внутренней пустоты и утратой ощущения целостности личности [13].

Межличностные отношения у пациентов с ЭНРЛ характеризуются выраженной нестабильностью. Типичным является чередование идеализации и обесценивания партнера, что приводит к частым конфликтам и разрывам отношений. Выраженный страх покинутости и чувствительность к отвержению усиливают эмоциональную напряженность в отношениях [3].

Особое клиническое значение имеют самоповреждающее поведение и суицидальные тенденции. Самоповреждение может рассматриваться как способ регуляции эмоционального напряжения или выражения внутреннего дистресса. Частота суицидальных попыток среди пациентов с ЭНРЛ значительно превышает аналогичные показатели в общей популяции [18].

В рамках МКБ-11 клинические проявления ЭНРЛ интерпретируются через призму нарушений в сфере самофункционирования и межличностного взаимодействия. Это включает дефициты в области самоидентичности, саморегуляции и способности к построению стабильных отношений [2].

Таким образом, клиническая картина ЭНРЛ представляет собой сложное сочетание аффективных, когнитивных и поведенческих нарушений, требующее комплексного клинического анализа.

Диагностика

Диагностика эмоционально-нестабильного расстройства личности представляет собой сложный процесс, требующий всесторонней оценки клинического состояния пациента, его жизненного анамнеза и особенностей функционирования в различных сферах жизни.

В рамках МКБ-10 диагностика основывается на вы-

явлении устойчивых поведенческих паттернов, соответствующих критериям эмоционально-нестабильного расстройства личности (F60.3), с разделением на импульсивный и пограничный подтипы [3]. Диагностические критерии включают выраженную импульсивность, нестабильность настроения, склонность к конфликтам и трудности в контроле эмоций. Для пограничного типа дополнительно характерны нарушения идентичности, нестабильные отношения и самоповреждающее поведение.

Однако категориальный подход МКБ-10 имеет ряд ограничений, включая высокую степень перекрытия симптомов между различными расстройствами личности и недостаточную чувствительность к индивидуальным особенностям пациента [5].

В МКБ-11 реализован дименсиональный подход к диагностике, который включает несколько этапов:

1. *Оценка степени тяжести расстройства личности* – определяется уровень нарушения функционирования (легкий, умеренный, тяжелый).
2. *Анализ доминирующих личностных черт* – выявляются такие характеристики, как негативная аффективность, импульсивность, диссоциальность и другие [4].
3. *Использование спецификатора «пограничный паттерн»* – применяется при наличии типичных признаков, соответствующих классическому описанию пограничного расстройства личности [2].

Данный подход позволяет более гибко и точно описывать клиническую картину, а также учитывать динамику состояния пациента.

Важным этапом диагностики является дифференциальная диагностика. ЭНРЛ необходимо отличать от аффективных расстройств, в частности биполярного аффективного расстройства, а также от других расстройств личности и посттравматического стрессового расстройства. Наличие коморбидных состояний требует особого внимания, поскольку может маскировать или усиливать основные симптомы [6].

Дополнительно используются психометрические методы, включая стандартизированные опросники и клинические шкалы, позволяющие оценить выраженность симптомов и динамику состояния пациента [13].

Таким образом, диагностика ЭНРЛ требует комплексного подхода, включающего клиническое интервью, наблюдение и использование дополнительных инструментов оценки.

Лечение

Лечение эмоционально-неустойчивого расстройства личности является сложной задачей, требующей комплексного и индивидуализированного подхода. Основное значение при этом придается психотерапии, тогда как фармакотерапия рассматривается как вспомогательный метод [14].

1. Психотерапия

Психотерапевтические методы являются основой лечения ЭНРЛ и направлены на развитие навыков эмоциональной регуляции, улучшение межличностного функционирования и формирование устойчивой идентичности.

Наиболее эффективными подходами считаются:

- *Диалектическая поведенческая терапия* – направлена на развитие навыков осознанности, толерантности к дистрессу и регуляции эмоций;
- *Терапия, основанная на ментализации* – способствует развитию способности понимать собственные и чужие психические состояния;
- *Схема-терапия* – ориентирована на изменение глубинных дезадаптивных когнитивных схем;
- *Психодинамическая психотерапия* – направлена на проработку внутренних конфликтов и механизмов защиты [15].

Данные методы продемонстрировали эффективность в снижении выраженности симптомов, уменьшении частоты самоповреждений и улучшении качества жизни пациентов [14, 15].

2. Фармакотерапия

Фармакологическое лечение не является специфическим для ЭНРЛ и применяется преимущественно для коррекции сопутствующих симптомов.

Могут использоваться:

- антидепрессанты – при наличии депрессивных и тревожных симптомов;
- стабилизаторы настроения – при выраженной импульсивности и аффективной нестабильности;
- антипсихотики – при наличии психотических симптомов или выраженной дезорганизации поведения [16].

Следует отметить, что применение медикаментов должно быть строго обосновано, поскольку риск полипрагмазии и побочных эффектов у данной категории пациентов достаточно высок.

3. Психосоциальные вмешательства

Важную роль играют психообразование, социальная поддержка и реабилитационные программы. Обучение пациентов навыкам саморегуляции и адаптивного поведения способствует снижению частоты кризисных состояний и улучшению социальной адаптации.

Также важным компонентом является работа с семьей пациента, направленная на формирование поддерживающей среды и снижение уровня межличностного напряжения.

Прогностические аспекты лечения:

- Долгосрочные исследования показывают, что при адекватной терапии возможно значительное улучшение состояния пациентов. Однако процесс лечения требует длительного времени и высокой мотивации как со стороны пациента, так и со стороны специалистов [17].
- Таким образом, лечение ЭНРЛ должно основываться на комплексном подходе, включающем психотерапию, фармакотерапию и психосоциальную поддержку, что позволяет достичь наилучших клинических результатов.

Прогноз

Прогноз эмоционально-неустойчивого расстройства личности является сложным и многомерным, поскольку определяется сочетанием клинических, личностных и социально-средовых факторов. В отличие от традиционных представлений о расстройствах личности как устойчивых и мало поддающихся коррекции, современные лонгитюдные исследования демонстрируют более благоприятную динамику течения данного расстройства [17].

По данным длительных наблюдений, у значительной части пациентов происходит снижение выраженности ключевых симптомов, таких как импульсивность, аффективная нестабильность и склонность к самоповреждению. В ряде случаев наблюдается достижение клинической ремиссии, особенно при наличии адекватного и длительного психотерапевтического вмешательства [21].

Однако важно подчеркнуть, что улучшение клинической симптоматики не всегда сопровождается восстановлением социального функционирования. Даже при уменьшении выраженности эмоциональных и поведенческих нарушений пациенты могут сохранять трудности в межличностных отношениях, профессиональной адаптации и формировании устойчивой идентичности [22].

Существенное влияние на прогноз оказывает степень тяжести расстройства, определяемая в рамках МКБ-11.

Пациенты с тяжелой степенью личностной дисфункции демонстрируют более устойчивые и выраженные нарушения, требующие длительной и интенсивной терапии. В то же время при легких и умеренных формах возможно более быстрое и стабильное улучшение состояния [2].

Важным прогностическим фактором является наличие коморбидных психических расстройств. Сочетание ЭНРЛ с депрессивными, тревожными расстройствами или зависимостями значительно ухудшает прогноз, увеличивает риск рецидивов и снижает эффективность терапии [6].

Особое значение имеет уровень социальной поддержки. Наличие стабильных межличностных связей, поддерживающей семейной среды и доступа к профессиональной помощи способствует более благоприятному течению заболевания. Напротив, социальная изоляция и хронический стресс могут усиливать симптоматику и препятствовать восстановлению.

Таким образом, прогноз ЭНРЛ следует рассматривать как динамический и зависящий от множества факторов. Современные данные позволяют говорить о потенциальной обратимости ряда симптомов при условии своевременного и комплексного лечения.

Осложнения

Эмоционально-неустойчивое расстройство личности связано с высоким риском развития различных осложнений, затрагивающих как психическую, так и соматическую сферу.

Наиболее серьезным и клинически значимым осложнением является суицидальное поведение. По данным исследований, значительная доля пациентов с ЭНРЛ совершает суицидальные попытки, а риск заверщенного суицида существенно превышает аналогичные показатели в общей популяции [18]. Суицидальное поведение может носить как импульсивный, так и планируемый характер, что требует постоянного мониторинга состояния пациента.

Самоповреждающее поведение также является распространенным феноменом при ЭНРЛ. Оно может выполнять функцию регуляции эмоционального напряжения, а также служить способом выражения внутреннего дистресса. Несмотря на отсутствие прямого суицидального намерения, самоповреждение значительно повышает риск последующих суицидальных действий.

Высокая коморбидность является еще одним важным аспектом осложнений. ЭНРЛ часто сочетается с:

- депрессивными расстройствами;
- тревожными расстройствами;

- расстройствами, связанными с употреблением психоактивных веществ;
- расстройствами пищевого поведения [23].

Наличие коморбидных состояний не только утяжеляет клиническую картину, но и усложняет диагностику и лечение.

Соматические осложнения также встречаются у данной категории пациентов. К ним относятся сердечно-сосудистые заболевания, хроническая боль, метаболические нарушения. Эти состояния могут быть связаны как с образом жизни пациентов, так и с хроническим стрессом и нарушениями регуляции физиологических процессов.

Социальные последствия ЭНРЛ включают:

- трудности в профессиональной деятельности;
- нестабильность межличностных отношений;
- высокий уровень социальной дезадаптации.

Данные факторы могут приводить к ухудшению качества жизни и снижению социальной интеграции пациентов.

Таким образом, осложнения ЭНРЛ носят комплексный характер и требуют системного подхода к диагностике и лечению.

Обсуждение

Современное понимание эмоционально-нестабильного расстройства личности отражает фундаментальные изменения в психиатрической науке, связанные с переходом от категориальных к дименсиональным моделям диагностики. Введение МКБ-11 является важным этапом в развитии концепции расстройств личности и позволяет более точно учитывать индивидуальные особенности пациентов [2, 4].

Одним из ключевых преимуществ дименсионального подхода является возможность описания расстройства как спектра нарушений, варьирующих по степени выраженности и структуре. Это особенно важно для ЭНРЛ, которое характеризуется высокой гетерогенностью клинических проявлений [19].

Переход к новой модели диагностики способствует более точному определению терапевтических мишеней. В частности, внимание может быть сосредоточено на конкретных доминирующих чертах личности, таких как импульсивность или негативная аффективность, что позволяет индивидуализировать психотерапевтические вмешательства.

Вместе с тем внедрение МКБ-11 сопровождается рядом трудностей. К ним относятся необходимость адаптации клинической практики, пересмотра диагно-

стических инструментов и повышения квалификации специалистов. Кроме того, остаются дискуссионными вопросы о границах расстройств личности и критериях их дифференциации от нормальных вариантов личности [5].

Особое значение имеет интеграция биологических и психологических подходов. Современные исследования подтверждают, что ЭНРЛ формируется в результате взаимодействия генетических факторов, нейробиологических механизмов и неблагоприятных средовых воздействий [9, 10]. Это требует использования комплексных терапевтических стратегий, учитывающих различные уровни функционирования личности.

Психотерапия остается основным методом лечения ЭНРЛ, однако эффективность различных подходов требует дальнейшего изучения. В частности, недостаточно исследованы механизмы изменений, происходящих в процессе терапии, а также факторы, влияющие на долгосрочные результаты лечения [14].

Таким образом, дальнейшее развитие исследований в области ЭНРЛ должно быть направлено на углубление понимания его патогенеза, совершенствование диагностических критериев и разработку персонализированных методов терапии.

Заключение

Эмоционально-неустойчивое расстройство личности представляет собой сложное и многокомпонентное психическое состояние, характеризующееся нарушениями эмоциональной регуляции, импульсивностью и дезорганизацией межличностных отношений.

Переход от категориальной модели МКБ-10 к дименсиональной системе МКБ-11 отражает современное понимание природы личностной патологии и открывает новые возможности для повышения точности диагностики и эффективности лечения.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что:

- ЭНРЛ имеет мультифакторную природу;
- ключевую роль в его развитии играют нарушения эмоциональной регуляции;
- психотерапия является основным методом лечения;
- прогноз заболевания зависит от множества клинических и социальных факторов.

Практическая значимость исследования заключается в обосновании необходимости комплексного и междисциплинарного подхода к диагностике и лечению ЭНРЛ.

Перспективы дальнейших исследований связаны с:

- разработкой персонализированных терапевтиче-

- ских стратегий;
- изучением механизмов эффективности психотерапии;
- внедрением дименсиональных моделей в клиническую практику.

Таким образом, современный этап изучения эмоционально-нестабильного расстройства личности характеризуется переходом к интегративным моделям, что требует дальнейших научных исследований и совершенствования клинических подходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gunderson, J.G. Borderline personality disorder / J.G. Gunderson // *The New England Journal of Medicine*. – 2011. – Vol. 364, No. 21. – P. 2037–2042. – DOI: 10.1056/NEJMc1007358.
2. World Health Organization. ICD-11 for Mortality and Morbidity Statistics: Personality disorder and related trait qualifiers [Electronic resource]. – Geneva: World Health Organization, 2024. – URL: <https://icd.who.int/browse/2024-01/mms/en>.
3. World Health Organization. The ICD-10 Classification of Mental and Behavioural Disorders: Clinical descriptions and diagnostic guidelines. – Geneva: World Health Organization, 1992. – 362 p. – ISBN 92-4-154422-8.
4. Bach, B. Application of the ICD-11 classification of personality disorders / B. Bach, M.B. First // *BMC Psychiatry*. – 2018. – Vol. 18. – Article 351. – DOI: 10.1186/s12888-018-1908-3.
5. Tyrer, P. The development of the ICD-11 classification of personality disorders: an amalgam of science, pragmatism, and politics / P. Tyrer, R. Mulder, Y.-R. Kim, M. J. Crawford // *Annual Review of Clinical Psychology*. – 2019. – Vol. 15. – P. 481–502. – DOI: 10.1146/annurev-clinpsy-050718-095736.
6. Grant, B.F. Prevalence, correlates, disability, and comorbidity of DSM-IV borderline personality disorder: results from the Wave 2 National Epidemiologic Survey on Alcohol and Related Conditions / B. F. Grant, S. P. Chou, R.B. Goldstein [et al.] // *Journal of Clinical Psychiatry*. – 2008. – Vol. 69, No. 4. – P. 533–545. – DOI: 10.4088/JCP.v69n0404.
7. Eaton, N.R. Borderline personality disorder co-morbidity: relationship to the internalizing-externalizing structure of common mental disorders / N.R. Eaton, R.F. Krueger, K.M. Keyes [et al.] // *Psychological Medicine*. – 2011. – Vol. 41, No. 5. – P. 1041–1050. – DOI: 10.1017/S0033291710001662.
8. Distel, M.A. Heritability of borderline personality disorder features is similar across three countries / M.A. Distel, T.J. Trull, G. Willemsen [et al.] // *Psychological Medicine*. – 2008. – Vol. 38, No. 9. – P. 1219–1229. – DOI: 10.1017/S0033291707002024.
9. Lis, E. Neuroimaging and genetics of borderline personality disorder: a review / E. Lis, S. Greenfield, P. Henry, F. Guilé, J. P. Dougherty // *Journal of Psychiatry and Neuroscience*. – 2007. – Vol. 32, No. 3. – P. 162–173.
10. Zanarini, M.C. Reported pathological childhood experiences associated with the development of borderline personality disorder / M. C. Zanarini, A.A. Williams, R.E. Lewis [et al.] // *American Journal of Psychiatry*. – 1997. – Vol. 154, No. 8. – P. 1101–1106. – DOI: 10.1176/ajp.154.8.1101.
11. Linehan, M.M. Cognitive-behavioral treatment of borderline personality disorder / M. M. Linehan. – New York: Guilford Press, 1993. – 558 p. – ISBN 978-0-89862-183-9.
12. Crowell, S.E. A biosocial developmental model of borderline personality: elaborating and extending Linehan's theory / S.E. Crowell, T.P. Beauchaine, M. M. Linehan // *Psychological Bulletin*. – 2009. – Vol. 135, No. 3. – P. 495–510. – DOI: 10.1037/a0015616.
13. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders: DSM-5-TR. – 5th ed., text rev. – Washington, DC: American Psychiatric Association Publishing, 2022. – DOI: 10.1176/appi.books.9780890425787.
14. Storebø, O.J. Psychological therapies for people with borderline personality disorder / O.J. Storebø, J.M. Stoffers-Winterling, B.A. Völlm [et al.] // *Cochrane Database of Systematic Reviews*. – 2020. – Issue 5. – Art. No.: CD012955. – DOI: 10.1002/14651858.CD012955.pub2.
15. Cristea, I.A. Efficacy of psychotherapies for borderline personality disorder: a systematic review and meta-analysis / I.A. Cristea, C. Gentili, C.D. Cotet [et al.] // *JAMA Psychiatry*. – 2017. – Vol. 74, No. 4. – P. 319–328. – DOI: 10.1001/jamapsychiatry.2016.4287.
16. Stoffers-Winterling, J.M. Pharmacological interventions for people with borderline personality disorder / J.M. Stoffers-Winterling, K. Storebø, L. Lieb [et al.] // *Cochrane Database of Systematic Reviews*. – 2022. – Issue 11. – Art. No.: CD012956. – DOI: 10.1002/14651858.CD012956.pub2.
17. Zanarini, M.C. Attainment and stability of sustained symptomatic remission and recovery among patients with borderline personality disorder and axis II comparison subjects: a 16-year prospective follow-up study / M.C. Zanarini, F.R. Frankenburg, J. Hennen [et al.] // *American Journal of Psychiatry*. – 2012. – Vol. 169, No. 5. – P. 476–483. – DOI: 10.1176/appi.ajp.2011.11101550.
18. Black, D.W. Suicidal behavior in borderline personality disorder: prevalence, risk factors, prediction, and prevention / D.W. Black, N. Blum, B. Pfohl, N. Hale // *Journal of Personality Disorders*. – 2004. – Vol. 18, No. 3. – P. 226–239. – DOI: 10.1521/pedi.18.3.226.35445.
19. Widiger, T.A. Plate tectonics in the classification of personality disorder: shifting to a dimensional model / T.A. Widiger, T.J. Trull // *American Psychologist*. – 2007. – Vol. 62, No. 2. – P. 71–83. – DOI: 10.1037/0003-066X.62.2.71.
20. Leichsenring, F. Borderline personality disorder: a comprehensive review of diagnosis and clinical presentation, etiology, treatment, and current controversies / F. Leichsenring, K. Heim, F. Leweke [et al.] // *World Psychiatry*. – 2024. – Vol. 23, No. 1. – P. 4–25. – DOI: 10.1002/wps.21156.
21. Zanarini, M.C. Prediction of the 10-year course of borderline personality disorder / M.C. Zanarini, F.R. Frankenburg, J. Hennen, D.B. Reich, K.R. Silk // *American Journal of Psychiatry*. – 2006. – Vol. 163, No. 5. – P. 827–832. – DOI: 10.1176/ajp.2006.163.5.827.
22. Zanarini, M.C. The 10-year course of psychosocial functioning among patients with borderline personality disorder and axis II comparison subjects / M.C. Zanarini, F.R. Frankenburg, E.D. Reich, C.J. Fitzmaurice // *Acta Psychiatrica Scandinavica*. – 2010. – Vol. 122, No. 2. – P. 103–109. – DOI: 10.1111/j.1600-0447.2010.01543.

23. Zanarini, M.C. Axis I comorbidity in patients with borderline personality disorder: 6-year follow-up and prediction of time to remission / M.C. Zanarini, F.R. Frankenburg, J. Hennen, D.B. Reich, K.R. Silk // American Journal of Psychiatry. – 2004. – Vol. 161, No. 11. – P. 2108–2114. – DOI: 10.1176/appi.ajp.161.11.2108.

© Исагулова Елена Юрьевна (9477877@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОДИТЕЛЬСКИЙ НАРРАТИВ В СТРУКТУРЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ БАЗОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ НАВЫКОВ ДЕТЕЙ С ОСОБЕННОСТЯМИ РАЗВИТИЯ

Исхаков Фаррух Рустамович

Аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
f.iskhakov@spbu.ru

PARENTAL NARRATIVE IN THE STRUCTURE OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CORRECTION OF BASIC SOCIAL SKILLS OF CHILDREN WITH DEVELOPMENTAL DISORDERS

F. Iskhakov

Summary: The article substantiates the technology of psychological and pedagogical intervention for behavioral disorders in children, combining Applied Behavior Analysis (ABA) with the transformation of parental narratives within narrative practice. Building upon previous foundational publications, this study centers specifically on the narrative analysis of parental positions: it demonstrates the differential dependence of skill dynamics on parents' reflective perspectives and child-centric vs. parent-centric orientations. Subgroup analysis confirms that shifting the parent's reflective perspective from "actor" to "motivated agent" serves as a key mediator in generalizing basic social skills (requesting, tolerance for refusal) to natural environments. Based on a sample of 182 families, it was found that without narrative transformation, behavioral correction does not allow for the sustainable generalization of basic social skills in a short period of time, while parallel intervention ensures a skill acquisition at the mastery criterion (88% of acquired and generalized skills).

Keywords: reflective perspective, parental narrative, child-centrism, parent-centrism, basic social skills, request, tolerance for refusal, parallel intervention.

Аннотация: Статья обосновывает технологию психолого-педагогической коррекции поведенческих расстройств у детей, сочетающую методы прикладного анализа поведения (АВА) с трансформацией родительских нарративов, в рамках поли-нарративной практики. Опираясь на предыдущие публикации, основное внимание уделено нарративному анализу родительских позиций: показана дифференцированная зависимость динамики формируемых навыков от рефлексивной перспективы родителей и детоцентрической / родителецентрической диспозиций. На основе подгруппового анализа подтверждено, что трансформация рефлексивной перспективы родителя от «актера» к «актер-агенту» выступает ключевым медиатором генерализации базовых социальных навыков (просьба, толерантность к отказу) в естественной среде. На выборке 182 семей установлено, что без нарративной трансформации поведенческая коррекция не позволяет достигнуть устойчивой генерализации базовых социальных навыков в короткие сроки, тогда как параллельное вмешательство обеспечивает процент освоения навыка, на уровне критерия мастерства (88%, освоенный и генерализованный навык).

Ключевые слова: рефлексивная перспектива, родительский нарратив, детоцентризм, родителецентризм, базовые социальные навыки, просьба, толерантность к отказу, параллельное вмешательство.

Введение и теоретическое обоснование

Современная педагогическая психология всё чаще обращается к семейно-ориентированным моделям, признавая, что коррекция поведенческих расстройств у детей как дошкольного, так и более старших возрастов не может ограничиваться влиянием исключительно на ребенка. Исследования последних лет [1], [2], [3], [4] демонстрируют, что устойчивые изменения связаны с системой семейных взаимоотношений и коммуникативных паттернов. В предшествующих публикациях авторов [5] были изложены основы полинарративного подхода и продемонстрирована принципиальная возможность интеграции прикладного анализа поведения (АВА) и нарративной терапии в форме параллельного

вмешательства. Настоящая статья развивает данные результаты, фокусируясь непосредственно на исследовании нарративных факторов, выступающих медиаторами эффективности коррекционного процесса.

Актуальность разработки комплексных методов усиливается на фоне роста числа семей, сталкивающихся с устойчивыми формами нежелательного поведения и дефицитом базовых социальных навыков у детей дошкольного возраста [6]. Традиционные подходы, фокусирующиеся исключительно на модификации поведения ребёнка, зачастую оказываются недостаточными для достижения долгосрочных результатов [7]. Равно как и работа исключительно с родителями (например, в рамках системной семейной психотерапии [8] или групповой

схема-терапии [9]) позволяет оптимизировать эмоциональное состояние родителя, но оказывается недостаточной для формирования социальных навыков у детей. Это создаёт предпосылки для создания интегративных моделей, сочетающих поведенческие техники с методами трансформации родительских нарративов [10].

Цель статьи – раскрыть медиаторную роль родительского нарратива и его рефлексивной перспективы в психолого-педагогической коррекции базовых социальных навыков детей с расстройствами аутистического спектра, общим/тяжелым нарушением речи, задержкой психологического развития, либо с неуточненным диагнозом, на основе сравнительного анализа подгрупп с детоцентрической и родителецентрической ориентацией.

Предполагается, что сочетание методов поведенческой коррекции с трансформацией родительских нарративов способствует формированию устойчивых навыков просьбы и толерантности к отказу за счет перевода родительской позиции от «актера» к «актер-агенту».

Методологические основы и подгрупповой нарративный анализ

Диагностика поведенческих проблем у дошкольников в рамках прикладного анализа поведения (АВА) базируется на трёх ключевых конструктах:

- **Антецеденты** – пусковые механизмы, явления, предшествующие поведению.
- **Непосредственно поведение** – подробное описание поведенческих реакций, требующих коррекции.
- **Последствия** – явления, которые возникают сразу после определенного поведения, как закрепляющие или ослабляющие поведение факторы.

Прямое наблюдение и АВС-анализ выявляют триггеры и последствия целевого поведения, устанавливая функциональные зависимости между всеми тремя основаниями [11]. Однако традиционные методы АВА преимущественно ориентированы на индивидуальную коррекцию поведенческих реакций ребенка вне семейной системы [12], не учитывая трансгенерационные паттерны взаимодействия, прямо связанные с родительскими нарративами.

В свою очередь, поли-нарративная терапия представляет собой методологический подход, основанный на признании множественности субъективных интерпретаций семейного опыта. «Поли-нарративная терапия – это диалогическая практика переконструирования нарративной идентичности» [13, С. 198]. Нарратив не должен быть оторван от реальности, являясь связующим звеном воспитательного процесса.

Центральным аспектом выступает рефлексивная перспектива, определяющая дистанцию между наблюдающим «Я» и наблюдаемым «Я». В контексте данного исследования, в рамках родительского нарратива оцениваются два уровня рефлексивной перспективы по концептуальной модели Д. МакАдамса [14]:

- **Актер** – рефлексия собственных свойств внутри социального спектакля, определение себя через степень соответствия роли («ребенок не говорит, потому что у него диагноз»).
- **Актер-агент** – рефлексия задач и конкретных действий с горизонтом планирования и осознанием причинно-следственных связей («моя задача — смоделировать ситуацию просьбы»).

Также в работах Д. МакАдамса описывается рефлексивная перспектива **«мотивированный агент»** – рефлексия «стратегии», интеграция опыта, взаимодействие напрямую с контекстом решения задачи [14]. Однако в контексте родительского нарратива подобная рефлексивная перспектива не рассматривается, так как в рамках поставленных задач подобная рефлексивная перспектива необходима скорее специалисту, проводящему интервенцию.

В контексте исследования рассматривается роль родительского нарратива в формировании двух базовых социальных навыков у детей – просьбы и толерантности к отказу [15], являющихся основой социализации [16; 17].

Результаты нарративного анализа и динамика навыков по подгруппам

В исследовании приняли участие 182 семьи (107 полных, 61 с матерью, 14 с отцом; возраст родителей 22–49 лет, ср. знач. = 29,3; возраст детей 3–7 лет, ср. знач. = 4,9; 104 мальчика, 78 девочек с РАС, ОНР/ТНР, ЗПР или неуточненным диагнозом; все дети физиологически сохранены). Выборка была разделена на 4 группы:

Группа 1. Параллельное вмешательство (n=67): совмещение АВА-коррекции ребенка и поли-нарративной терапии родителя.

Группа 2. Поведенческое вмешательство (n=41): только АВА-коррекция ребенка.

Группа 3. Терапевтическое вмешательство (n=39): только поли-нарративная работа с родителем.

Группа 4. Контрольная группа (n=35): без вмешательства.

Перед началом работы родителям предлагались три диагностических вопроса:

А) *Скорее "ребенок должен меня слушаться" или в большей степени "я должен прислушиваться к ребенку"? В какой мере Вы довольны/недовольны? Как это получается в данный момент?*

Б) В чем именно ребенок должен слушаться, а Вы не должны слушать ребенка, и в чем Вы должны прислушаться к ребенку и ребенку лучше слушать себя?

В) Что для Вас и Вашей с ребенком жизни важнее: чтобы Ребенок научился просить / Ребенок научился получать отказ и спокойно его переносить?

Контент-анализ ответов позволил выявить два ключевых вектора родительской позиции:

- Детоцентричность: фокус внимания направлен на ребенка, развитие его автономных коммуникативных навыков и субъектность.
- Родитеlecцентричность: фокус внимания направлен на формальное послушание ребенка для обеспечения личного комфорта родителя и снижения его собственной нагрузки.

Распределение родитеlec- и детоцентрических векторов по группам составило: в Группе 1 — 91% детоцентрических родителей, в Группе 3 — 72%, в то время как в Группе 2 преобладал родитеlecцентричный вектор (80%). В Группе 4 качественные данные не собирались.

Проведенный сравнительный анализ динамики освоения навыков отдельно по подгруппам ориентации родителя (детоцентрическая / родитеlecцентрическая) и уровню рефлексивной перспективы («актер»/«актер-агент») продемонстрировал следующую специфику:

1. Динамика и нарративный анализ в Группе 1 (Параллельное вмешательство, n=67)

В Группе 1, подтвержден статистически значимый рост показателей навыка просьбы с 18% (SD = 10,1) до 88% (SD = 8,1) ($t = 42,38$, $p < 0,001$) и навыку толерантности к отказу с 9% (SD = 4,7) до 75% (SD = 13,5) ($t=39,36$, $p < 0,001$).

Среди респондентов Группы 1, придерживающихся детоцентрического вектора (91% выборки) применение параллельного вмешательства обеспечило быструю трансформацию рефлексивной перспективы родителя от пассивного «актера» к «актер-агенту». Это позволило достичь критерия мастерства (88%) и полной генерализации навыка просьбы за пределами кабинета специалиста. Среди респондентов Группы 1, придерживающихся родитеlecцентричного вектора (9%) начальный прирост навыков был менее выражен, однако по мере терапевтического воздействия на родительский нарратив их показатели выравнивались с общими значениями группы на момент контрольного замера.

2. Динамика и нарративный анализ в Группе 2 (Поведенческое вмешательство, n=41)

В Группе 2 освоение навыка просьбы возросло с 17% (SD=10,1) до 80% (SD=12,6) ($t=23,3$, $p<0,001$), а толерантности к отказу — с 10% (SD=5,1) до 77% (SD=12,0) ($t=43,71$, $p<0,001$).

Сравнительный анализ показал, что у 80% родитеlecцентричных родителей рефлексивная перспектива осталась на уровне «актера» («ребенок должен слушаться»). Отсутствие нарративной терапии привело к тому, что родитеlecцентричные родители не создавали дома условий для инициативной просьбы, требуя лишь беспрекословного выполнения требований. В результате навык просьбы достиг лишь 80% (не пройдя критерий мастерства из-за отсутствия переноса в быт). Напротив, у 20% детоцентрических родителей в Группе 2 генерализация навыка просьбы дома проходила спонтанно и более эффективно.

3. Динамика и нарративный анализ в Группе 3 (Терапевтическое вмешательство, n=39)

В Группе 3 освоение навыка просьбы возросло с 21% (SD=8,2) до 49% (SD=7,0) ($t=15,13$, $p<0,001$), а толерантности к отказу — с 13% (SD=7,1) до 37% (SD=11,7) ($t=14,85$, $p<0,001$).

Преобладание детоцентрических родителей (72%) позволило только за счет нарративной перестройки (перехода в позицию «актер-агента») снизить деструктивное давление среды и стимулировать спонтанное проявление социальных навыков у ребенка. Однако отсутствие прямой АВА-коррекции не позволило в сжатые сроки достигнуть показателей, близких к критерию мастерства (49% и 37%). В родитеlecцентричной подгруппе Группы 3 изменений в поведении детей практически не зафиксировано.

4. Динамика в Группе 4 (Контрольная группа, n=35)

В Группе 4 для навыка просьбы значимых различий не выявлено ($t=-1,06$, $p=0,296$), а по навыку толерантности к отказу зафиксирован минимальный спонтанный прирост с 9% (SD=4,7) до 12% (SD=6,1) ($t=2,64$, $p=0,012$).

Сводные данные представлены в Таблице.

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что нарративный фактор (уровень рефлексивной перспективы и вектор родительского нарратива) выступает ключевым медиатором устойчивости и генерализации полученных в ходе поведенческой коррекции навыков. Изолированная поведенческая коррекция (Группа 2) сталкивается с ограничениями родитеlecцентричной

Таблица 1.

Сравнительная динамика формирования базовых социальных навыков и рефлексивных перспектив родителей по группам.

Группа вмешательства	Доминирующий вектор нарратива	Динамика рефлексивной перспективы	Навык просьбы (До / После, %)	Толерантность к отказу (До / После, %)
Группа 1 (Параллельное, n=67)	Детоцентрический (91%)	Актер → Актер-агент	18,0% → 88,0%*	9,0% → 75,0%*
Группа 2 (Поведенческое, n=41)	Родителицентрический (80%)	Фиксация на уровне «Актера»	17,0% → 80,0%*	10,0% → 77,0%*
Группа 3 (Терапевтическое, n=39)	Детоцентрический (72%)	Актер → Актер-агент	21,0% → 49,0%*	13,0% → 37,0%*
Группа 4 (Контроль, n=35)	Не определен	Без изменений («Актер»)	18,0% → 16,0% (н/з)	9,0% → 12,0%*

Примечание: * — различия между замерами статистически достоверны при $p < 0,001$.

позиции: родитель, оставаясь на уровне рефлексивной перспективы «актера», воспринимает ребенка как объект своего, либо внешнего воздействия, но не трансформирует коммуникативную среду, тем самым приводя к более низким показателям освоения навыка просьбы.

В то же время, терапевтическая трансформация родительских нарративов (Группы 1 и 3) позволяет родителю перейти на уровень рефлексии «актер-агента», способного осознанно создавать коммуникативный контекст, доступный для актуального уровня навыков ребенка и обеспечивающий зону ближайшего развития. Синергия параллельного вмешательства (Группа 1) обеспечивает достижение критерия мастерства в освоении навыка просьбы (88%) за счет активной включенности родителя в психолого-педагогическую команду.

Выводы

1. Уровень рефлексивной перспективы родителя и преобладающий вектор детоцентричности / родителицентричности выступают важными факторами, регулирующими перенос и закрепление базовых социальных навыков детей с особенностями развития.
2. Переход родителя от рефлексивной перспективы «актера» к субъектно-активной позиции «актер-агента» достигается посредством терапевти-

ческой трансформации с помощью технологий поли-нарративной практики и является важным условием для генерализации и формирования долгосрочной устойчивости базовых социальных навыков за пределами кабинета специалиста.

3. Параллельное вмешательство, объединяющее методы АВА с поли-нарративной практикой, обеспечивает максимальный коррекционный эффект (88% освоения навыка просьбы и 75% освоения навыка толерантности к отказу), нивелируя ограничения классической поведенческой терапии.

Ограничения исследования

1. Преобладание детоцентрического вектора среди родителей, участвовавших в качественной части исследования, требует осторожности при генерализации выводов на семьи с глубокой родителицентрической дезадаптацией.
2. Гендерный фактор родителей и детей, а также конкретные нозологические особенности требуют дополнительного учета при проведении дальнейших исследований.
3. Для оценки долгосрочной устойчивости достигнутых эффектов необходим катамнестический замер через 6–12 месяцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богачева О.И., Иванов М.В., Симашкова Н.В. Осведомленность родителей о заболевании детей с расстройствами аутистического спектра / О.И. Богачева, М.В. Иванов, Н.В. Симашкова // Аутизм и нарушения развития. — 2019. — № 4. — С. 3–11.
2. Bosgraaf L., Spreen M., Pattiselanno K., van Hooren S. Art Therapy for Psychosocial Problems in Children and Adolescents: A Systematic Narrative Review on Art Therapeutic Means and Forms of Expression, Therapist Behavior, and Supposed Mechanisms of Change / L. Bosgraaf, M. Spreen, K. Pattiselanno, S. van Hooren // Frontiers in Psychology. — 2020. — Т. 11. — doi: 10.3389/fpsyg.2020.584685. EDN: XERWRW.
3. Littell J.H., Pigott T.D., Nilsen K.H., Green S.J. Multisystemic Therapy for social, emotional, and behavioural problems in youth age 10 to 17: An updated systematic review and meta-analysis / J.H. Littell, T.D. Pigott, K. Nilsen, S. J. Green // Campbell Systematic Reviews. — 2021. — Т. 17. — № 4. — doi: 10.1002/cl2.1158.
4. Paulus F. W et al. Emotional dysregulation in children and adolescents with psychiatric disorders. A narrative review / F. W. Paulus, S. Ohmann, E. Möhler, P. Plener, Ch. Popow // Frontiers in psychiatry. — 2021. — Т. 12. — doi: 10.3389/fpsyg.2021.628252. EDN: DNVWDV.
5. Исаков Ф.Р., Зайцева Ю.Е. Возможности полинарративного подхода в обучении детей базовым социальным навыкам / Ф.Р. Исаков, Ю.Е. Зайцева // Учебный эксперимент в образовании. — 2026. — № 2 (118). — С. 7–14.

6. Служба помощи семьям, воспитывающим детей с "тяжелым аутизмом" – URL: <https://xn--80ajpld2c.xn--80af5akm8c.xn--p1ai/award/project/68d54d9c-6666-4d43-aa65-5ff7160fabb0/about> (дата обращения: 21.05.2026).
7. Cerasuolo M. et al. Examining predictors of different ABA treatments: A systematic review / M. Cerasuolo, R. Simeoli, R. Nappo, M. Gallucci, L. Iovino, A. Frolli, A. Rega // Behavioral Sciences. – 2022. – Т. 12. – № 8. – Р. 267–287.
8. Грачева Л.В. Системная семейная психотерапия (профилактика и коррекция) в работе с ребенком с ОВЗ / Л.В. Грачева // Материалы Четвертой Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы науки и практики». – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2021. – С. 222–232.
9. Ким К.А., Кадыров Р.В. Групповая схема-терапия в снижении стресса родителей, воспитывающих ребенка с ОВЗ / К.А. Ким, Р.В. Кадыров // СибСкрипт. – 2022. – Т. 24. – № 4 (92). – С. 517–524.
10. Демьянчук Л.Н., Демьянчук Р.В., Кац Е.Э. Методические рекомендации по обеспечению комплексного сопровождения развития детей с расстройствами аутистического спектра в условиях непрерывного образования / Л.Н. Демьянчук, Р.В. Демьянчук, Е.Э. Кац. – Санкт-Петербург, 2019. – 67 с.
11. Коваленко Т.Н., Августинова И.Г. Метод АВА-терапии в работе с детьми с расстройством аутистического спектра / Т.Н. Коваленко, И.Г. Августинова // Образование и проблемы развития общества. – 2024. – № 1. – С. 85–88.
12. Воспитание и обучение детей с расстройствами эмоционально-волевой сферы и поведения // Воспитание и обучение детей с нарушениями в развитии / под ред. Н.А. Борисовой. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2017. – С. 185–205.
13. Ширяев Д.И., Зайцева Ю.Е. Инструменты и стратегии нарративного согласования истории несправедливости: как совладать с "нестерпимым" / Д.И. Ширяев, Ю.Е. Зайцева // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2020. – № 2. – С. 198–211.
14. McAdams D.P. The Psychological Self as Actor, Agent, and Author / D.P. McAdams // Perspectives on Psychological Science. – 2003. – № 8(3). – Р. 272–295.
15. Савинков С.Н. Социальные качества нормативно развивающихся младших школьников и детей с особыми образовательными потребностями: обзор исследований / С.Н. Савинков // Гаудеамус. – 2024. – Т. 23. – № 2. – С. 79–87. DOI: 10.21603/1810-231X-2024-23-2-79-87.
16. Елизаров Д.В., Елизарова А.А. Формирование социальных навыков в процессе профилактики дезадаптации дошкольников / Д.В. Елизаров, А.А. Елизарова // Материалы Шестой Всероссийской научно-практической конференции «Предупреждение и преодоление дезадаптации несовершеннолетних». – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГУЭ (РИНХ), 2025. – С. 34–39.
17. Худякова Е.С. Нарратив и идентичность: от детства до старости: Монография / Е.С. Худякова. – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2019. – 209 с.

© Исхаков Фаррух Рустамович (fiskhakov@spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ У ШКОЛЬНИКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ДЕФИЦИТА СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

FEATURES OF EMOTIVE VOCABULARY AMONG SCHOOLCHILDREN BROUGHT UP IN CONDITIONS OF A SHORTAGE OF FAMILY EDUCATION

**S. Kondratyeva
M. Kovaleva
M. Zaduma**

Summary: This article presents the results of an experimental study of emotive vocabulary in primary school children with mental deprivation. It describes the blocks of tasks that comprised the methodology of the ascertaining experiment, aimed at decoding and understanding emotional states, exploring the active vocabulary of emotive vocabulary, establishing antonymous and synonymous relationships to words of emotive vocabulary, the functional use of emotive vocabulary in monologue coherent speech, and the ability to reflect on emotional states. Based on the results of the experiment, the characteristics of understanding emotional states and the actualization of words of emotive vocabulary are described, groups of children are identified taking into account the variability of manifestations and qualitative heterogeneity of emotive vocabulary disorders in this group of children, and the qualitative uniqueness of emotive vocabulary is established, taking into account the severity of deprivation and the length of stay in a residential institution. Timely diagnosis and a system of sessions with an educational psychologist and speech therapist are considered a significant factor in the successful socialization and academic adaptation of schoolchildren with mental deprivation. Based on the results of an experimental study, the objectives and areas of corrective psychological and pedagogical work to develop emotive vocabulary in primary school children with mental deprivation are presented.

Keywords: primary school student, mental deprivation, residential institutions, emotions, emotive vocabulary, emotional states.

Кондратьева Светлана Юрьевна

доктор психологических наук, доцент,
Российский государственный
педагогический университет имени А.И. Герцена,
Санкт-Петербург
kondr-svet@rambler.ru

Ковалева Мария Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент,
Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург
kovaleva.logoped@gmail.com

Задума Мария Андреевна

Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург
mar.zaduma@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены результаты экспериментального исследования эмотивной лексики у младших школьников с психической депривацией. Охарактеризованы блоки заданий, составившие методику констатирующего эксперимента, направленные на декодирование и понимание эмоциональных состояний, исследование активного словаря эмотивной лексики, установления антонимических и синонимических отношений к словам эмотивной лексики, функционального использования эмотивной лексики в связной речи и способности к рефлексии эмоциональных состояний. По результатам проведенного эксперимента описаны особенности понимания эмоциональных состояний, и актуализации слов эмотивной лексики, выделены группы детей с учетом вариативности проявлений и качественной неоднородности нарушений эмотивной лексики у рассматриваемой группы детей, установлено качественное своеобразие эмотивной лексики с учетом степени тяжести депривации, стажа пребывания в учреждении интернатного типа. Своевременная диагностика и система занятий с педагогом-психологом и учителем-логопедом рассматриваются как один из значимых факторов успешной социализации и академической адаптации школьников с психической депривацией. На основании анализа результатов экспериментального исследования представлены задачи и выделены направления коррекционной психолого-педагогической работы по формированию эмотивной лексики у младших школьников с психической депривацией.

Ключевые слова: младший школьник, психическая депривация, учреждения интернатного типа, эмоции, эмотивная лексика, эмоциональные состояния.

Проблема психоэмоционального и речевого развития детей, воспитывающихся в условиях дефицита семейного воспитания, является актуальной и значимой. В исследованиях, посвященных детям, воспитывающимся в учреждениях интернатного типа, охарактеризованы дефициты базового доверия к миру, несформированность навыков социального взаимодействия, своеобразие эмоциональной и когнитивной сфе-

ры, отмечается бедность и ограниченность словарного запаса, трудности актуализации слов, нарушения фонетико-фонематической стороны, грамматического строя речи и лексики [1], [2], [3].

При этом проблема формирования эмотивной лексики у школьников, имеющих опыт пребывания в учреждениях интернатного типа, переживших психическую

депривацию, является наиболее актуальной и релевантной. Доказано, что эмоции выполняют одну из ключевых функций в процессе коммуникации, следовательно, своевременную диагностику и преодоление нарушений эмотивной лексики можно рассматривать как один из ключевых факторов благоприятной социализации и академической успешности у обучающихся рассматриваемой категории [4].

Дети, воспитывающиеся в условиях дефицита семейного воспитания, с одной стороны, владеют речевыми навыками, с другой стороны, тонкая дифференциация, точная номинация эмоциональных состояний вызывает у них значительные сложности. У детей данной категории отмечаются трудности как в актуализации слов эмотивной лексики, так и в распознавании, интерпретации эмоциональных состояний других людей по невербальным и вербальным маркерам [3], [5], [6]. Все это приводит к появлению коммуникативных барьеров, осложняет межличностное взаимодействие, затрудняет самостоятельное формирование просоциального поведения, ограничивает возможности для развития эмпатии. Наряду с этим, дефицит эмотивной лексики оказывает негативное влияние и на учебную мотивацию. Так, при попытке вербально обозначить свое отношение к образовательному процессу, выразить тревогу, интерес по поводу учебных задач, учебной ситуации школьники рассматриваемой категории могут испытывать значительные трудности [7].

Все вышесказанное, определяет актуальность и значимость проблемы исследования. Для определения уровня сформированности эмотивной лексики у младших школьников с психической депривацией нами был проведен констатирующий эксперимент.

Цель исследования была сформулирована следующим образом: выявить специфические особенности эмотивной лексики у младших школьников с психической депривацией и определить основные направления коррекционно-педагогической работы по преодолению выявленных нарушений.

Задачи исследования сгруппированы таким образом: 1) изучить уровень сформированности эмоционального восприятия и словаря эмоций у младших школьников с депривационным опытом; 2) проанализировать особенности использования эмотивной лексики в связной речи детей; 3) оценить способность к осознанию и вербализации собственных эмоциональных состояний; 4) провести сравнительный анализ показателей эмотивной лексики у детей с различным уровнем депривации.

При составлении программы экспериментального исследования и проведении эксперимента были использованы следующие методы исследования: теоре-

тические (анализ психолого-педагогической и лингвистической литературы по проблеме исследования; систематизация и обобщение научных данных о развитии эмотивной лексики в онтогенезе и при депривации; моделирование структуры диагностики); организационные (сравнение результатов выполнения заданий детьми с разной степенью депривационного опыта); эмпирические (констатирующий эксперимент, наблюдение в естественных условиях, беседа, анализ продуктов речевой деятельности); методы обработки данных (количественный и качественный анализ полученных данных, методы описательной статистики); интерпретационные (метод логического анализа).

Экспериментальное исследование проводилось в Центре содействия семейному воспитанию № 9 Колпинского района Санкт-Петербурга, реализующего адаптированные образовательные программы для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

В исследовании приняли участие 20 детей младшего школьного возраста (8 лет, учащиеся 2-х классов). Экспериментальную группу составили 20 детей, имеющих опыт психической депривации различной степени и длительности. Контрольная группа не формировалась, поскольку основной задачей являлось не сравнение депривированных детей с нормативно развивающимися сверстниками (такие различия хорошо известны из литературы), а выявление внутригрупповой вариативности, качественного своеобразия нарушений эмотивной лексики.

Для включения детей в экспериментальную группу выступали следующие критерии: статус ребенка-сироты или ребенка, оставшегося без попечения родителей; проживание в условиях организации для детей-сирот не менее одного года; возраст 8 лет; отсутствие выраженных нарушений интеллектуального развития; отсутствие первичных тяжелых речевых нарушений органического генеза; отсутствие сенсорных дефектов, препятствующих речевому взаимодействию.

По результатам наблюдения и анализа психолого-педагогической документации была составлена следующая характеристика детей, составивших экспериментальную группу: у большинства детей отмечался повышенный уровень тревожности (75%), признаки эмоциональной депривации (65%), проявления агрессивности в межличностных отношениях (55%), низкая самооценка (45%) и трудности или нарушения формирования привязанности (40%). Эмоциональная сфера характеризовалась уплощенностью, слабой дифференцированностью переживаний, полярностью эмоциональных реакций. Речевое развитие отличалось бедностью словарного запаса, недостаточностью связной речи. Отмечалась низкая учебная мотивация и трудности произвольной регу-

Таблица 1.

Критерии выделения подгрупп.

Критерий	Подгруппа 1 (тяжелая депривация)	Подгруппа 2 (средняя депривация)	Подгруппа 3 (легкая депривация)
Возраст начала депривации	С рождения (0–1 год)	В раннем или дошкольном возрасте (3–5 лет)	В младшем школьном возрасте (6–7 лет)
Опыт семейного воспитания	Отсутствует (воспитание в доме ребенка)	Частичный (неблагополучная семья, изъятие)	Был (стабильная привязанность в первые годы)
Срок пребывания в учреждении на момент обследования	7–8 лет	3–5 лет	1–2 года
Количество детей	8 (40%)	7 (35%)	5 (25%)

Источник: Составлено авторами на основе количественного анализа экспериментальных данных

ляции поведения.

Дети экспериментальной группы были разделены на три подгруппы в зависимости от тяжести депривационного опыта. Критерии выделения представлены в таблице 1.

Распределение детей по социальному статусу: 7 детей - социальные сироты, изъятые из биологических семей в связи с лишением родителей родительских прав; 6 детей - дети, оставленные в родильном доме или в первые месяцы жизни; 5 детей - круглые сироты, потерявшие обоих родителей; 2 ребенка имели юридический статус детей, оставшихся без попечения родителей, при формальном наличии родителя, находящегося в местах лишения свободы или страдающего тяжелым заболеванием.

Содержание методики экспериментального исследования базировалось на следующих научно-теоретических положениях:

- принцип системного подхода, предполагающий изучение эмотивной лексики не как изолированного явления, а как компонента целостной системы речевого и эмоционального развития. Согласно этому принципу, сформулированному П.К. Анохиным и развитому в дефектологии В.И. Лубовским, любое нарушение развития имеет системный характер, затрагивая взаимосвязанные функции [8].
- принцип развития, требующий рассмотрения актуальных особенностей эмотивной лексики в контексте общих закономерностей онтогенетического развития и специфики депривационного дизонтогенеза. Л.С. Выготский подчеркивал, что изучение нарушенного развития должно учитывать не только дефицитарные функции, но и компенсаторные механизмы, зону ближайшего развития, потенциальные возможности ребенка [9].
- принцип качественного анализа, противопоставляемый формально-количественному подходу. А.Р. Лурия настаивал на необходимости нейропсихологического качественного анализа, выявляю-

щего, какие именно звенья психической функции нарушены, а какие сохранены [10].

- принцип индивидуального подхода требовал учета неоднородности экспериментальной группы, индивидуальных различий в депривационном опыте, преморбидных особенностях, сопутствующих нарушениях развития [11].

Методика констатирующего эксперимента включала в себя четыре блока заданий. Задания первого блока, направлены на исследование понимания эмоций и базируются на стимульном материале методик «Эмоциональные лица» (Н.Я. Семаго [12]) и «Определение эмоций по фотографиям» (В.Б. Никишина [13]). Цель: оценить способность ребенка к распознаванию и пониманию эмоциональных обозначений различной сложности. Задания второго блока направлены на исследование активного словаря эмоций модифицированы на основе методики «Специальная осведомленность: эмоции и чувства» (Е.И. Изотова [14]). Цель: выявить объем и качественный состав активного словаря эмоциональных обозначений. Задания третьего блока направлены на исследование возможности использования эмотивной лексики в связной речи были адаптированы с учетом рекомендаций Л.В. Лопатиной и М.В. Ковалевой [3]. Цель: оценить функциональное использование эмотивной лексики в процессе построения связных высказываний. Задания четвертого блока направлены на исследование возможностей осознания и вербализации эмоций, также базируются на методике Е.И. Изотовой [15], за исключением задания, направленного на описание телесных проявлений эмоций, которое является авторским дополнением для диагностики интероцептивной осознанности. Цель: оценить способность к рефлексии эмоциональных состояний, пониманию их причин и последствий, произвольной регуляции через вербализацию.

Процедура проведения обследования

Обследование проводилось индивидуально в отдельном помещении, в спокойной обстановке, в первой половине дня. Длительность не превышала 30–40 минут,

Таблица 2.

Результаты изучения понимания и активного словаря эмоций.

Показатель	Тяжелая депривация (n=8)	Средняя депривация (n=7)	Легкая депривация (n=5)	Вся группа (n=20)
Понимание базовых эмоций (% правильных ответов)	55%	68%	80%	66%
Понимание социальных эмоций (% правильных ответов)	18%	30%	48%	30%
Понимание метафорических выражений (% правильных ответов)	4%	10%	20%	10%
Объем активного словаря (среднее количество слов)	6,8	9,1	11,6	8,7
Использование синонимов (количество детей)	0 (0%)	2 (29%)	3 (60%)	5 (25%)

Источник: Составлено авторами на основе количественного анализа экспериментальных данных

при признаках утомления делались перерывы. Задания предъявлялись от более простых к более сложным. Инструкции формулировались четко, при необходимости повторялись, разъяснялись. Использовался стимульный материал: цветные фотографии эмоциональных экспрессий формата А5, сюжетные картинки, текст рассказа. Все ответы фиксировались в протоколе обследования, при возможности велась аудиозапись для последующего детального анализа.

Система оценки результатов

За правильное выполнение задания начислялось 3 балла, за частично правильное или с помощью экспериментатора — 2 балла, за неправильное или отказ от выполнения — 1 балл. Максимальное количество баллов за весь блок заданий фиксировалось, затем вычислялся процент от максимально возможного. На основании суммарных показателей выделялись три уровня сформированности эмотивной лексики: высокий (80–100% от максимума), средний (50–79%), низкий (менее 50%). Однако ключевое значение придавалось качественному анализу: выявлению типичных ошибок, определению наиболее проблемных аспектов, индивидуальному профилю нарушений у каждого ребенка.

Таким образом, методика констатирующего эксперимента представляла собой комплексный диагностический инструментарий, позволяющий многоаспектно оценить состояние эмотивной лексики у младших школьников с психической депривацией и получить данные, необходимые для разработки дифференцированных программ коррекционного воздействия.

Рассмотрим на одном примере результаты изучения понимания и активного словаря эмоций, которые представлены в таблице 2.

Качественный анализ позволил выделить три уровня

сформированности эмоционального восприятия и словаря у детей экспериментальной группы: **низкий уровень** (8 детей) характеризовался крайне ограниченным словарём эмотивной лексики (4–7 слов), непониманием большинства социальных эмоций, неспособностью к дифференциации оттенков, преобладанием недифференцированных оценок («хорошо — плохо»), буквальным пониманием метафорических выражений; **средний уровень** (9 детей) включал относительно адекватное понимание и называние базовых эмоций, фрагментарное понимание некоторых социальных эмоций (обида, стыд), объём словаря эмотивной лексики 8–11 слов, единичные попытки использования синонимов, частичное понимание простых метафор с помощью экспериментатора; **высокий уровень** (3 ребёнка) демонстрировали дети с относительно благополучным ранним опытом, поступившие в интернат в младшем школьном возрасте (лёгкая депривация): они понимали большинство предъявленных эмоций, активно использовали 12–14 слов эмотивной лексики, делали попытки дифференциации оттенков, частично понимали метафорические выражения.

По результатам проведенного экспериментального исследования нами были сформулированы следующие выводы:

1. Характер нарушений эмотивной лексики: у младших школьников с психической депривацией отмечаются существенные трудности на всех уровнях: импрессивном (понимание эмотивных обозначений), экспрессивном (активный словарь эмоций), а также в использовании эмотивной лексики в связной речи и в осознании собственных эмоциональных состояний.
2. Распознавание и понимание эмоций: базовые эмоции (радость, грусть, гнев) младшими школьниками с психической депривацией распознаются относительно успешно (70–90% правильных ответов). Наибольшие трудности вызывают ког-

нитивные эмоции (удивление — 40% правильных ответов) и социальные эмоции (стыд — 25%, гордость — 35%). Метафорические и идиоматические выражения понимаются крайне редко (не более 10% правильных ответов). Типичными стратегиями являются замена точного обозначения недифференцированной оценкой («хорошо — плохо»), ситуативная интерпретация и отказ от ответа.

3. Активный словарь эмоций: средний объём активного эмоционального словаря составляет 8,7 слова, что в 2–3 раза ниже возрастной нормы. Ядро словаря представлено пятью обозначениями («радуется/весёлый», «грустный/грустит», «злой/злится», «плохо/хорошо», «нравится/не нравится»). Практически отсутствуют слова, обозначающие сложные социальные эмоции (зависть, восхищение, вина), а также эмотивная лексика в номинативно производным и метафорически производным значением. Дети не используют синонимы, затрудняются в подборе антонимов к словам эмотивной лексики.
4. Использование эмотивной лексики в связной речи: в спонтанных рассказах крайне редко используется эмотивная лексика (в среднем 1,2 эмотивных слова на рассказ). Рассказы отличаются фрагментарностью, перечислением действий без описания чувств персонажей, отсутствием причинно-следственных связей между событиями и эмоциями. Даже при актуализирующей помощи экспериментатора школьники лишь ограничиваются стереотипными обозначениями («плохо», «грустно»).
5. Осознание и вербализация собственных эмоций: наиболее проблемной сферой является эмоциональная рефлексия. Большинство детей не способны объяснить причины эмоциональных состояний (65% затрудняются), связывают радость преимущественно с материальными благами (75%), а не с социальными отношениями или достижениями. Описание телесных проявлений эмоций вызывает значительные трудности (только 20–40% детей дают адекватные ответы). Признаки алекситимии выявлены у 60% детей.
6. Влияние степени депривации: выявлена прямая зависимость между тяжестью депривационного опыта и уровнем развития эмотивной лексики: в подгруппе с тяжёлой депривацией показатели наиболее низкие (объём активного словаря - 6,8 слова, понимание социальных эмоций - 18%), в подгруппе с лёгкой депривацией - наиболее высокие (объём активного словаря - 11,6 слова, понимание социальных эмоций - 48%). Дети, имевшие опыт стабильной привязанности в первые годы жизни (лёгкая депривация), демонстрируют лучшие результаты по всем параметрам.

7. Гендерные и возрастные различия: статистически значимых гендерных различий в уровне развития эмотивной лексики не выявлено.

8. Системный характер нарушений: полученные данные подтверждают, что нарушения эмотивной лексики у младших школьников с психической депривацией носят не только количественный, а главным образом, качественный, системный характер. Дефицит проявляется не только в объёме словаря, но и в семантической недифференцированности, нарушении парадигматических связей (подбор синонимов/антонимов), недостаточной сформированности, дифференциации семантического поля эмотивной лексики, трудностях вербализации эмоционального опыта (алекситимический компонент), слабости причинно-следственного анализа и эмоциональной рефлексии.

Таким образом, гипотеза исследования о неоднородности группы детей с психической депривацией по уровню развития эмотивной лексики подтвердилась. Выявлена прямая зависимость между тяжестью депривационного опыта и уровнем развития эмотивной лексики.

На основании результатов экспериментального исследования нами были составлены методические рекомендации к коррекционной психолого-педагогической работе по развитию эмотивной лексики у младших школьников с психической депривацией с учетом дифференцированного и индивидуального подходов. Своеобразие нарушений эмотивной лексики, индивидуально-типологические особенности рассматриваемой категории детей определяют необходимость командной работы при реализации коррекционного психолого-педагогического воздействия. Прежде всего, педагога-психолога, учителя-логопеда и воспитателей учреждения.

Ключевые задачи по развитию эмотивной лексики можно представить следующим образом:

- формирование базовых представлений об эмоциях как особых психических состояниях, имеющих причины, проявления, последствия;
- развитие способности к распознаванию эмоциональных состояний по мимическим, пантомимическим, интонационным, вербальным признакам;
- обогащение пассивного и активного словаря эмоциональных обозначений, включая базовые и социальные эмоции, оттенки эмоциональных состояний;
- формирование понимания причинно-следственных связей между ситуациями, мыслями и эмоциями;
- развитие способности к вербализации собственных эмоциональных переживаний в различных коммуникативных контекстах;

- обучение использованию эмотивной лексики в связной речи при построении различных текстов (описание, повествование, рассуждение);
- формирование интероцептивной осознанности – способности осознавать телесные проявления эмоций;
- развитие рефлексивных способностей – умения анализировать собственные эмоциональные реакции, их адекватность ситуации;
- обучение адаптивным стратегиям эмоциональной регуляции с опорой на вербализацию переживаний.

Предполагается, что содержание коррекционной психолого-педагогической работы структурируется в несколько взаимосвязанных направлений, каждое из которых реализуется поэтапно, с постепенным усложнением материала. Направления коррекционной работы: формирование базовых представлений об эмоциях,

уточнение и обогащение пассивного словаря эмотивной лексики, активизация словаря эмотивной лексики, развитие понимания причинности эмоций, формирование способности к вербализации собственных эмоций, использование эмотивной лексики в связной монологической речи.

Таким образом, можно сделать предположение о том, что представленный подход, учитывающий структуру дефекта и потенциальные возможности школьников с психической депривацией, способен обеспечить максимальную эффективность коррекционного психолого-педагогического воздействия и компенсацию нарушений эмотивной лексики в той мере, в какой это возможно при данной тяжести депривационного опыта и способствовать формированию предпосылок коммуникативной компетентности у рассматриваемой категории школьников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева Н.Н. Особенности психического развития детей в домах ребенка / Н.Н. Авдеева, Н.А. Хаймовская // Дефектология. — 2019. — № 5. — С. 76–84.
2. Ильина М.Н. Эмоциональная депривация и ее влияние на развитие личности ребенка / М.Н. Ильина // Психологическая наука и образование. — 2021. — Т. 26, № 3. — С. 186–197.
3. Лопатина Л.В. Логопедическая работа по формированию выразительных средств речи у детей-сирот / Л.В. Лопатина, М.В. Ковалева. — М.: Парадигма, 2013. — 160 с.
4. Инденбаум Е.Л. Экспериментальная методика «Мои эмоции» как средство прогноза успешности коммуникации младших школьников с задержкой психического развития и тяжелыми нарушениями речи / Е.Л. Инденбаум // Специальное образование. — 2026. — №1(81). — С. 74 – 91.
5. Лопатина Л.В. Особенности семантического поля эмотивной лексики у младших школьников с психической депривацией / Л.В. Лопатина, М.В. Ковалева // Специальное образование. — 2021. — № 4 (64).
6. Лопатина Л.В. Особенности актуализации эмотивной лексики в связном монологическом высказывании младших школьников с психической депривацией // Л.В. Лопатина, М.В. Ковалева // Специальное образование. — Екатеринбург. — 2022. — №2(66). — с. 76-85.
7. Денисова Е.А. Особенности понимания эмоций у детей с депривационным опытом / Е.А. Денисова // Дефектология. — 2023. — № 1. — С. 154–163.
8. Лубовский В.И., Розанова Т.В., Солнцева Л.И. Специальная психология: учеб. Пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.И. Лубовский, Т.В. Розанова, Л.И. Солнцева и др. / под ред. В.И. Лубовского. — М.: «Академия», 2005 — 464 с.
9. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. — Москва: Национальное образование, 2019. — 368 с.
10. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии // А.Р. Лурия. — СПб.: Питер, 2006. — 320 с.
11. Дмитриева Е.Е. Коммуникативно-речевое развитие дошкольников с задержкой психического развития / Е.Е. Дмитриева. — Москва: Национальный книжный центр, 2020. — 192 с.
12. Семаго Н.Я., Семаго М.М. Теория и практика оценки психологического развития ребенка. Дошкольный и младший школьный возраст / Н.Я. Семаго, М.М. Семаго. — СПб.: Речь, 2005 — 384 с.
13. Никишина В.Б. Практическая психология в работе с детьми с ЗПР: пособие для педагогов и психологов // В.Б. Никишина. — М.: Владос. — 2003 — 128 с.
14. Изотова Е.И. Инструментальные подходы к изучению декодирования (распознавания) эмоций в детском возрасте / Е.И. Изотова // Педагогическое образование и наука. — 2021. — № 4. — С. 108-115.
15. Изотова Е.И. Эмоциональная сфера ребенка: теория и практика / Е.И. Изотова, Е.В. Никифорова. — Москва: Академия, 2019. — 288 с.

© Кондратьева Светлана Юрьевна (kondr-svet@rambler.ru), Ковалева Мария Владимировна (kovaleva.logoped@gmail.com),
Задума Мария Андреевна (mar.zaduma@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОЗРАСТ, ПОЛ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ КАК ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ В СИТУАЦИИ УСТРОЙСТВА НА РАБОТУ

Романов Владимир Алексеевич

Аспирант, Московский институт

психоанализа (НОЧУ ВО «МИП»);

Член ассоциации бизнес-психологов России, Москва

romanov.help@mail.ru

AGE, GENDER, AND PROFESSIONAL EXPERIENCE AS FACTORS INFLUENCING SOCIAL DESIRABILITY IN A JOB APPLICATION CONTEXT

V. Romanov

Summary: This article examines the dynamics of social desirability during the hiring process and subsequent organizational adaptation. The study is relevant because professional selection creates a situation where candidates are motivated to project a socially approved image, potentially distorting psychodiagnostic results. The empirical data were derived from 331 respondents assessed both at the time of hiring and after their initial adaptation period. The study evaluated scores on the BIDR, the Marlowe-Crowne scale, and Cattell's MD scale, as well as an integrated social desirability index. It has been established that social desirability scores decrease in a statistically significant manner during the second stage of the study. Age and work experience are associated both with the level of social desirability at the first stage and with the nature of its change between stages. The results indicate that the social desirability effect in a professional context depends not only on the selection situation but also on the respondent's socio-demographic and professional characteristics.

Keywords: social desirability, self-presentation, professional selection, employment, age, professional experience, BIDR, Marlowe-Crowne Scale, motivational distortion.

Аннотация: В статье рассматривается динамика социальной желательности в процессе устройства на работу и последующей адаптации. Актуальность исследования связана с тем, что профессиональный отбор является ситуацией, в которой кандидат заинтересован в создании социально одобряемого образа, что может искажать результаты психодиагностики. Эмпирическую базу исследования составили данные 331 респондента, обследованных на этапе устройства на работу и после первичной адаптации. Оценивались показатели BIDR, шкалы Марлоу-Крауна, шкалы MD Кеттелла и интегральный индекс социальной желательности. Установлено, что показатели социальной желательности статистически значимо снижаются на втором этапе исследования. Возраст и опыт работы связаны как с уровнем социальной желательности на первом этапе, так и с характером её изменения между этапами. Полученные результаты показывают, что эффект социальной желательности в профессиональной сфере зависит не только от ситуации отбора, но и от социально-демографических и профессиональных характеристик респондента.

Ключевые слова: социальная желательность, самопрезентация, профессиональный отбор, трудоустройство, возраст, профессиональный опыт, BIDR, шкала Марлоу-Крауна, мотивационное искажение.

Введение

Проблема социальной желательности занимает важное место в современной психодиагностике, поскольку многие методы оценки личности опираются на самоописание респондента [1- 3]. В ситуации, когда человек понимает, что результаты диагностики могут повлиять на значимые для него решения, возрастает вероятность преднамеренного или полупреднамеренного искажения ответов [4; 5]. Особенно выраженной такая ситуация становится при устройстве на работу: кандидат заинтересован в том, чтобы произвести благоприятное впечатление, подчеркнуть профессионально приемлемые качества и минимизировать проявление характеристик, которые могут восприниматься как нежелательные [6- 8].

Социальная желательность в профессиональном контексте не может рассматриваться исключительно как

сознательная ложь [2; 3]. Она включает более широкий спектр проявлений: стремление соответствовать ожиданиям работодателя, ориентацию на нормативный образ «хорошего работника», контроль впечатления, а также привычку описывать себя через социально одобряемые характеристики [3; 9; 10]. Поэтому социально желательное самоописание выступает не только проблемой достоверности тестирования, но и важным индикатором того, как человек воспринимает ситуацию оценки и свою позицию в ней [4; 5].

При этом выраженность социальной желательности может зависеть от индивидуальных и социально-биографических характеристик. Возраст и профессиональный опыт являются особенно значимыми факторами: более взрослые и опытные работники могут лучше понимать требования профессиональной среды и управлять самопрезентацией, однако одновременно они могут чувствовать себя увереннее и меньше нуждаться в

демонстрации нормативного образа [4; 7; 8]. У молодых и менее опытных кандидатов, напротив, ситуация трудоустройства может вызывать большее напряжение и усиливать потребность в социальном одобрении [6; 9].

Особый интерес представляет не только уровень социальной желательности в момент устройства на работу, но и её изменение после включения в профессиональную среду [4; 5]. Если первый этап связан с ситуацией отбора и внешней оценки, то второй этап отражает состояние после принятия на работу, когда респондент уже имеет опыт взаимодействия с коллективом. Такое сравнение позволяет рассматривать социальную желательность не как статичную личностную особенность, а как динамический показатель, зависящий от социального контекста [2; 3; 5].

Цель исследования – выявить особенности изменения социальной желательности между этапом устройства на работу и этапом последующего включения в профессиональную среду, а также определить роль пола, возраста и профессионального опыта в данной динамике.

Материалы и методы исследования

Эмпирическое исследование имело двухэтапный дизайн. Первый этап проводился в ситуации устройства на работу, то есть в условиях первичной профессиональной оценки и необходимости произвести благоприятное впечатление. Второй этап проводился после принятия на работу и периода включения респондентов в профессиональную среду. Такой дизайн позволил сопоставить показатели социальной желательности в ситуации отбора и после прохождения первичного этапа профессиональной адаптации.

В исследовании принял участие 331 респондент. В качестве социально-демографических и профессионально-биографических переменных анализировались пол, возраст и опыт работы в сфере общественного питания. Для дополнительного анализа опыта была сформирована группирующая переменная: респонденты с минимальным опытом работы (до года) и респонденты с опытом более 1 года.

Социальная желательность оценивалась с использованием нескольких показателей. Общая склонность к социально желательным ответам определялась по общему баллу BIDR. Потребность в социальном одобрении оценивалась по шкале Марлоу-Крауна. Мотивационное искажение ответов рассматривалось через шкалу MD опросника Кеттелла 16PF. Для получения обобщённой оценки был рассчитан интегральный индекс социальной желательности, включающий показатели BIDR, Марлоу-Крауна и MD Кеттелла.

Интегральный индекс социальной желательности рассчитывался отдельно для первого и второго этапов как сумма трёх показателей: общего балла BIDR, показателя Марлоу-Крауна и шкалы MD Кеттелла. Отрицательные значения динамики означали снижение социальной желательности после принятия на работу, положительные – её рост.

Статистическая обработка проводилась в IBM SPSS Statistics. Поскольку распределения исследуемых переменных отличались от нормального по критерию Колмогорова-Смирнова (таблица 1), для анализа использовались непараметрические методы.

Таблица 1.

Значения критерия Колмогорова-Смирнова.

Переменная	Статистика критерия / p
Пол	0,382 / <0,001
Возраст	0,142 / <0,001
Опыт работы	0,159 / <0,001
BIDR, этап 1	0,104 / <0,001
BIDR, этап 2	0,068 / <0,001
Динамика BIDR	0,231 / <0,001
Марлоу-Краун, этап 1	0,096 / <0,001
Марлоу-Краун, этап 2	0,084 / <0,001
Динамика Марлоу-Крауна	0,186 / <0,001
MD Кеттелла, этап 1	0,123 / <0,001
MD Кеттелла, этап 2	0,116 / <0,001
Динамика MD Кеттелла	0,161 / <0,001
Интегральный индекс, этап 1	0,105 / <0,001
Интегральный индекс, этап 2	0,062 / <0,001
Динамика интегрального индекса	0,205 / <0,001

Динамика показателей между двумя этапами оценивалась с помощью критерия знаковых рангов Вилкоксона. Половые различия и различия между группами по опыту работы анализировались с помощью U-критерия Манна-Уитни. Связи возраста и профессионального опыта с показателями социальной желательности определялись с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования

В выборке (таблица 2) были представлены 139 мужчин, что составило 42,0 % выборки, и 192 женщины, что составило 58,0 %. Возраст участников варьировал от 18 до 45 лет. Средний возраст респондентов составил 28,30, наиболее многочисленную часть выборки составили участники молодого возраста: в возрастной группе от 18 до 28 лет было представлено 207 человек, то есть 62,5 % выборки. Респонденты в возрасте от 29 до 35 лет соста-

вили 63 человека, или 19,0 %. Участники в возрасте от 36 до 45 лет составили 61 человека, или 18,4 %.

Профессиональный опыт участников в сфере общественного питания варьировал от 1 до 19 лет. Среднее значение опыта работы составило 5,97 года при стандартном отклонении 4,98. Распределение по стажу было неоднородным: 86 респондентов, или 26,0 % выборки, имели минимальный опыт работы, равный 1 году. Опыт работы до 2 лет включительно имели 123 человека, что составило 37,2 % выборки. Опыт до 5 лет включительно был представлен у 188 респондентов, или 56,8 %. При этом в выборке присутствовали и более опытные работники: опыт от 6 до 10 лет имел 71 человек, а опыт 11 лет и более – 72 человека.

Таблица 2.
Социально-демографическая характеристика выборки.

Показатель	Значение
Объём выборки	331
Мужчины	139 человек / 42,0 %
Женщины	192 человека / 58,0 %
Возраст, $M \pm SD$	$28,30 \pm 7,30$
Возраст, min–max	18–45 лет
Опыт работы, $M \pm SD$	$5,97 \pm 4,98$
Опыт работы, min–max	1–19 лет

Сформированная выборка позволяет рассматривать пол, возраст и профессиональный опыт как самостоятельные факторы, потенциально связанные с уровнем и динамикой социальной желательности.

Описательная статистика показывает снижение средних значений всех показателей социальной желательности на втором этапе исследования (таблица 3). Наиболее заметное снижение наблюдается по интегральному индексу, который отражает суммарную выраженность социально желательного самопредъявления (рисунок 1).

Критерий знаковых рангов Вилкоксона подтвердил статистически значимое снижение всех показателей социальной желательности на втором этапе (таблица 4). Следовательно, ситуация устройства на работу действительно связана с более выраженным социально желательным самопредъявлением, а после принятия в профессиональную среду выраженность данного эффекта снижается.

Дополнительный анализ направления изменений показывает, что снижение социальной желательности наблюдается у большинства респондентов (таблица 5, рисунок 2). Наиболее выраженная динамика выявлена по интегральному индексу: у 68,9 % участников его значение снизилось на втором этапе.

Корреляционный анализ (таблица 6) показал, что возраст и профессиональный опыт связаны с социальной желательностью неодинаково на разных этапах.

Для наглядного представления результатов были построены корреляционные плеяды, отражающие значимые связи возраста (рисунок 3) и профессионального опыта (рисунок 4) с показателями социальной желательности. В плеяды включались только статистически значимые связи при $p < 0,05$, сплошной линией обозначены прямые связи, пунктиром – обратные.

На первом этапе более старший возраст и больший опыт работы соотносятся с более низкими значениями BIDR, шкалы Марлоу-Крауна и интегрального индекса. При этом возраст и опыт положительно связаны с динамическими показателями. Поскольку динамика рассчитывалась как значение второго этапа минус значение первого, положительные коэффициенты указывают на менее выраженное снижение социальной желательности у более старших и более опытных респондентов. Иначе говоря, у молодых и менее опытных участников спад социальной желательности после принятия на работу оказывается более резким.

Сравнение групп по профессиональному опыту (таблица 7, рисунок 5) показало, что у респондентов с минимальным опытом работы выше потребность в социальном одобрении на первом этапе. Это может отражать большую напряжённость первичной самопрезентации у менее опытных участников. Вместе с тем у респондентов с опытом более 1 года выше показатели динамики по шкале Марлоу-Крауна, MD Кеттелла и интегральному индексу, что указывает на менее резкое снижение социальной желательности после принятия на работу.

Различия по полу имеют неоднородный характер (таблица 8, рисунок 6). На первом этапе женщины демонстрируют более высокие значения BIDR, что может отражать более выраженную ориентацию на социально желательное самоописание в ситуации устройства на работу. В то же время на втором этапе у мужчин выше показатели Марлоу-Крауна и MD Кеттелла. Динамика BIDR указывает на более выраженное снижение данного показателя у женщин.

Подгрупповой анализ подтверждает общую тенденцию к снижению социальной желательности между этапами (таблица 9). У женщин значимая динамика выявлена по всем четырём показателям, тогда как у мужчин снижение по шкале MD Кеттелла не достигает уровня статистической значимости. В группах по опыту работы также наблюдается снижение социальной желательности; при этом у респондентов с опытом более 1 года изменение MD Кеттелла статистически незначимо.

Таблица 3.

Описательная статистика показателей социальной желательности.

Показатель	Этап 1, M $\pm$ SD	Этап 2, M $\pm$ SD	Среднее изменение
BIDR	25,41 $\pm$ 10,54	21,26 $\pm$ 9,67	-4,15
Марлоу-Краун	12,69 $\pm$ 3,71	10,43 $\pm$ 4,12	-2,26
MD Кеттелла	7,57 $\pm$ 2,28	6,85 $\pm$ 2,29	-0,72
Интегральный индекс	45,72 $\pm$ 14,14	38,43 $\pm$ 12,26	-7,29

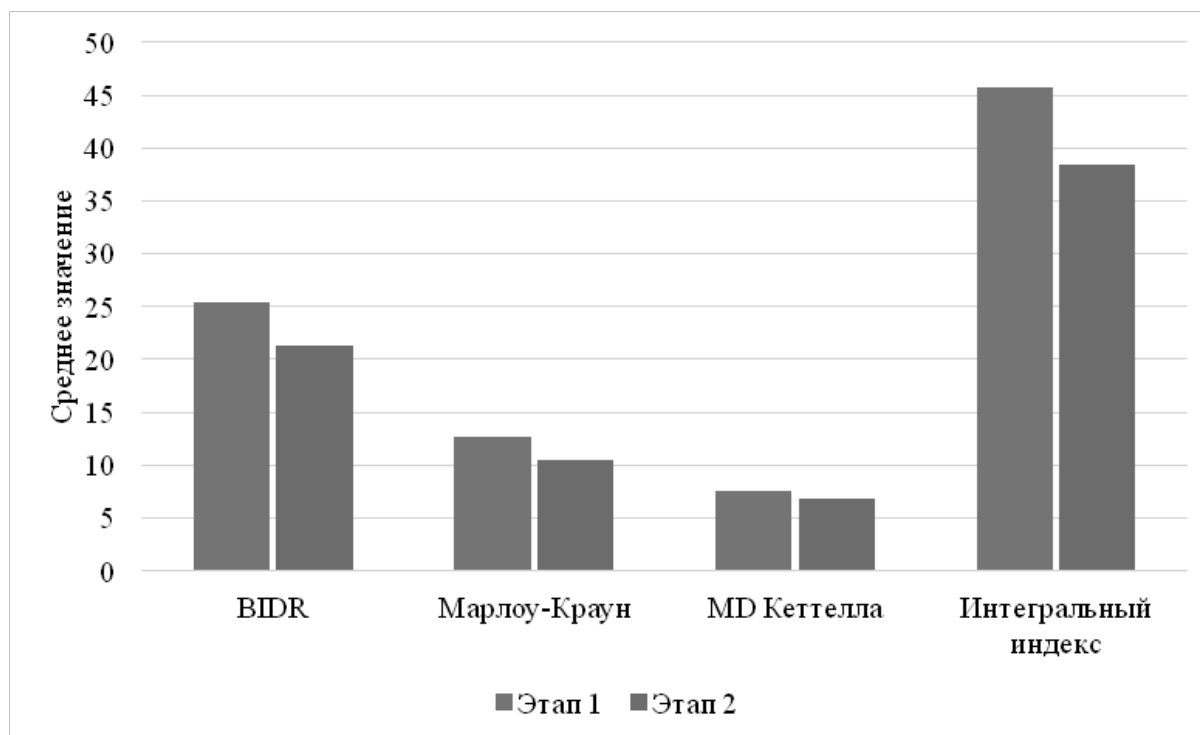

Рис. 1. Динамика средних значений социальной желательности между этапами

Таблица 4.

Значимость динамики социальной желательности между этапами.

Показатель	Z Вилкоксона	p	Направление изменений
BIDR	-6,894	<0,001	снижение на втором этапе
Марлоу-Краун	-8,885	<0,001	снижение на втором этапе
MD Кеттелла	-3,476	0,001	снижение на втором этапе
Интегральный индекс	-9,053	<0,001	снижение на втором этапе

Таблица 5.

Направление изменения социальной желательности между этапами.

Показатель	Снижение, n / %	Рост, n / %	Без изменений, n / %
BIDR	174 / 52,6 %	83 / 25,1 %	74 / 22,4 %
Марлоу-Краун	202 / 61,0 %	75 / 22,7 %	54 / 16,3 %
MD Кеттелла	143 / 43,2 %	110 / 33,2 %	78 / 23,6 %
Интегральный индекс	228 / 68,9 %	74 / 22,4 %	29 / 8,8 %

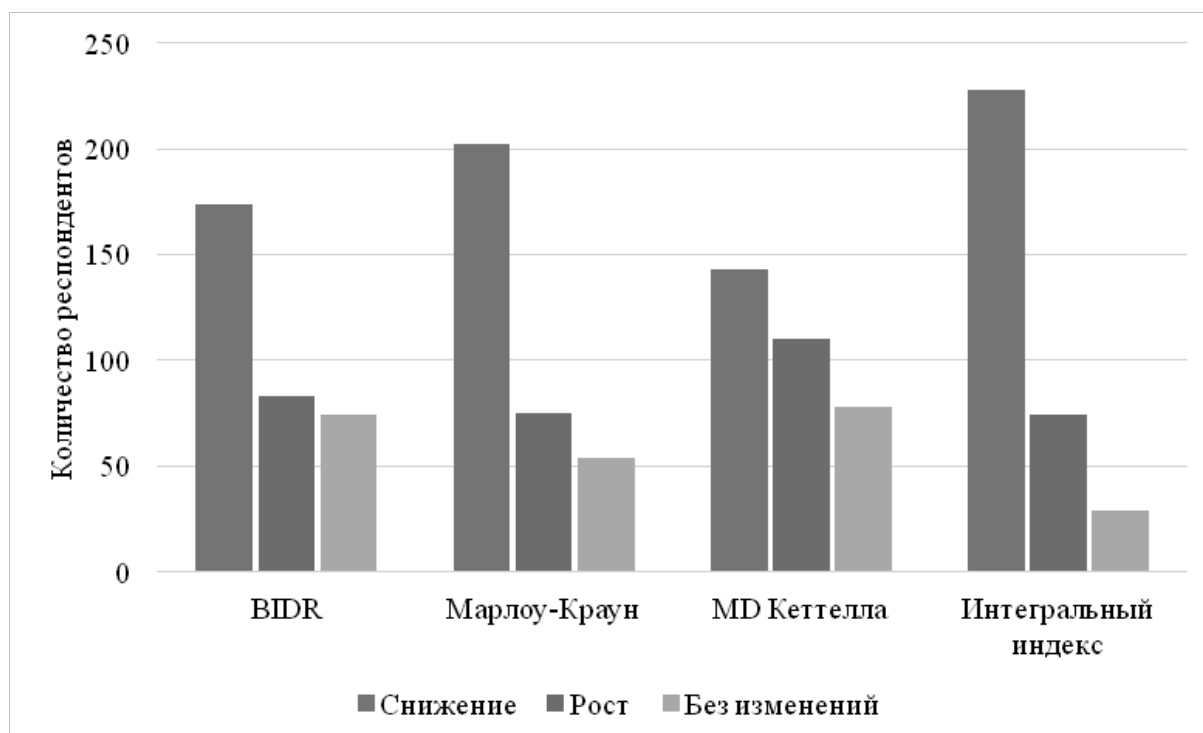

Рис. 2. Направления изменения показателей социальной желательности между этапами

Таблица 6.

Связь пола, возраста и профессионального опыта с показателями социальной желательности.

Показатель	Возраст, r	p	Опыт, r	p
BIDR, этап 1	-0,234	<0,001	-0,116	0,035
BIDR, этап 2	-0,060	0,279	0,033	0,547
Динамика BIDR	0,180	0,001	0,224	<0,001
Марлоу-Краун, этап 1	-0,241	<0,001	-0,231	<0,001
Марлоу-Краун, этап 2	0,276	<0,001	0,015	0,787
Динамика Марлоу-Крауна	0,415	<0,001	0,154	0,005
MD Кеттелла, этап 1	-0,042	0,450	-0,071	0,195
MD Кеттелла, этап 2	0,386	<0,001	0,335	<0,001
Динамика MD Кеттелла	0,298	<0,001	0,309	<0,001
Интегральный индекс, этап 1	-0,225	<0,001	-0,168	0,002
Интегральный индекс, этап 2	0,158	0,004	0,127	0,021
Динамика интегрального индекса	0,360	<0,001	0,321	<0,001

Обсуждение результатов

Полученные результаты подтверждают, что ситуация устройства на работу является значимым контекстом для проявления эффекта социальной желательности. На первом этапе, когда респонденты находились в ситуации оценки и первичного профессионального отбора, показатели социальной желательности были выше. После принятия на работу произошло статистически значимое снижение всех анализируемых показателей, что позволяет рассматривать социальную желательность

как динамический феномен, чувствительный к изменению социального контекста.

Наиболее выраженное снижение было выявлено по интегральному индексу социальной желательности. Это важно, поскольку интегральный показатель объединяет несколько аспектов социально желательного самоопи- сания: общую тенденцию к позитивному самопредъяв- лению, потребность в одобрении и мотивационное ис- кажение ответов. Следовательно, динамика затрагивает не отдельный показатель, а общий самопрезентацион-

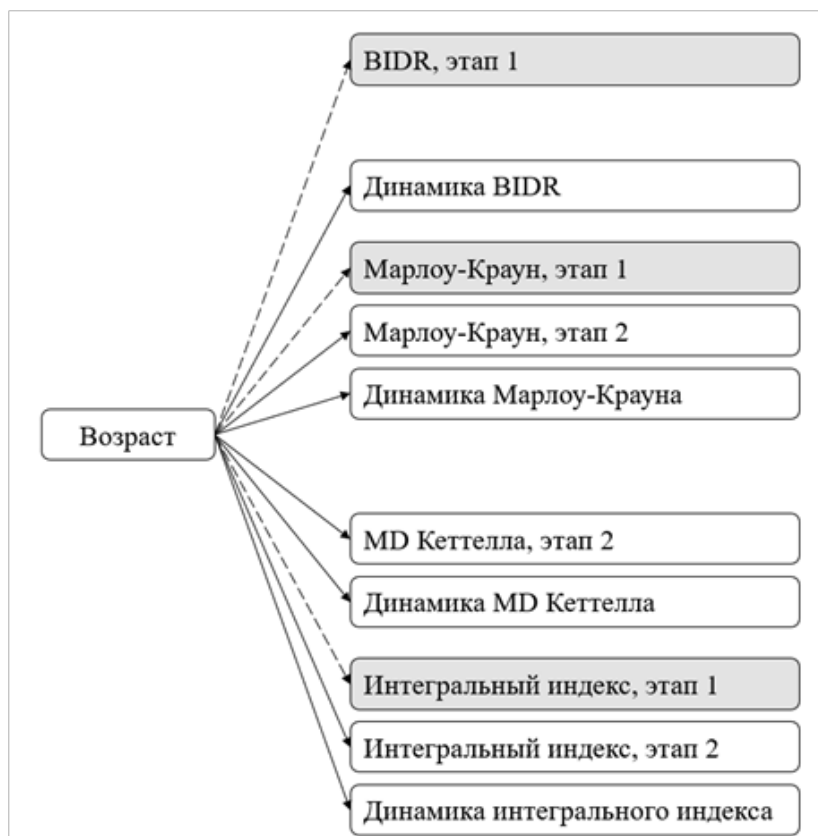

Рис. 3. Корреляционная плеяда возраста

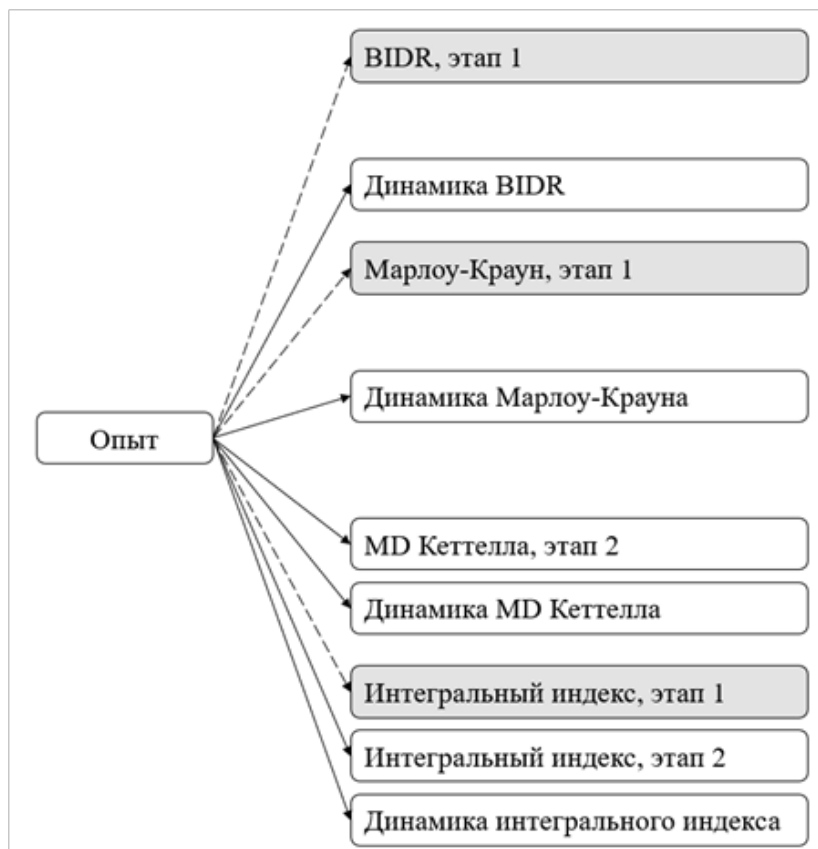

Рис. 4. Корреляционная плеяда опыта

Таблица 7.

Статистически значимые различия социальной желательности у респондентов с минимальным и более выраженным опытом работы.

Показатель	Опыт 1 год, средний ранг	Опыт больше 1 года, средний ранг	U	Z	p	Направление
Марлоу-Краун, этап 1	184,41	159,54	8951,5	-2,081	0,037	выше у группы с опытом 1 год
Динамика Марлоу-Крауна	146,28	172,92	8839,5	-2,233	0,026	выше у группы с опытом больше 1 года
MD Кеттелла, этап 2	142,72	174,17	8533,0	-2,644	0,008	выше у группы с опытом больше 1 года
Динамика MD	144,33	173,61	8671,0	-2,465	0,014	выше у группы с опытом больше 1 года
Динамика интегрального индекса	145,81	173,09	8798,5	-2,277	0,023	выше у группы с опытом больше 1 года

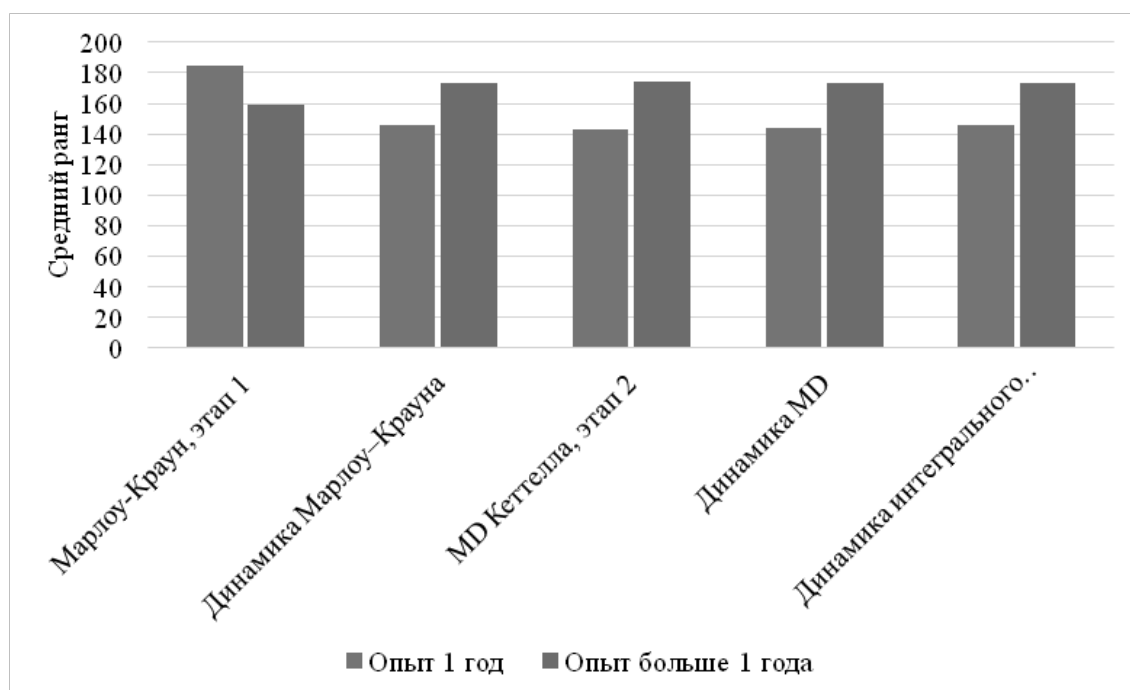

Рис. 5. Средние ранги по статистически значимым показателям социальной желательности в зависимости от опыта по группам

Таблица 8.

Статистически значимые различия по полу показателям социальной желательности.

Показатель	Мужчины, средний ранг	Женщины, средний ранг	U	Z	p	Направление
BIDR, этап 1	150,44	177,26	11181,5	-2,521	0,012	выше у женщин
Динамика BIDR	181,72	154,62	11159,0	-2,560	0,010	снижение сильнее у женщин
Марлоу-Краун, этап 2	185,63	151,79	10615,0	3,186	0,001	выше у мужчин
MD Кеттелла, этап 1	178,53	156,93	11603,0	2,045	0,041	выше у мужчин
MD Кеттелла, этап 2	181,99	154,42	11121,50	2,608	0,009	выше у мужчин

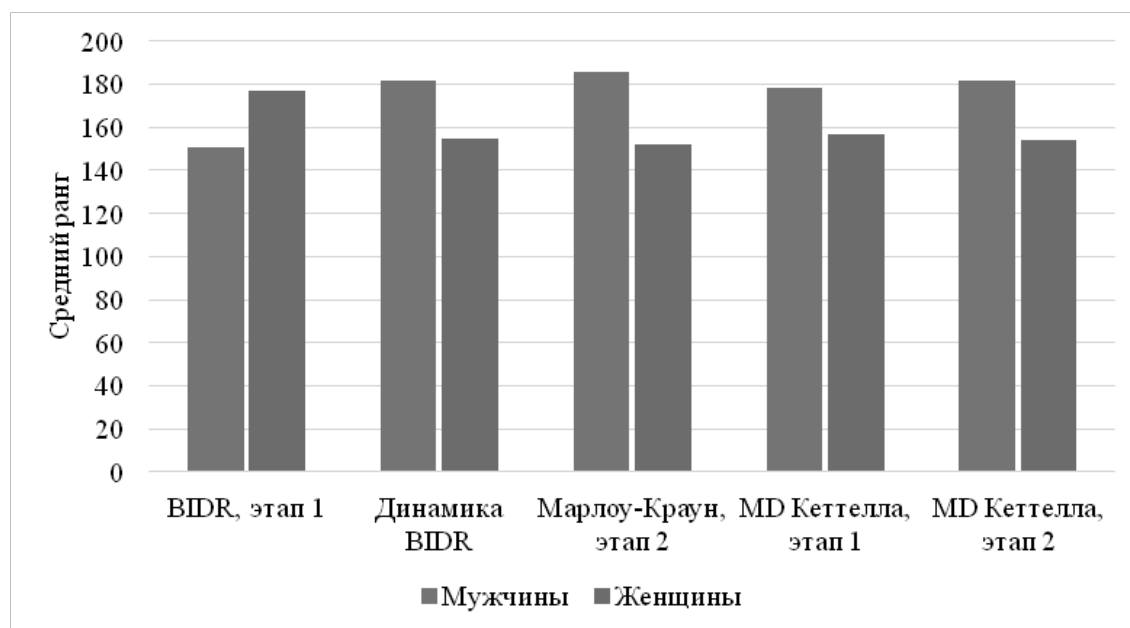

Рис. 6. Средние ранги по статистически значимым показателям социальной желательности в зависимости от пола

Таблица 9.

Динамика социальной желательности в подгруппах.

Подгруппа	BIDR, Z / p	Марлоу-Краун, Z / p	MD Кеттелла, Z / p	Интегральный индекс, Z / p
Мужчины	-2,733 / 0,006	-5,170 / <0,001	-1,863 / 0,062	-5,245 / <0,001
Женщины	-6,634 / <0,001	-7,187 / <0,001	-2,957 / 0,003	-7,428 / <0,001
Опыт 1 год	-4,231 / <0,001	-5,869 / <0,001	-4,597 / <0,001	-6,778 / <0,001
Опыт больше 1 года	-5,499 / <0,001	-6,751 / <0,001	-1,743 / 0,081	-6,436 / <0,001

ный профиль респондента.

Возраст оказался связан с социальной желательностью неоднозначно. На первом этапе более старший возраст коррелировал с более низкими значениями BIDR, Марлоу-Крауна и интегрального индекса, что может означать, что более взрослые участники в ситуации трудоустройства чувствуют себя увереннее и меньше нуждаются в демонстрации чрезмерно нормативного образа. Однако положительные связи возраста с динамическими показателями показывают, что снижение социальной желательности у старших респондентов менее выражено. Вероятно, их самопрезентационный стиль является более устойчивым и меньше меняется после прохождения ситуации отбора.

Профессиональный опыт также выступает значимым фактором. С одной стороны, большой опыт работы связан с более низкими значениями социальной желательности на первом этапе по ряду показателей. С другой стороны, респонденты с минимальным опытом демонстрируют более высокую потребность в социальном одобрении при устройстве на работу. Это может объясняться тем, что менее опытные кандидаты больше за-

висят от внешней оценки и сильнее ориентированы на ожидания работодателя.

Изучение различий по полу показывает, что социальная желательность не имеет однонаправленной связи с полом. Женщины демонстрируют более высокие значения BIDR на первом этапе и более выраженное снижение данного показателя, тогда как мужчины имеют более высокие показатели Марлоу-Крауна и MD Кеттелла на втором этапе. Это позволяет говорить не о простом «более высоком» уровне социальной желательности у одной из групп, а о разных формах саморепрезентации, что требует более детального анализа.

Практическое значение результатов заключается в том, что при интерпретации психодиагностических данных в профессиональном отборе необходимо учитывать не только сам факт социальной желательности, но и контекст исследования, возраст, опыт работы и пол респондента. Особенно осторожно следует интерпретировать результаты кандидатов с минимальным профессиональным опытом, поскольку для них ситуация устройства на работу может быть наиболее напряженной и связанной с повышенной потребностью в социальном одобрении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Crowne D.P., Marlowe D. — A new scale of social desirability independent of psychopathology // *Journal of Consulting Psychology*. — 1960. — Vol. 24, № 4. — P. 349–354.
2. Paulhus D.L. — Two-component models of socially desirable responding // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1984. — Vol. 46, № 3. — P. 598–609.
3. Paulhus D.L. — Measurement and control of response bias // *Measures of Personality and Social Psychological Attitudes* / ed. by J.P. Robinson, P.R. Shaver, L. S. Wrightsman. — San Diego: Academic Press, 1991. — P. 17–59.
4. Ones D.S., Viswesvaran C., Reiss A.D. — Role of social desirability in personality testing for personnel selection: the red herring // *Journal of Applied Psychology*. — 1996. — Vol. 81, № 6. — P. 660–679.
5. Podsakoff P.M., MacKenzie S.B., Lee J.-Y., Podsakoff N.P. — Common method biases in behavioral research: a critical review of the literature and recommended remedies // *Journal of Applied Psychology*. — 2003. — Vol. 88, № 5. — P. 879–903.
6. Levashina J., Campion M.A. — Measuring faking in the employment interview: development and validation of an interview faking behavior scale // *Journal of Applied Psychology*. — 2007. — Vol. 92, № 6. — P. 1638–1656.
7. Birkeland S.A., Manson T.M., Kisamore J.L., Brannick M.T., Smith M.A. — A meta-analytic investigation of job applicant faking on personality measures // *International Journal of Selection and Assessment*. — 2006. — Vol. 14, № 4. — P. 317–335.
8. Griffith R. L., Peterson M. H. — The failure of social desirability measures to capture applicant faking behavior // *Industrial and Organizational Psychology*. — 2008. — Vol. 1, № 3. — P. 308–311.
9. MacCann C., Ziegler M., Roberts R.D. — Faking in personality assessment: reflections and recommendations // *New Perspectives on Faking in Personality Assessment* / ed. by M. Ziegler, C. MacCann, R. D. Roberts. — Oxford: Oxford University Press, 2011. — P. 309–329.
10. Furnham A. — Response bias, social desirability and dissimulation // *Personality and Individual Differences*. — 1986. — Vol. 7, № 3. — P. 385–400.

© Романов Владимир Алексеевич (romanov.help@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАТИВНОСТЬ, ПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ СИГНАЛЫ В РЕКЛАМЕ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: РОЛЬ АТРИБУТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Савельев Кирилл Алексеевич

Аспирант, Московский институт психоанализа

kirill.savelev.1998@mail.ru

NATIVENESS, PERSONALIZATION, AND SOCIAL SIGNALS IN SOCIAL MEDIA ADVERTISING: THE ROLE OF ATTRIBUTIONAL INTERPRETATION

K. Savelev

Summary: Nativeness, personalization, and social signals can elicit different, including opposite, user responses; therefore, their effects cannot be explained solely by the presence of a corresponding advertising feature. This article aims to systematize the main objects and variants of attributional interpretation of these characteristics and to summarize the relationships between such interpretations, trust, and user response reported in previous studies. Based on bibliographic analysis, generalization, and comparison of theoretical and empirical studies, three objects of attributional interpretation were identified: the position and motives of the visible author in native and influencer advertising, the grounds for message selection in personalized advertising, and the origin of visible support conveyed by social signals. The reviewed studies indicate that recognizing advertising, personalization, or popularity does not in itself determine the direction of user response; the meaning of the corresponding feature is associated with the motives attributed to the author, the perceived acceptability of the presumed grounds for message selection, and the perceived plausibility of the origin of visible support. Attributional interpretation provides a common analytical perspective for comparing these research areas and explaining different responses to similar advertising features.

Keywords: social media advertising, native advertising, personalized advertising, social signals, attributional interpretation, advertising trust, user response.

Аннотация: Нативность, персонализация и социальные сигналы могут сопровождаться различными, в том числе противоположными, реакциями пользователей, поэтому их влияние нельзя объяснить только наличием соответствующего признака в рекламе. Цель статьи состоит в систематизации основных объектов и вариантов атрибутивной интерпретации этих характеристик и обобщении представленных в исследованиях связей такой интерпретации с доверием и откликом пользователя. На основе библиографического анализа, обобщения и сравнения теоретических и эмпирических работ выделены три объекта атрибутивной интерпретации: позиция и мотивы видимого автора в нативной и инфлюенсерской рекламе, основания отбора сообщения при персонализированном показе и происхождение видимой поддержки при восприятии социальных сигналов. Рассмотренные исследования показывают, что распознавание рекламы, персонализации или популярности само по себе не определяет направление реакции: значение соответствующего признака связано с приписываемыми автору мотивами, допустимостью предполагаемых оснований отбора сообщения и правдоподобием происхождения видимой поддержки. Атрибутивная интерпретация позволяет рассматривать эти направления в общем аналитическом ракурсе и объяснять различия в реакции на сходные рекламные признаки.

Ключевые слова: реклама в социальных сетях, нативная реклама, персонализированная реклама, социальные сигналы, атрибутивная интерпретация, доверие к рекламе, отклик пользователя.

Введение

Реклама в социальных сетях включена в общий поток пользовательских, информационных и развлекательных публикаций. Она может воспроизводить форму окружающего контента, соотноситься с интересами и предшествующими действиями конкретного пользователя, а также сопровождаться видимыми реакциями аудитории. В этих условиях предметом восприятия становится не только содержание сообщения. Пользователь также оценивает, почему публикация выглядит как обычный материал ленты, на каком основании она показана именно ему и что означает выраженная другими людьми поддержка. Тем самым обстоятельства появле-

ния рекламы образуют часть социального и коммуникативного контекста ее оценки.

Нативность, персонализация и социальные сигналы не имеют единого значения для пользователя. Соответствие рекламы окружающему контенту облегчает ее восприятие как части привычной ленты, но одновременно может затруднять разграничение самостоятельного высказывания автора и коммерчески обусловленного сообщения [1]. Персонализация способна повышать воспринимаемую релевантность рекламы, однако заметная связь сообщения с предшествующими действиями пользователя может вызывать ощущение наблюдения и недопустимого использования данных [2, 3]. Видимые

реакции аудитории, в свою очередь, могут свидетельствовать о популярности публикации либо вызывать подозрение в искусственном продвижении, если их количество или соотношение с размером аудитории кажется неправдоподобным [4].

Такое сочетание возможных эффектов ограничивает объяснительную ценность прямой схемы, связывающей наличие отдельной характеристики с положительной или отрицательной реакцией пользователя. Один и тот же признак может вызывать доверие, настороженность или сочетание этих реакций. Поэтому связь между наблюдаемой особенностью рекламы и отношением к ней зависит от того, как пользователь объясняет происхождение и назначение этой особенности. В одном случае она может восприниматься как естественная и уместная часть коммуникации. В другом случае тот же признак связывается с коммерческой заинтересованностью, вторжением в личное пространство или искусственным усилением видимой поддержки.

В настоящей статье такие суждения обозначаются как атрибутивная интерпретация. Под ней понимается объяснение пользователем причин появления наблюдаемой особенности рекламы и намерений тех, кто может стоять за её возникновением. Данное понимание соотносится с моделью знания о попытке убеждения, согласно которой адресат использует представления об агенте воздействия, его целях и тактиках при оценке сообщения. При этом распознавание попытки влияния не предопределяет отказ от сообщения, поскольку результат зависит от того, какое значение пользователь придает выявленным целям и способам воздействия [5].

Постановка проблемы

Исследования нативной рекламы, персонализации и социальных сигналов развиваются преимущественно как отдельные направления. В работах о нативной и инфлюенсерской рекламе рассматриваются распознавание спонсорства, мотивы автора и доверие к нему [1, 6]. Исследования персонализированной рекламы сосредоточены на релевантности сообщения, понимании связи показа с предшествующей активностью и беспокойности использованием данных пользователя [2, 7]. Работы о социальных сигналах показывают, что значение видимых реакций зависит не только от их количества, но и от того, насколько правдоподобным представляется пользователю их происхождение [4]. Вместе с тем общая для этих направлений проблема систематизирована недостаточно. Остается открытым вопрос, можно ли объяснить различия в реакции на нативность, персонализацию и социальные сигналы через разграничение самих признаков и их пользовательской интерпретации.

Цель статьи состоит в систематизации основных эффек-

тов и вариантов атрибутивной интерпретации нативности, персонализации и социальных сигналов, а также в обобщении представленных в исследованиях связей этих интерпретаций с доверием и откликом пользователя. Для этого сопоставляются результаты трех направлений исследований: интерпретации позиции и мотивов видимого автора, оснований отбора сообщения при персонализированном показе и происхождения видимой поддержки при восприятии социальных сигналов. Статья представляет собой проблемно-аналитическое сопоставление работ, в которых рассматривались распознавание рекламного характера сообщения, предполагаемые мотивы видимого автора, основания отбора сообщения при персонализированном показе и происхождения видимой поддержки. В обзор включались работы, в которых рассматривались пользовательская интерпретация характеристик рекламы и её связь с доверием, оценкой сообщения или откликом.

Исходным является положение об атрибутивной неоднозначности рассматриваемых характеристик. Один и тот же признак пользователь может связывать как с естественными и приемлемыми причинами, так и с коммерческой заинтересованностью, использованием персональных данных или целенаправленным стимулированием видимой поддержки. Поэтому необходимо разграничивать наблюдаемую характеристику рекламы и объяснение ее происхождения и назначения пользователем.

Результаты теоретического анализа

Нативная и инфлюенсерская реклама: интерпретация позиции и мотивов видимого автора

Нативность характеризует способ включения рекламы в содержание и коммуникативную среду площадки. В отечественных исследованиях нативность связывается с жанровым, визуальным и коммуникативным соответствием среде размещения [8]. На видеоплатформах реклама может встраиваться в авторское содержание и сохранять его композицию [9]. В TikTok она воспроизводит форматы личной рекомендации, демонстрации использования и непосредственного обращения к аудитории [10]. Эти характеристики описывают форму сообщения, но сами по себе не свидетельствуют о сокрытии рекламы. Контекстное соответствие может сочетаться с явной маркировкой спонсорства или упоминанием бренда [1]. Поэтому нативность публикации и прозрачность ее коммерческого характера необходимо рассматривать отдельно.

В нативной и инфлюенсерской рекламе сообщение часто предъявляется от имени конкретного автора. Пользователь видит не только продукт и доводы в его

пользу, но и человека, который выражает положительное отношение к рекламируемому объекту. Причины этой позиции могут объясняться по-разному. Рекомендация может восприниматься как выражение личного опыта автора, как результат оплаченного сотрудничества либо как сочетание этих оснований. При этом коммерческая заинтересованность не исключает того, что продукт действительно соответствует интересам автора, а его мнение остается искренним. Вместе с тем сходство рекламы с обычной публикацией не позволяет по одной форме определить, какое значение в рекомендации имеет личная позиция и коммерческие интересы автора.

Распознавание спонсорства опирается на совокупность доступных признаков. К ним относятся рекламная маркировка, присутствие бренда, тип аккаунта, визуальная организация публикации и общий контекст ее размещения. Стандартизированная маркировка повышает вероятность распознавания рекламы, однако ее значение зависит от заметности и расположения [11]. В исследовании С. Бурман и С. Мюллер пользователи учитывали брендированные элементы и то, от чьего имени была размещена публикация, но не всегда правильно распознавали инфлюенсерскую рекламу [12]. Таким образом, доступные признаки помогают распознать коммерческий характер публикации, но не объясняют, почему автор рекомендует продукт и насколько его позиция определяется сотрудничеством с брендом.

После распознавания коммерческого характера публикации ее оценка зависит от того, какие мотивы пользователь приписывает автору. В эксперименте Дж. Ким и М. Ким соответствие инфлюенсера продукту усиливало приписывание аффективного мотива, связанного с личным положительным отношением автора к продукту, тогда как раскрытие спонсорства усиливало приписывание коммерческого мотива [13]. Эти мотивы не обязательно являются взаимоисключающими: пользователь может одновременно предполагать личную заинтересованность автора в продукте и наличие оплачиваемого сотрудничества с брендом.

Однако распознавание рекламного характера публикации само по себе не определяет отношение к ней. Метаанализ показывает, что маркировка усиливает знание о попытке убеждения, но не имеет устойчивого общего прямого эффекта на отношение к сообщению, вовлеченность и намерение покупки [6]. Оценка брендированного контента зависит также от его воспринимаемой ценности и доверия к автору [14].

В рассматриваемой нативной и инфлюенсерской рекламе атрибутивная интерпретация относится прежде всего к позиции и мотивам видимого автора. Нативная форма сообщения сама по себе не позволяет установить, в какой степени рекомендация выражает личное

отношение автора, а в какой – определяется его сотрудничеством с брендом.

Персонализированная реклама: интерпретация оснований отбора сообщения

При восприятии персонализированной рекламы объектом интерпретации становятся основания отбора сообщения. Персонализация предполагает отбор или адаптацию рекламы с учетом характеристик и предшествующей активности адресата. Основанием для показа могут служить демографические сведения, поисковые запросы, просмотры и другие действия пользователя, а само сообщение может содержать явные признаки индивидуального обращения [2]. При этом фактическое использование персонализации и ее восприятие пользователем не всегда совпадают: примененный способ отбора может остаться незамеченным, тогда как обычное соответствие текущим интересам иногда воспринимается как результат персонального таргетирования.

Одним из оснований положительной оценки персонализированной рекламы является ее личная релевантность. В исследовании Ф. де Кейзер и соавторов воспринимаемая персонализация повышала релевантность сообщения для пользователя, с которой, в свою очередь, были связаны более благоприятное отношение к бренду и намерение перейти по объявлению [15]. Метаанализ 53 экспериментов также выявил небольшие положительные эффекты персонализации в отношении оценки рекламы, бренда или продукта и заявленных поведенческих намерений. При этом речь шла преимущественно о субъективных оценках и намерениях, а не о фактическом поведении [2].

Когда содержание рекламы соответствует недавним действиям пользователя, это считается как признак примененного таргетирования. В эксперименте Э.А. ван Реймерсдал и соавторов связь рекламного видео с предшествующим поиском одновременно повышала его личную релевантность и облегчала распознавание поведенческого таргетирования. Однако само распознавание таргетирования не определяло отношение к видео и бренду или намерение покупки. Положительная реакция была связана прежде всего с тем, насколько ценным и значимым воспринималось сообщение [7].

Вместе с тем соответствие рекламы предшествующим действиям может указывать пользователю на сбор и использование его данных. Негативная реакция возникает, когда такой способ отбора воспринимается как чрезмерный или неуместный. В исследовании ретаргетинга повторный показ рекламы после проявленного интереса к товару усиливал ощущение маркетингового наблюдения и сопровождался менее благоприятной реакцией на объявление [3]. Воспринимаемая инвазив-

ность рекламы также была связана с раздражением и ее избеганием [16]. Следовательно, содержательная релевантность сообщения и оценка способа его отбора могут расходиться: пользователь может считать рекламу полезной, но одновременно воспринимать использование своих данных как недопустимое.

Оценка персонализированного показа зависит также от представлений пользователя об алгоритмическом воздействии. Х. Ворвельд и соавторы показали, что пользователи различаются по осведомленности о работе алгоритмов, оценке допустимости такого воздействия и воспринимаемой способности ему противодействовать [17]. Таким образом, в персонализированной рекламе объектом атрибутивной интерпретации становятся основания отбора сообщения: пользователь судит о том, какие сведения были использованы для отбора сообщения, а также оценивает допустимость их применения.

Социальные сигналы: интерпретация происхождения видимой поддержки

Социальные сигналы представлены доступными пользователю реакциями на публикацию: отметками «Нравится», комментариями, отзывами, репостами и количеством просмотров. В отличие от нативности и персонализации, они характеризуют не форму сообщения и не причину его показа, а отклик других людей. Такие признаки позволяют судить о популярности публикации и отношении к ней аудитории. Однако их значение зависит от того, воспринимаются ли реакции как самостоятельный отклик пользователей или как результат целенаправленного стимулирования.

Количество реакций неодинаково связано с разными формами последующего поведения. В полевом эксперименте С. Хуан и С. Лин появление первой отметки «Нравится» повышало вероятность как аналогичной реакции, так и перехода по рекламному объявлению. Дальнейшее увеличение числа отметок продолжало усиливать склонность поставить лайк, но в среднем не повышало вероятность перехода [18]. Следовательно, рост видимой популярности может способствовать повторению публичной реакции других пользователей, не вызывая сопоставимого интереса к самому рекламному предложению.

При оценке правдоподобия социальной поддержки пользователь учитывает не только абсолютное число реакций, но и его соответствие предполагаемому размеру аудитории. В трех экспериментах Э. де Врис как слишком высокое, так и слишком низкое соотношение лайков и подписчиков снижало доверие к аккаунту и ухудшало оценку профиля или готовность подписаться на него. Участники, лучше осведомленные о возможности покупки лайков, воспринимали необычное соотношение по-

казателей как более подозрительное [4]. Следовательно, количество реакций меняет свое значение в зависимости от того, насколько правдоподобным представляется их соотношение с размером аудитории.

Более подробные основания для оценки происхождения социальной поддержки представлены в исследованиях потребительских отзывов. Хотя отзывы отличаются от кратких реакций и комментариев под рекламными публикациями, эти работы показывают, по каким признакам пользователи судят о самостоятельности и заинтересованности чужого отклика. Исследования показывают, что достоверность отзывов оценивается по совокупности признаков текста, автора и условий размещения. Пользователи могут учитывать подробность и аргументированность отзыва, выраженность эмоциональных оценок и односторонний характер описания товара. Однако систематический обзор 15 исследований не выявил признака, который сам по себе во всех случаях указывал бы на недостоверность отзыва [19].

Связь предполагаемой заинтересованности автора отзыва с рекламным откликом рассмотрена в исследовании М. Петреску и соавторов. Анализ 1000 потребительских отзывов показал, что стимулированные отзывы отличались более выраженной положительной тональностью, формальным стилем и подробным описанием товара при меньшей выраженности личного опыта. В опросной части исследования подозрение в скрытой заинтересованности автора отзыва было связано с меньшим доверием к бренду и менее выраженным намерением совершить покупку [20].

В случае социальных сигналов объектом атрибутивной интерпретации становится происхождение видимой поддержки. Одни и те же реакции могут восприниматься как самостоятельный отклик аудитории или как результат их коммерческого стимулирования. Поэтому значение социальных сигналов зависит не только от их количества и содержания, но и от того, насколько правдоподобным представляется пользователю их происхождение.

Выводы

Проведенное сопоставление позволило выделить три различающихся объекта атрибутивной интерпретации рекламы в социальных сетях. В рассматриваемой нативной и инфлюенсерской рекламе она относится преимущественно к позиции и мотивам видимого автора, при персонализированном показе – к основаниям отбора сообщения, а при восприятии социальных сигналов – к происхождению видимой поддержки.

Рассмотренные исследования показывают, что распознавание рекламного характера публикации, персонализированного показа или видимой популярности

само по себе не определяет доверие и последующий отклик. Значение этих характеристик связано с тем, какие мотивы приписываются видимому автору, насколько допустимыми считаются предполагаемые основания отбора сообщения и насколько правдоподобным представляется происхождение видимой поддержки. Поэтому сходные по форме признаки могут сопровождаться различными реакциями пользователя.

Рассмотренные исследования позволяют выделить общий принцип: значение наблюдаемой характеристики рекламы связано с тем, как пользователь объясняет ее происхождение. Вместе с тем непосредственно атрибутивные суждения изучались не во всех работах, а три направления пока не сопоставлялись в рамках единого исследования, поэтому конкретные связи с доверием и откликом требуют отдельной проверки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hübner M., Henseler J., Thalmann J. Consumers' perception of native advertising on social media: A systematic literature review // *Journal of Marketing Communications*. 2026. Advance online publication. DOI: 10.1080/13527266.2026.2648839.
2. Yeo T.E.D., Chu T.H., Li Q. How persuasive is personalized advertising? A meta-analytic review of experimental evidence of the effects of personalization on ad effectiveness // *Journal of Advertising Research*. 2025. Vol. 65. No. 4. P. 616–631. DOI: 10.1080/00218499.2025.2467763.
3. Farman L., Comello M.L.G., Edwards J.R. Are consumers put off by retargeted ads on social media? Evidence for perceptions of marketing surveillance and decreased ad effectiveness // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 2020. Vol. 64. No. 2. P. 298–319. DOI: 10.1080/08838151.2020.1767292.
4. De Vries E.L.E. When more likes is not better: The consequences of high and low likes-to-followers ratios for perceived account credibility and social media marketing effectiveness // *Marketing Letters*. 2019. Vol. 30. No. 3–4. P. 275–291. DOI: 10.1007/s11002-019-09496-6.
5. Friestad M., Wright P. The persuasion knowledge model: How people cope with persuasion attempts // *Journal of Consumer Research*. 1994. Vol. 21. No. 1. P. 1–31. DOI: 10.1086/209380.
6. Pan M., Blut M., Ghiassaleh A., Lee Z.W.Y. Influencer marketing effectiveness: A meta-analytic review // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2025. Vol. 53. No. 1. P. 52–78. DOI: 10.1007/s11747-024-01052-7.
7. van Reijmersdal E.A., Boerman S.C., van Noort G. Effects of online behaviorally targeted native advertising on persuasion: A test of two competing mechanisms // *Computers in Human Behavior Reports*. 2022. Vol. 7. Art. 100221. DOI: 10.1016/j.chbr.2022.100221.
8. Олешко В.Ф., Мищенко В.С. Нативная реклама цифровых медиа: специфика, виды, воздействующий потенциал // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2023. № 3(49). С. 37–43. DOI: 10.47475/2070-0695-2023-49-3-37-43.
9. Щепилова Г.Г., Огурцова В.С. Рекламные возможности блогосферы на платформе YouTube // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2021. Т. 10. № 4. С. 792–806. DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(4).792-806.
10. Терских М.В., Плюснина Н.В. Нативная реклама в социальной сети TikTok: жанровые и языковые особенности // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2022. № 2(35). С. 136–142. DOI: 10.36809/2309-9380-2022-35-136-142.
11. Boerman S.C. The effects of the standardized Instagram disclosure for micro- and meso-influencers // *Computers in Human Behavior*. 2020. Vol. 103. P. 199–207. DOI: 10.1016/j.chb.2019.09.015.
12. Boerman S.C., Müller C.M. Understanding which cues people use to identify influencer marketing on Instagram: An eye tracking study and experiment // *International Journal of Advertising*. 2022. Vol. 41. No. 1. P. 6–29. DOI: 10.1080/02650487.2021.1986256.
13. Kim D.Y., Kim H.-Y. Influencer advertising on social media: The multiple inference model on influencer-product congruence and sponsorship disclosure // *Journal of Business Research*. 2021. Vol. 130. P. 405–415. DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.02.020.
14. Lou C., Yuan S. Influencer marketing: How message value and credibility affect consumer trust of branded content on social media // *Journal of Interactive Advertising*. 2019. Vol. 19. No. 1. P. 58–73. DOI: 10.1080/15252019.2018.1533501.
15. De Keyser F., Dens N., De Pelsmacker P. How and when personalized advertising leads to brand attitude, click, and WOM intention // *Journal of Advertising*. 2022. Vol. 51. No. 1. P. 39–56. DOI: 10.1080/00913367.2021.1888339.
16. Niu X., Wang X., Liu Z. When I feel invaded, I will avoid it: The effect of advertising invasiveness on consumers' avoidance of social media advertising // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2021. Vol. 58. Art. 102320. DOI: 10.1016/j.jretconser.2020.102320.
17. Voorveld H.A.M., Meppelink C.S., Boerman S.C. Consumers' persuasion knowledge of algorithms in social media advertising: Identifying consumer groups based on awareness, appropriateness, and coping ability // *International Journal of Advertising*. 2024. Vol. 43. No. 6. P. 960–986. DOI: 10.1080/02650487.2023.2264045.
18. Huang S., Lin S. Do more likes lead to more clicks? Evidence from a field experiment on social advertising // *Journal of Marketing*. 2025. Vol. 89. No. 5. P. 88–110. DOI: 10.1177/00222429241307608.
19. Walther M., Jakobi T., Watson S.J., Stevens G. A systematic literature review about the consumers' side of fake review detection: Which cues do consumers use to determine the veracity of online user reviews? // *Computers in Human Behavior Reports*. 2023. Vol. 10. Art. 100278. DOI: 10.1016/j.chbr.2023.100278.
20. Petrescu M., Kitchen P., Dobie C., Ben Mrad S., Milovan-Ciuta A., Goldring D., Fiedler A. Innocent until proven guilty: Suspicion of deception in online reviews // *European Journal of Marketing*. 2022. Vol. 56. No. 4. P. 1184–1209. DOI: 10.1108/EJM-10-2019-0776.

© Савельев Кирилл Алексеевич (kirill.savelev.1998@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОГНИТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА

Стаценко Филипп Александрович

Старший преподаватель, ФГАОУ ВО «Балтийский
федеральный университет имени Иммануила Канта»,
(г. Калининград)
fstatsenko@hotmail.com

COGNITIVE DISTORTIONS AS PSYCHOLOGICAL CORRELATES OF ACADEMIC ADAPTATION AMONG FIRST-YEAR STUDENTS

F. Statsenko

Summary: The aim of the study was to identify associations between specific cognitive distortions, depression, anxiety, stress, and two aspects of academic adaptation among first-year students: adaptation to the student group and adaptation to learning activity. The sample included 78 students; cognitive distortions were assessed using the Cognitive Mistakes Questionnaire (CMQ), depression, anxiety, and stress were measured with the Russian version of the DASS-21, and academic adaptation was assessed using the method developed by T.D. Dubovitskaya and A.V. Krylova. Statistical analysis included Spearman's rank correlation coefficient and the Benjamini–Hochberg correction. After correction for multiple comparisons, learned helplessness and catastrophizing showed the strongest associations with depression, anxiety, and stress. Adaptation to the student group was negatively associated with learned helplessness, catastrophizing, moralization, personalization, and maximalism, whereas adaptation to learning activity was negatively associated with overestimation of danger and maximalism.

Keywords: cognitive distortions, academic adaptation, first-year students, learning activity, student group.

Аннотация: Цель исследования — выявить связи отдельных когнитивных искажений с депрессией, тревогой, стрессом и двумя аспектами академической адаптации студентов первого курса: адаптированностью к учебной группе и адаптированностью к учебной деятельности. В исследовании участвовали 78 студентов; использовались Опросник когнитивных ошибок (ОКО, CMQ), русскоязычная версия DASS-21 и методика исследования адаптированности студентов в вузе Т.Д. Дубовицкой и А.В. Крыловой. Статистическая обработка включала корреляционный анализ Спирмена и поправку Бенджамини—Хохберга. После коррекции множественных сравнений наиболее выраженные связи с депрессией, тревогой и стрессом выявлены для выученной беспомощности и катастрофизации. Адаптированность к учебной группе была отрицательно связана с выученной беспомощностью, катастрофизацией, морализацией, персонализацией и максимализмом, а адаптированность к учебной деятельности — с преувеличением опасности и максимализмом.

Ключевые слова: когнитивные искажения, академическая адаптация, студенты первого курса, учебная деятельность, учебная группа.

Введение

Адаптация студентов первого курса к обучению в вузе относится к числу значимых проблем педагогической психологии, поскольку связана не только с освоением учебной деятельности, но и с включением обучающегося в образовательную среду, учебную группу и систему новых требований. Академическая адаптация может рассматриваться как многокомпонентный процесс, включающий адаптированность к учебной деятельности и адаптированность к учебной группе [1]. Такой взгляд позволяет анализировать адаптацию как показатель включённости студента в учебную и социальную структуру вузовской жизни.

Академическая дезадаптация может быть сопряжена с эмоциональным состоянием обучающегося. Современные исследования показывают высокую распро-

странённость депрессивных и тревожных проявлений у студенческой молодёжи, а также их связь с учебным стрессом, представлениями студентов о собственных академических возможностях и показателями учебного функционирования [2; 3; 4]. В этом контексте депрессия, тревога и стресс могут рассматриваться как показатели, значимые для анализа адаптации студентов к образовательной среде. При этом одного описания эмоционального состояния недостаточно: для педагогической психологии важно определить, какие психологические особенности сопряжены с тем, как студент интерпретирует трудности в учебе, ситуации межличностного взаимодействия и собственные возможности в образовательном процессе.

Одним из таких параметров являются когнитивные искажения. В когнитивной модели А. Бека они рассматриваются как устойчивые ошибки переработки

информации, влияющие на оценку событий, прогноз последствий и интерпретацию собственного опыта [5]. Для студента первого курса такие искажения могут проявляться в преувеличении значимости ошибок, ожидании негативной оценки, переживании трудностей в учебе как неконтролируемых, жёстких требований к себе и снижении готовности перестраивать собственные способы действия. Русскоязычная версия Опросника когнитивных ошибок позволяет анализировать девять их отдельных форм: персонализацию, чтение мыслей, катастрофизацию, морализацию, упрямство, выученную беспомощность, максимализм, преувеличение опасности и гипернормативность [6]. Различные когнитивные искажения могут быть неодинаково связаны с эмоциональными проявлениями и академической адаптацией.

В имеющихся исследованиях когнитивные искажения изучаются преимущественно в связи с депрессией, тревогой, психологическим дистрессом и общими показателями эмоционального состояния студентов [7; 8]. В исследовании Н. Zou и соавт., выполненном с использованием сетевого анализа, показано, что отдельные когнитивные искажения могут занимать различное место в структуре связей с депрессивными и тревожными проявлениями [8]. Однако менее прояснённым остаётся вопрос о том, как разные формы когнитивных искажений одновременно соотносятся с эмоциональными переживаниями и двумя аспектами академической адаптации — адаптированностью к учебной группе и адаптированностью к учебной деятельности. Этот вопрос имеет прикладное значение, поскольку позволяет уточнить психодиагностические ориентиры сопровождения студентов первого курса в образовательной среде.

Научная новизна исследования состоит в том, что в отличие от работ, рассматривающих когнитивные искажения преимущественно в связи с общим психологическим дистрессом или отдельными эмоциональными проявлениями, в настоящем исследовании одновременно анализируются девять отдельных когнитивных искажений в их связи с показателями депрессии, тревоги, стресса и двумя аспектами академической адаптации студентов первого курса.

Цель исследования — выявить характер связей отдельных когнитивных искажений с показателями депрессии, тревоги, стресса и академической адаптации студентов первого курса. Гипотеза исследования состояла в том, что когнитивные искажения будут связаны с указанными показателями неравномерно: часть искажений обнаружит более тесные положительные связи с депрессией, тревогой и стрессом и отрицательные связи с адаптированностью к учебной группе и учебной деятельности, тогда как другие окажутся менее выражено вовлечёнными в данную систему взаимосвязей.

Материалы и методы

Исследование имело поперечный корреляционный дизайн. Выборку составили 78 студентов, в том числе 42 женщины и 36 мужчин. Средний возраст участников исследования составил $20,0 \pm 3,46$ года; возрастной диапазон — от 17 до 34 лет. Участие в исследовании было добровольным. Все участники были проинформированы о целях исследования; сбор и обработка данных проводились анонимно, с соблюдением принципов конфиденциальности и этических норм психологического исследования.

Для оценки когнитивных искажений использовался Опросник когнитивных ошибок (ОКО, CMQ) в русскоязычной адаптации А.Е. Боброва и Е.В. Файзрахмановой [6]. В анализ включались девять шкал методики: персонализация, чтение мыслей, катастрофизация, морализация, упрямство, выученная беспомощность, максимализм, преувеличение опасности и гипернормативность. Для оценки депрессии, тревоги и стресса применялась русскоязычная версия DASS-21 [9]. Академическая адаптация оценивалась с помощью методики Т.Д. Дубовицкой и А.В. Крыловой [1], включающей две шкалы: адаптированность к учебной группе (АУГ) и адаптированность к учебной деятельности (АУД). Психометрические характеристики использованных русскоязычных версий методик ранее были показаны в соответствующих работах по их апробации [1; 6; 9]. Статистическая обработка включала расчёт описательной статистики, проверку нормальности распределения по критерию Шапиро—Уилка и корреляционный анализ с использованием коэффициента Спирмена; для контроля множественных сравнений применялась поправка Бенджамини—Хохберга ко всем 45 рассчитанным корреляциям, статистически значимыми считались связи при $q < 0,05$.

Результаты

Проверка распределений по критерию Шапиро—Уилка показала отклонение большинства переменных от нормальности распределения, в связи с чем для анализа связей использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Корреляционный анализ показал, что когнитивные искажения неравномерно связаны с показателями депрессии, тревоги, стресса и академической адаптации студентов первого курса (табл. 1).

Наиболее выраженные связи с депрессией, тревогой и стрессом выявлены для выученной беспомощности и катастрофизации. Выученная беспомощность положительно коррелировала с депрессией ($r = 0,598$), тревогой ($r = 0,537$) и стрессом ($r = 0,497$); катастрофизация — с депрессией ($r = 0,444$), тревогой ($r = 0,486$) и стрессом ($r = 0,508$). Морализация и упрямство также коррелировали со всеми тремя показателями, однако величина этих связей была ниже.

Таблица 1.

Корреляции когнитивных искажений с показателями депрессии, тревоги, стресса и академической адаптации.

ОКО	Депрессия	Тревога	Стресс	АУГ	АУД
Персонализация	0,315*	0,342*	0,269*	-0,288*	-0,150
Чтение мыслей	0,038	0,091	0,165	-0,110	-0,105
Катастрофизация	0,444*	0,486*	0,508*	-0,349*	0,108
Морализация	0,392*	0,360*	0,482*	-0,340*	0,031
Упрямство	0,404*	0,364*	0,385*	-0,187	-0,113
Выученная беспомощность	0,598*	0,537*	0,497*	-0,458*	-0,198
Максимализм	0,349*	0,055	0,107	-0,279*	-0,267*
Преувеличение опасности	0,226	0,099	0,122	-0,118	-0,340*
Гипернормативность	0,218	0,153	0,261*	-0,179	-0,030

Примечание. В таблице представлены коэффициенты корреляции Спирмена (ρ). Знак * обозначает статистическую значимость после коррекции множественных сравнений по Бенджамини—Хохбергу ($q < 0,05$).

Связи когнитивных искажений с академической адаптацией оказались более избирательными. Адаптированность к учебной группе отрицательно коррелировала с выученной беспомощностью ($\rho = -0,458$), катастрофизацией ($\rho = -0,349$), морализацией ($\rho = -0,340$), персонализацией ($\rho = -0,288$) и максимализмом ($\rho = -0,279$). Адаптированность к учебной деятельности была отрицательно связана с преувеличением опасности ($\rho = -0,340$) и максимализмом ($\rho = -0,267$). После коррекции множественных сравнений статистически значимыми остались 24 из 45 рассчитанных корреляций.

Обсуждение

Полученные данные уточняют роль когнитивных искажений в академической адаптации первокурсников. Наибольшее значение имели формы когнитивной оценки, связанные с восприятием низкой результативности учебной деятельности, ожиданием межличностной оценки и оценкой собственной позиции в группе. Поэтому при анализе адаптации студентов первого курса целесообразно рассматривать отдельные шкалы ОКО/СМҚ, а не ограничиваться представлением о когнитивных искажениях как едином показателе.

Наиболее выраженные связи с депрессией, тревогой и стрессом выявлены для выученной беспомощности и катастрофизации. Это соответствует когнитивной модели А. Бека, согласно которой эмоциональная реакция связана с интерпретацией события [5]. Выученная беспомощность связана с восприятием учебных ситуаций как плохо контролируемых, катастрофизация — с ожиданием тяжёлых последствий ошибки. В первый год обучения эти когнитивные искажения приобретают особое значение в ситуациях проверки знаний, критики, сравнения с одноклассниками и неопределённости требований. Данные согласуются с работами, где когнитивные искажения у студентов связаны с психологическим дис-

трессом и депрессивно-тревожными проявлениями [7; 8], а выученная беспомощность и катастрофизация — с неблагоприятными эмоциональными состояниями и стрессовой реактивностью [10; 11].

Связи с академической адаптацией были избирательными. Адаптированность к учебной группе снижалась при большей выраженности выученной беспомощности, катастрофизации, морализации, персонализации и максимализма. Эти шкалы связаны с ожиданием отрицательной оценки, приписыванием происходящего себе, жёсткими требованиями к поведению и переживанием трудностей как плохо контролируемых. Адаптированность к учебной деятельности была связана только с преувеличением опасности и максимализмом: здесь на первый план выходит восприятие учебной ошибки, требований и возможных негативных последствий. Поэтому адаптированность к учебной группе и адаптированность к учебной деятельности следует анализировать отдельно.

Полученные данные могут использоваться как предварительные психодиагностические ориентиры при сопровождении студентов первого курса. При сниженной адаптированности к учебной группе внимания заслуживают выученная беспомощность, катастрофизация, морализация, персонализация и максимализм. При сниженной адаптированности к учебной деятельности в данной выборке наибольшее значение имели преувеличение опасности и максимализм. Эти результаты позволяют уточнить, какие когнитивные искажения связаны с разными аспектами академической адаптации, и могут быть учтены при планировании профилактической и консультативной работы в образовательной среде.

Ограничения исследования связаны с поперечным корреляционным дизайном, малым объёмом выборки и использованием субъективных психодиагностических

методик. Выявленные связи не позволяют судить о причинной направленности и требуют проверки на более крупных выборках, включающих студентов разных курсов и образовательных направлений. Перспективным направлением дальнейшей работы является анализ динамики когнитивных искажений и академической адаптации в течение первого года обучения.

Заключение

Исследование показало, что когнитивные искажения по-разному соотносятся с показателями депрессии, тревоги, стресса и академической адаптации студентов первого курса. Наиболее выраженные связи с депрессией, тревогой и стрессом выявлены для вы-

ченной беспомощности и катастрофизации. Эти шкалы отражают два способа оценки учебной ситуации: восприятие происходящего как плохо контролируемого и ожидание тяжёлых негативных последствий. Связи с академической адаптацией оказались более дифференцированными. Адаптированность к учебной группе была связана с выученной беспомощностью, катастрофизацией, морализацией, персонализацией и максимализмом; адаптированность к учебной деятельности — с преувеличением опасности и максимализмом. Полученные данные указывают на целесообразность раздельного анализа шкал ОКО/CMQ при изучении адаптации первокурсников и могут использоваться при планировании психодиагностической и профилактической работы в образовательной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубовицкая Т.Д., Крылова А.В. Методика исследования адаптированности студентов в вузе // Психолого-педагогические исследования. — 2010. — Т. 2. — №. 2.
2. Li W. et al. Prevalence and associated factors of depression and anxiety symptoms among college students: a systematic review and meta-analysis // Journal of child psychology and psychiatry. — 2022. — Т. 63. — №. 11. — С. 1222-1230.
3. Karr J.E., White A.E. Academic self-efficacy and cognitive strategy use in college students with and without depression or anxiety // Journal of American College Health. — 2024. — Т. 72. — №. 5. — С. 1387-1393.
4. Liu Y. et al. The associations between academic stress and depression among college students: A moderated chain mediation model of negative affect, sleep quality, and social support // Acta Psychologica. — 2023. — Т. 239. — С. 104014.
5. Beck A.T. The evolution of the cognitive model of depression and its neurobiological correlates // American journal of psychiatry. — 2008. — Т. 165. — №. 8. — С. 969-977.
6. Бобров А.Е., Файзрахманова Е.В. Опросник когнитивных ошибок как инструмент оценки компонентов патологической тревоги // Доктор. ру. — 2017. — №. 8 (137). — С. 59-65.
7. Kingery J.N. et al. Cognitive distortions as a mediator of the relationship between dispositional mindfulness and psychological distress among college students // Journal of american college Health. — 2025. — Т. 73. — №. 8. — С. 3155-3163.
8. Zou H. et al. Depression, Anxiety, and Cognitive Distortion among College Students: A Cross-Lagged Prospective Network Study during and after the COVID-19 Pandemic // Depression and anxiety. — 2024. — Т. 2024. — №. 1. — С. 2598864.
9. Золотарева, А.А. Психометрическая оценка русскоязычной версии шкалы депрессии, тревоги и стресса (DASS-21) / А.А. Золотарева // Психологический журнал. — 2021. — Т. 42, № 5. — С. 80-88. — DOI 10.31857/S020595920017077-0. — EDN KXHQAY.
10. Xue S. et al. Self-compassion buffers the impact of learned helplessness on adverse mental health during COVID-19 lockdown // Journal of affective disorders. — 2023. — Т. 327. — С. 285-291.
11. Zhan L. et al. The moderating role of catastrophizing in day-to-day dynamic stress and depressive symptoms // Stress and Health. — 2024. — Т. 40. — №. 4. — С. e3404.

© Стаценко Филипп Александрович (fstatsenko@hotmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЕГО СВЯЗЬ С ПСИХОМЕТРИЧЕСКИМ ИНТЕЛЛЕКТОМ У МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ В НОРМЕ, ПРИ РАССТРОЙСТВАХ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА И ШИЗОФРЕНИИ

Сухарев Василий Дмитриевич

Московский институт психоанализа, ГБУ НПЦ ПЗДП

им. Г.Е. Сухаревой ДЗМ, (г. Москва)

vasia.sukharev@yandex.ru

STRUCTURAL ORGANIZATION OF EMOTIONAL INTELLIGENCE AND ITS ASSOCIATION WITH PSYCHOMETRIC INTELLIGENCE IN EARLY ADOLESCENTS WITH TYPICAL DEVELOPMENT, AUTISM SPECTRUM DISORDERS, AND SCHIZOPHRENIA

V. Sukharev

Summary: Emotional intelligence (EI) in early adolescence reflects the degree of development of mechanisms underlying emotion understanding and regulation within an increasingly complex social developmental context. In mental disorders, its structure and its association with cognitive resources may assume a qualitatively different configuration. A comparative analysis of emotional intelligence profiles across different forms of dysontogenesis—autism spectrum disorders (F84.1; F84.5) and childhood and simple schizophrenia (F20.6; F20.8)—with cross-method assessment and evaluation of associations with psychometric intelligence remains insufficiently explored. The aim of the study was to identify specific features of the level and structural indicators of emotional intelligence and their associations with nonverbal intelligence in early adolescents aged 10–13 years with typical development and the above-mentioned clinical conditions. The sample included typically developing school students ($n = 126$) and clinical groups with ASD ($n = 74$) and schizophrenia ($n = 73$). The following instruments were administered: the EmIn-Cr questionnaire, the Emotional Intelligence Test by C. Barchard, the Reading the Mind in the Eyes Test (RMET), and Raven's Colored Progressive Matrices. Statistical analysis included the Mann–Whitney U test and Pearson's correlation analysis with 95% confidence intervals. No gender differences were found ($p > 0.05$). Typically developing adolescents significantly outperformed the clinical groups on all integral EmIn-Cr indicators ($p = 0.001$) and on the RMET (typical development: $M = 26.95$; ASD: $M = 18.77$; schizophrenia: $M = 16.46$; $p = 0.001$). Adolescents with ASD demonstrated higher scores in understanding their own emotions compared to those with schizophrenia ($p = 0.048$). Psychometric intelligence showed a graded pattern: typical development ($M = 87.68$) $>$ ASD ($M = 70.47$) $>$ schizophrenia ($M = 54.12$), $p = 0.001$. Correlation analysis revealed positive moderate associations between IQ and all components of emotional intelligence across all groups ($r = 0.28–0.48$; $p \leq 0.031$), with a tendency toward stronger associations in the clinical samples. The findings indicate disorder-specific features in the structural organization of emotional intelligence across different forms of dysontogenesis and suggest an increased role of cognitive resources

Аннотация: Эмоциональный интеллект в младшем подростковом возрасте отражает степень сформированности механизмов понимания и регуляции эмоций в условиях усложняющейся социальной ситуации развития; при психических расстройствах его структура и связь с когнитивными ресурсами могут приобретать качественно иную конфигурацию. Недостаточно изученным остаётся сравнительный анализ профилей эмоционального интеллекта при различных вариантах дизонтогенеза — расстройствах аутистического спектра (F84.1; F84.5) и шизофрении детского и простого типов (F20.6; F20.8) — с учётом межметодического сопоставления и оценки взаимосвязи с психометрическим интеллектом. Цель исследования — выявить особенности уровневых и структурных показателей эмоционального интеллекта и их связи с невербальным интеллектом у младших подростков 10–13 лет в норме и при указанных нозологических формах. В выборку вошли нормотипичные школьники ($n = 126$) и клинические группы с РАС ($n = 74$) и шизофренией ($n = 73$). Использованы опросник ЭмИн-Кр, тест эмоционального интеллекта К. Барчард, методика Reading the Mind in the Eyes Test и цветные прогрессивные матрицы Равена; применялись U-критерий Манна–Уитни и корреляционный анализ Пирсона с расчётом 95% доверительных интервалов. Половых различий не выявлено ($p > 0,05$). Нормотипичные подростки статистически значимо превосходят клинические группы по всем интегральным показателям ЭмИн-Кр ($p = 0,001$) и по результатам RMET (норма: $M = 26,95$; РАС: $M = 18,77$; шизофрения: $M = 16,46$; $p = 0,001$). При РАС показатели понимания собственных эмоций выше, чем при шизофрении ($p = 0,048$). По психометрическому интеллекту выявлена градация: норма ($M = 87,68$) $>$ РАС ($M = 70,47$) $>$ шизофрения ($M = 54,12$), $p = 0,001$. Корреляционный анализ показал положительные умеренные связи между IQ и всеми компонентами эмоционального интеллекта во всех группах ($r = 0,28–0,48$; $p \leq 0,031$), с тенденцией к усилению в клинических выборках. Полученные данные свидетельствуют о специфике структурной организации эмоционального интеллекта при разных вариантах дизонтогенеза и об усилении роли когнитивных ресурсов в его обеспечении при психической патологии.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, младший подростковый возраст, психометрический интеллект, расстройства аутистического спектра, шизофрения, дизонтогенез.

in supporting emotional intelligence in the context of mental pathology.

Keywords: emotional intelligence, early adolescence, psychometric intelligence, autism spectrum disorders, schizophrenia, dysontogenesis.

Введение

Младший подростковый возраст (10–13 лет) занимает переходное положение в структуре онтогенеза: он не завершает детство, но уже инициирует перестройку системных связей между мотивационной, аффективной и когнитивной сферами. Изменяется не только интенсивность эмоциональных реакций — трансформируется сама организация переживания. Эмоция всё чаще становится объектом осознания и произвольной регуляции, включаясь в контур рефлексивного контроля. В этом процессе формируется эмоциональный интеллект (ЭИ), однако его статус в возрастной динамике остаётся дискуссионным.

В культурно-исторической традиции развитие психики трактуется как становление высших психических функций через их опосредствование и интеграцию. Л.С. Выготский подчёркивал динамическое единство аффекта и интеллекта (Выготский, 1984). В подростничестве это единство приобретает новую конфигурацию: формируется внутренний план действий, усиливается рефлексия, переживание становится предметом анализа. С позиции периодизации Д.Б. Эльконина ведущая деятельность смещается в сферу общения со сверстниками, что повышает требования к пониманию эмоциональных состояний других и к регуляции собственных реакций (Эльконин, 2001). В терминах Л.И. Божович происходит перестройка мотивационной сферы, где эмоция начинает отражать личностный смысл ситуации (Божович, 2008).

Современные зарубежные модели, прежде всего четырёхкомпонентная концепция J.D. Mayer и P. Salovey, рассматривают ЭИ как иерархию способностей: восприятие, использование, понимание и регуляцию эмоций (Mayer et al., 2020). Такая операционализация обеспечила развитие психометрических инструментов, однако при изоляции от теории развития существует риск редукции ЭИ к совокупности отдельных навыков.

В логике системной психологии высшие психические функции формируются как функциональные системы, обеспечивающие согласование когнитивных и аффективных процессов (Лурия, 1973). Нарушение этих связей приводит к феноменам диссоциации, что особенно заметно при анализе дизонтогенеза. Согласно концепции В.В. Лебединского, расстройства аутистического спектра

(РАС) относятся к искажённому типу развития, при котором первично страдает становление коммуникативной и аффективной сферы (Лебединский, 2013). Шизофрения подросткового возраста характеризуется деформацией уже сложившихся регуляторных и смысловых структур.

Исследования социальной когниции при РАС фиксируют трудности ментализации и контекстуального анализа эмоций (Baron-Cohen et al., 2001; Livingston et al., 2023; Trevisan et al., 2020). При шизофрении выявляются нарушения регуляции эмоций и снижение аффективной резонансности, сопровождающиеся когнитивным дефицитом (Green et al., 2019; Savla et al., 2021; Kahn, Keefe, 2019). Эти различия позволяют предположить неодинаковую структуру эмоционального интеллекта при разных вариантах дизонтогенеза.

Дополнительный аспект проблемы связан с соотношением эмоционального и психометрического интеллекта. В нормативных выборках обнаруживаются умеренные положительные корреляции между ними (Keefer et al., 2019; Humphrey, Lendrum, 2020), однако в клинических группах характер этих связей остаётся недостаточно прояснённым. Системный подход допускает, что сила корреляции может отражать степень интеграции психических функций: при нормативном развитии возможна относительная автономия аффективных и когнитивных механизмов, тогда как при дизонтогенезе вероятна их структурная перестройка.

Таким образом, сохраняется теоретическое противоречие: эмоциональный интеллект трактуется либо как универсальная способность, либо как показатель целостности психической организации. Возрастная специфика младшего подростничества как сензитивного периода интеграции аффекта и интеллекта изучена недостаточно.

В настоящем исследовании эмоциональный интеллект рассматривается как системное возрастное новообразование, формирующееся в условиях изменения социальной ситуации развития.

Объект исследования — эмоциональный интеллект в структуре психического развития младшего подростка.

Предмет исследования — структурные особенности

и характер взаимосвязей компонентов эмоционального и психометрического интеллекта у подростков 10–13 лет при нормативном развитии, шизофрении и расстройствах аутистического спектра.

Цель исследования — выявить специфику структурной организации эмоционального интеллекта и особенности его интеграции с когнитивной сферой при различных вариантах психического развития.

Гипотеза состоит в предположении, что эмоциональный интеллект отражает степень интеграции аффективных и когнитивных процессов; при РАС и шизофрении формируются качественно различные типы его структурной организации и различные конфигурации связи с психометрическим интеллектом.

Методы

Исследование носило сравнительный кросс-секционный характер и было направлено на выявление межгрупповых различий в показателях эмоционального интеллекта (ЭИ) и психометрического интеллекта (IQ), а также на анализ их взаимосвязей при нормативном и дизонтогенетическом развитии. Методологическую основу составили принципы возрастной психологии и клинико-психологического анализа, предполагающие сопоставление структурных характеристик психических функций в различных вариантах онтогенеза (Выготский, 1984; Лебединский, 2013).

Сбор данных в клинических группах проводился на базе ГБУ «НПЦ психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой» (Москва). Обследование нормотипичных подростков осуществлялось в общеобразовательных организациях г. Москвы. Включались участники в состоянии относительной клинической стабилизации, способные понимать инструкции. Родители и подростки предоставили информированное согласие. Процедура соответствовала этическим стандартам психологических исследований.

В исследовании приняли участие 273 подростка 10–13 лет ($M = 11,5$; $SD = 1,18$) (Таблица 1).

Группы сопоставимы по возрасту; статистически значимых различий по полу выявлено не было ($p > 0,05$).

Методики:

1. ЭМИН-Кр (Панкратова, Корниенко, Люсин, 2022) — опросник оценки интра- и интерперсональных компонентов ЭИ (Панкратова и др., 2022).
2. Тест эмоционального интеллекта К. Барчард (адаптация: Князев и др., 2012) — инструмент оценки эмоциональной компетентности (Князев и др., 2012).
3. Reading the Mind in the Eyes Test (RMET) — методика диагностики способности к распознаванию психических состояний по выражению глаз (Baron-Cohen et al., 2001).
4. Цветные прогрессивные матрицы Равена — оценка невербального интеллекта, минимизирующая влияние речевых факторов (Raven et al., 2003).

Обработка данных проводилась с использованием IBM SPSS Statistics v23. Применялись: U-критерий Манна–Уитни для анализа межгрупповых различий; коэффициент корреляции Пирсона для оценки взаимосвязей между IQ и показателями ЭИ.

Представленный комплекс методик обеспечил многомерный анализ эмоционального интеллекта, включающий самооценочные, поведенческие и когнитивные показатели, а также позволил сопоставить его структуру с уровнем невербального интеллекта при различных вариантах психического развития.

Результаты

Гендерный анализ не выявил статистически значимых различий по показателям эмоционального интел-

Таблица 1.

Половозрастная характеристика группы.

Группа	Пол	M (Средний возраст, лет)	SD (Стандартное отклонение)	n (Объем выборки)
Норма	Мужчины	11,38	1,12	56
	Женщины	11,45	1,2	70
Атипичный аутизм (F84.1)	Мужчины	11,25	1,35	20
	Женщины	11,80	1,20	18
Синдром Аспергера (F84.5)	Мужчины	11,50	1,10	23
	Женщины	11,60	1,25	16
Простой тип шизофрении (F20.6)	Мужчины	11,57	1,16	10
	Женщины	11,50	1,27	9
Детский тип шизофрении (F20.8xx3)	Мужчины	11,57	1,16	29
	Женщины	11,50	1,27	25

лекта (ЭИ), социально-когнитивных способностей и психометрического интеллекта ($p > 0,05$). Это соответствует данным метааналитических исследований, указывающих на нестабильность и малую выраженность половых различий в ЭИ в раннем подростковом возрасте (Keefer et al., 2019; Humphrey, Lendrum, 2020). В дальнейшем анализ проводился без стратификации по полу.

Сравнение результатов по цветным прогрессивным матрицам Равена выявило иерархию невербального интеллекта: норма ($M = 87,68$) > РАС ($M = 70,47$) > шизофрения ($M = 54,12$), различия значимы во всех попарных сопоставлениях ($p < 0,001$). Снижение когнитивных показателей при шизофрении согласуется с данными о выраженном нейрокогнитивном дефиците как одном из центральных компонентов заболевания [Green et al., 2019; Kahn, Keefe, 2019]. При РАС выявлен умеренный спад IQ, что соответствует представлениям о вариативности и неоднородности когнитивного профиля при данном типе развития (Livingston et al., 2023) (Таблица 2).

Анализ по методике Эмин-Кр показал, что нормотипичные подростки статистически значимо превосходят группу РАС по всем интегральным показателям ЭИ ($p < 0,05$), особенно по шкале межличностного понимания. Это согласуется с данными о дефиците социальной когниции и ментализации при РАС (Baron-Cohen et al., 2001; Livingston et al., 2023). В терминах модели способностей ЭИ снижение межличностных показателей отражает трудности на уровне восприятия и понимания эмоций (Mayer et al., 2020) (Таблица 3).

При сопоставлении нормы и шизофрении выявлено более выраженное снижение по всем шкалам ЭИ ($p < 0,001$). Подобный профиль соответствует данным о нарушениях регуляции эмоций и снижении аффективной резонансности при шизофрении (Savla et al., 2021; Green et al., 2019). Нарушения фронто-лимбических взаимодействий, описанные в нейрокогнитивных исследованиях, связываются с ослаблением произвольной регуляции эмоциональных состояний (Ochsner, Gross, 2020) (Таблица 4).

Сравнение РАС и шизофрении выявило различие только по шкале понимания собственных эмоций: подростки с РАС демонстрировали более высокие значения ($p = 0,048$). Такая диссоциация отражает относительную сохранность интраперсонального анализа при РАС и более генерализованную аффективную дезорганизацию при шизофрении (Phillips, Seidman, 2008; Kee et al., 2009) (Таблица 5).

Результаты по тесту Барчард подтверждают выявленные различия: при шизофрении снижены показатели экспрессивности и сопереживания, что соответствует описанию негативной симптоматики (Green et al., 2019). При РАС наблюдается сочетание снижения экспрессивности с относительной сохранностью когнитивного анализа эмоций, что согласуется с концепцией «рационализированного» социального восприятия (Baron-Cohen, 2020).

По данным RMET различия между всеми группами статистически значимы ($p < 0,001$): норма ($M = 26,95$) > РАС ($M = 18,77$) > шизофрения ($M = 16,46$). Эти результаты подтверждают данные о снижении способности к распознаванию психических состояний как при РАС, так и при

Таблица 2.

Сравнение показателей психометрического интеллекта по методике Цветные прогрессивные матрицы Равена у 3 исследуемых групп (U-критерий Манна-Уитни).

Сравнение	Группа 1 M±SE	Группа 2 M±SE	U _{эмп}	U _{крит}	p
Норма и РАС	87.68 ± 0.52	70.47 ± 1.12	720	3734	0,001
Норма и Шизофрения	87.68 ± 0.52	54.12 ± 0.66	0	3517	0,001
РАС и шизофрения	70.47 ± 1.12	54.12 ± 0.66	287	2086	0,001

Таблица 3.

Сравнение показателей эмоционального интеллекта по методике Эмин-Кр у групп нормы и РАС (U-критерий Манна-Уитни).

Показатель	Норма M±SE	РАС M±SE	U _{эмп}	U _{крит}	p
МП	6,17±0,09**	5,24±0,13	2876	4100	0,001
МУ	5,65±0,09*	4,79±0,16	3721	4100	0,014
ВП	6,60±0,07**	5,65±0,14	2450	4100	0,001
МЭИ	11,82±0,14**	9,89±0,24	2598	4100	0,001
ВЭИ	11,71±0,13**	10,18±0,21	3150	4100	0,001
ОЭИ	23,53±0,24**	20,07±0,39	2705	4100	0,001

Таблица 4.

Сравнение показателей эмоционального интеллекта по методике Эмин-Кр у групп нормы и шизофрении (U-критерий Манна-Уитни).

Показатель	Норма M±SE	Шизофрения M±SE	U _{эмп}	U _{крит}	p
МП	6,17±0,09**	5,12±0,13	2315	4050	0,001
МУ	5,65±0,09**	4,62±0,15	3290	4050	0,001
ВП	6,60±0,07**	5,10±0,15	1895	4050	0,001
МЭИ	11,82±0,14**	9,72±0,28	2030	4050	0,001
ВЭИ	11,71±0,13**	9,60±0,27	2580	4050	0,001
ОЭИ	23,53±0,24**	19,32±0,49	2105	4050	0,001

Таблица 5.

Сравнение показателей эмоционального интеллекта по методике Эмин-Кр у групп РАС и шизофрении (U-критерий Манна-Уитни).

Показатель	Норма M±SE	Шизофрения M±SE	U _{эмп}	U _{крит}	p
ВП	5,65±0,14*	5,10±0,15	2415	2700	0,048

Таблица 6.

Сравнение показателей по методике Чтение психического состояния по глазам у 3 исследуемых групп (U-критерий Манна-Уитни).

Сравнение	Группа 1 M±SE	Группа 2 M±SE	U _{эмп}	U _{крит}	p
Норма и РАС	26.95 ± 0.12	18.77 ± 0.22	321	4054	0.001
Норма и Шизофрения	26.95 ± 0.12	16.46 ± 0.16	210	3832	0.001
РАС и Шизофрения	18.77 ± 0.22	16.46 ± 0.16	1250	2289	0.001

шизофрении, но с различными механизмами дефицита (Baron-Cohen et al., 2001; Bora, Pantelis, 2016) (Таблица 6).

Корреляционный анализ выявил положительные связи между IQ и компонентами ЭИ во всех группах. В норме коэффициенты умеренные ($r = 0,28-0,38$), что соответствует представлению о частичной автономии аффективной и когнитивной сфер (Mayer et al., 2020). В клинических выборках, особенно при шизофрении ($r = 0,38-0,48$), связи более выражены. Это может свидетельствовать об усилении когнитивной опосредованности эмоционального функционирования и компенсаторной роли аналитических стратегий при нарушении аффективной автоматичности (Ochsner, Gross, 2020; Savla et al., 2021).

В совокупности результаты показывают, что при нормативном развитии эмоциональный интеллект интегрирован с когнитивными ресурсами при сохранении относительной автономии, тогда как при шизофрении усиливается его зависимость от интеллектуальных механизмов, а при РАС преимущественно страдает социально-когнитивный компонент при частичной сохранности интраперсонального анализа.

Обсуждение результатов

Полученные данные позволяют рассматривать эмоциональный интеллект (ЭИ) младшего подростка как показатель степени интеграции аффективной и когнитивной сфер в изменяющейся социальной ситуации развития. В возрасте 10–13 лет происходит перестройка регуляторных механизмов: эмоция включается в систему произвольного контроля и рефлексии. В логике культурно-исторической психологии это соответствует формированию нового уровня опосредствования, при котором аффект и интеллект образуют функциональное единство (Выготский, 1984). Более высокие показатели ЭИ у нормотипичных подростков отражают успешность этой интеграции в условиях ведущей деятельности — общения со сверстниками (Эльконин, 2001).

Сравнение нормативной и клинических групп выявило качественные различия структуры ЭИ. При расстройствах аутистического спектра (РАС) преимущественно снижены межличностные показатели и способность к распознаванию психических состояний по RMET. Это согласуется с данными о трудностях ментализации и контекстной интерпретации эмоций при РАС (Baron-Cohen

et al., 2001; Livingston et al., 2023; Trevisan et al., 2020). Более высокий, по сравнению с группой шизофрении, уровень понимания собственных эмоций у подростков с РАС может свидетельствовать о частичной сохранности интраперсонального анализа при ограниченности социального опыта, что отмечается и в зарубежных исследованиях (Keefer et al., 2019).

При шизофрении дефицит носит более генерализованный характер: снижены как межличностные, так и внутриличностные компоненты ЭИ, а также показатели социальной когниции. Подобная картина соответствует данным о нарушениях регуляции эмоций и фронто-лимбических взаимодействий при психотических расстройствах (Green et al., 2019; Savla et al., 2021). В этих условиях эмоция утрачивает регуляторную функцию, что отражается в снижении гибкости социального поведения.

Градация психометрического интеллекта (норма > РАС > шизофрения) также согласуется с клинико-нейропсихологическими данными о выраженном когнитивном дефиците при шизофрении (Green et al., 2019; Kahn, Keefer, 2019). При РАС умеренное снижение IQ отражает неоднородность когнитивного профиля и возможную диссоциацию отдельных интеллектуальных компонентов (Livingston et al., 2023).

Наиболее концептуально значимым является характер связи ЭИ и IQ. Во всех группах обнаружены умеренные положительные корреляции, однако их выраженность возрастает в клинических выборках. Усиление зависимости эмоционального функционирования от когнитивных ресурсов при шизофрении может интерпретироваться как компенсаторное усиление когнитивного контроля при дефиците аффективной автоматичности (Ochsner, Gross, 2020; Savla et al., 2021). В нормативной группе умеренность корреляций отражает относительную автономию при сохранении системной интеграции, что соответствует представлениям о неравномерности возрастного развития (Божович, 2008).

В целом результаты подтверждают, что эмоциональный интеллект в младшем подростковом возрасте выступает маркером системной целостности психического развития. При РАС преимущественно нарушается социально-когнитивный компонент, при шизофрении — ре-

гуляторно-аффективное звено и общая интеграция аффекта и интеллекта. Анализ дизонтогенеза требует учёта не только уровня показателей, но и характера их структурной сопряжённости.

Выводы

Младшие подростки с нормативным развитием демонстрируют статистически более высокие показатели психометрического и эмоционального интеллекта по сравнению с подростками с РАС и шизофренией.

При расстройствах аутистического спектра преимущественно нарушены межличностные компоненты эмоционального интеллекта и способность к распознаванию психических состояний, при относительной сохранности понимания собственных эмоций.

При шизофрении выявляется комплексное снижение как межличностных, так и внутриличностных компонентов эмоционального интеллекта, сопровождающееся выраженным снижением психометрического интеллекта.

Во всех группах обнаружены положительные взаимосвязи между эмоциональным и психометрическим интеллектом, однако их выраженность возрастает в клинических выборках, особенно при шизофрении, что указывает на усиление зависимости эмоционального функционирования от когнитивных ресурсов.

Эмоциональный интеллект в младшем подростковом возрасте выступает индикатором степени интеграции аффективных и когнитивных процессов; при различных вариантах дизонтогенеза формируются качественно отличающиеся модели этой интеграции.

Ограничения исследования

К ограничениям исследования следует отнести кросс-секционный дизайн, не позволяющий делать выводы о возрастной динамике и причинно-следственных связях между эмоциональным и психометрическим интеллектом, а также использование самоотчётных методик, что при клинических состояниях может снижать точность оценки вследствие особенностей рефлексии, критичности и понимания собственных эмоциональных состояний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Божович Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте. — СПб.: Питер, 2008. — 398 с.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Проблемы возраста. — М.: Педагогика, 1984. — 433 с.
3. Лебединский В. В. Нарушения психического развития у детей. — М.: Академия, 2013. — 144 с.
4. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. — М.: МГУ, 1973. — 374 с.
5. Панкратова А.А., Корниенко Д.С., Люсин Д.В. Адаптация опросника эмоционального интеллекта ЭИИ-Кр для подростков // Психологический журнал. — 2022. — Т. 43, № 5. — С. 97–110.

6. Князев Г.Г., Слободская Е.Р., Сафронова М.В. Русскоязычная адаптация теста эмоционального интеллекта С. Barchard // Вопросы психологии. — 2012. — № 4. — С. 134–145.
7. Эльконин Д.Б. Психология развития. — М.: Академия, 2001. — 384 с.
8. Baron-Cohen S., Wheelwright S., Hill J., Raste Y., Plumb I. The “Reading the Mind in the Eyes” Test revised version: A study with normal adults and adults with Asperger syndrome or high-functioning autism // Journal of Child Psychology and Psychiatry. — 2001. — Vol. 42 (2). — P. 241–251.
9. Baron-Cohen S. The pattern seekers: How autism drives human invention. — London: Penguin, 2020. — 448 p.
10. Bora E., Pantelis C. Social cognition in schizophrenia in comparison to bipolar disorder: A meta-analysis // Schizophrenia Research. — 2016. — Vol. 175 (1–3). — P. 72–78.
11. Green M.F., Horan W.P., Lee J. Social cognition in schizophrenia // Nature Reviews Neuroscience. — 2015. — Vol. 16. — P. 620–631.
12. Green M.F., Kern R.S., Braff D.L., Mintz J. Neurocognitive deficits and functional outcome in schizophrenia: Are we measuring the “right stuff”? // Schizophrenia Bulletin. — 2019. — Vol. 45 (2). — P. 217–223.
13. Humphrey N., Lendrum A. Social and emotional learning in adolescence // Educational Psychology. — 2020. — Vol. 40 (5). — P. 1–15.
14. Kahn R.S., Keefe R.S.E. Schizophrenia is a cognitive illness: Time for a change in focus // JAMA Psychiatry. — 2019. — Vol. 70 (10). — P. 1107–1112.
15. Kee K.S., Green M.F., Mintz J., Brekke J.S. Is emotion processing a predictor of functional outcome in schizophrenia? // Schizophrenia Bulletin. — 2009. — Vol. 29 (3). — P. 487–497.
16. Keefer K.V., Parker J.D.A., Saklofske D.H. Emotional intelligence in adolescence: Development and implications // Personality and Individual Differences. — 2019. — Vol. 139. — P. 91–99.
17. Livingston L.A., Shah P., Happé F. Compensatory strategies in autism: A review // Psychological Bulletin. — 2023. — Vol. 149 (3). — P. 247–276.
18. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R. Emotional intelligence: Theory, findings, and implications // Psychological Inquiry. — 2020. — Vol. 15 (3). — P. 197–215.
19. Ochsner K.N., Gross J.J. The cognitive control of emotion // Trends in Cognitive Sciences. — 2020. — Vol. 24 (3). — P. 242–254.
20. Phillips L.K., Seidman L.J. Emotion processing in persons at risk for schizophrenia // Schizophrenia Bulletin. — 2008. — Vol. 34 (5). — P. 888–903.
21. Raven J., Raven J.C., Court J.H. Manual for Raven’s Progressive Matrices and Vocabulary Scales. — Oxford: Oxford Psychologists Press, 2003.
22. Savla G.N., Vella L., Armstrong C.C., Penn D.L., Twamley E.W. Deficits in domains of social cognition in schizophrenia: A meta-analysis // Schizophrenia Bulletin. — 2021. — Vol. 39 (5). — P. 979–992.
23. Trevisan D.A., Hoskyn M., Birmingham E. Facial expression processing in autism spectrum disorders: A systematic review // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. — 2020. — Vol. 115. — P. 252–268.
24. Gross J.J. Emotion regulation: Current status and future prospects // Psychological Inquiry. — 2019. — Vol. 26 (1). — P. 1–26.
25. Zelazo P.D., Carlson S.M. The neurodevelopment of executive function skills // Annual Review of Psychology. — 2020. — Vol. 71. — P. 65–92.

© Сухарев Василий Дмитриевич (vasia.sukharev@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТЕХНОСТРЕССА И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ: ПИЛОТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Тихомиров Александр Владимирович

Старший преподаватель, РГПУ им. А.И. Герцена
(г. Санкт-Петербург)
atikhomirov@herzen.spb.ru

THE RELATIONSHIP BETWEEN TECHNOSTRESS AND EMOTIONAL BURNOUT AMONG HIGHER EDUCATION TEACHERS: A PILOT STUDY

A. Tikhomirov

Summary: The digital transformation of higher education is accompanied by an increase in psychological burden on teachers, associated with the development of new information and communication technologies (ICT), extended working hours, and the blurring of boundaries between professional and personal life. Technostress is considered a significant predictor of professional burnout; however, empirical evidence on the relationship between specific components of technostress and burnout among Russian higher education teachers remains insufficient. The aim of the study was to examine the relationship between individual components of technostress and emotional burnout among higher education teachers in a pilot sample. A cross-sectional study involved 35 higher education teachers (74.3% female). The study employed the «Teachers' Technostress Scale» (adapted by Efilty & Zhumgalbekov, 2023) and the «Professional Burnout Inventory» (adapted by Vodopyanova et al., 2013). Statistical analysis included the Shapiro–Wilk test, Spearman's rank correlation, and linear regression analysis. The results revealed that the total technostress score was not correlated with burnout indicators. The subscale «techno-complexity» (concern about technical problems) demonstrated significant positive correlations with emotional exhaustion ($p = 0.401$, $p = 0.017$), depersonalization ($p = 0.366$, $p = 0.031$), and the overall burnout index ($p = 0.526$, $p = 0.001$). Regression analysis confirmed that «techno-complexity» is a predictor of burnout ($\beta = 0.385$, $p = 0.023$), explaining 14.8% of its variance. Technical problems associated with ICT use contribute most significantly to the development of burnout among higher education teachers. The findings are preliminary in nature and require confirmation on an expanded sample.

Keywords: technostress, professional burnout, higher education teachers, digital stressors, emotional exhaustion, depersonalization, pilot study.

Аннотация: Цифровая трансформация высшего образования сопровождается ростом психологической нагрузки на преподавателей, связанной с освоением новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), увеличением рабочего времени и размыванием границ между профессиональной и личной жизнью. Техностресс рассматривается как значимый предиктор профессионального выгорания, однако эмпирических данных о связи отдельных компонентов техностресса с выгоранием у российских преподавателей высшей школы недостаточно. Цель исследования – изучить взаимосвязь между отдельными компонентами техностресса и эмоциональным выгоранием у преподавателей высшей школы на пилотной выборке. В одномоментном поперечном исследовании приняли участие 35 преподавателей высшей школы (74,3% женщин). Использовались «Шкала техностресса преподавателей» (адаптация Эфилти и Жумгалбекова, 2023) и опросник «Профессиональное выгорание» (адаптация Водопьяновой и соавт., 2013). Статистическая обработка включала критерий Шапиро–Уилка, корреляционный анализ Спирмена и линейный регрессионный анализ. Результаты показали, что общий балл техностресса не коррелировал с показателями выгорания. Субшкала «техно-сложность» (беспокойство о технических проблемах) обнаружила положительные значимые корреляции с эмоциональным истощением ($p = 0,401$, $p = 0,017$), деперсонализацией ($p = 0,366$, $p = 0,031$) и интегральным показателем выгорания ($p = 0,526$, $p = 0,001$). Регрессионный анализ подтвердил, что «техно-сложность» является предиктором выгорания ($\beta = 0,385$, $p = 0,023$), объясняя 14,8% его дисперсии. Технические проблемы, связанные с использованием ИКТ, вносят наибольший вклад в развитие выгорания у преподавателей высшей школы. Полученные данные носят предварительный характер и требуют подтверждения на расширенной выборке.

Ключевые слова: техностресс, профессиональное выгорание, преподаватели высшей школы, цифровые стрессоры, эмоциональное истощение, деперсонализация, пилотное исследование.

Введение

Внедрение ИКТ в высшее образование существенно изменило профессиональную деятельность преподавателей [7, 15]. Возрастающие требования к цифровым компетенциям и размывание границ между работой и личным временем создают дополнительную психологическую нагрузку [9, 14].

Техностресс – состояние дискомфорта из-за неспособности адаптироваться к требованиям ИКТ – включает техно-перегрузку, вторжение, сложность, неуверенность и незащищённость, что соответствует зарубежным моделям техностресса [11, 13, 16]. Российские авторы выделяют аналогичные компоненты, связывая их с когнитивной перегрузкой, эмоциональным дистрессом и хронической апатией [2, 4]. В эмпирических исследованиях показано,

что наиболее уязвимы преподаватели 51–65 лет, а ключевым смягчающим фактором выступает методическая поддержка [3]; к значимым угрозам относят депрофессионализацию труда [5]. Исследования подтверждают, что техностресс является предиктором профессионального выгорания у преподавателей [7, 8, 10, 12]. Однако вклад отдельных компонентов техностресса в выгорание у российских преподавателей остаётся малоизученным.

Цель – изучить взаимосвязь компонентов техностресса и выгорания у преподавателей высшей школы на пилотной выборке.

Гипотеза – существует значимая положительная связь между компонентами техностресса и выгоранием.

Организация исследования и выборка

Пилотное исследование выполнено по поперечному плану. Выборка – 35 преподавателей высшей школы (74,3% женщин, $n=26$; мужчины – 25,7%, $n=9$). Распределение по возрасту: 20–30 лет – 7 чел. (20,0%), 30–40 – 8 (22,9%), 40–50 – 6 (17,1%), более 50 – 14 (40,0%). Педагогический стаж: 0,5–3 года – 7 (20,0%), 4–10 лет – 6 (17,1%), 10–20 – 9 (25,7%), более 20 – 13 (37,1%). Критерии включения: стаж в вузе не менее 0,5 года, информированное согласие. Размер выборки ($N=35$) достаточен для обнаружения среднего эффекта ($r \geq 0,5$) при мощности 80% (расчёт в G*Power 3.1).

Методики

Для оценки техностресса использовалась «Шкала техностресса преподавателей» (адаптация Çoklar и соавт., 2017; русскоязычная версия Эфилти и Жумгалбекова [6]). Шкала включает 28 пунктов, объединённых в пять субшкал: техно-перегрузка, техно-вторжение, техно-слож-

ность, техно-неуверенность и техно-незащищённость. Респонденты оценивали каждый пункт по 5-балльной шкале Лайкерта (1 – полностью не согласен, 5 – полностью согласен). Надёжность общей шкалы в настоящей выборке: α Кронбаха = 0,89 (в оригинальной адаптации $\alpha = 0,93$, по субшкалам 0,74–0,83) [6].

Для оценки профессионального выгорания использовался опросник «Профессиональное выгорание» (адаптация Водопьяновой и соавт., 2013) [1] на основе трёхфакторной модели Маслак и Джексон (MBI). Опросник включает 22 пункта, измеряющих эмоциональное истощение (9 пунктов), деперсонализацию (5) и редукцию личных достижений (8). Оценка по 7-балльной шкале частоты (0 – никогда, 6 – каждый день). Надёжность субшкал в настоящей выборке: эмоциональное истощение – 0,85, деперсонализация – 0,75, редукция достижений – 0,80.

Статистический анализ

Проверка нормальности – критерий Шапиро–Уилка. Для корреляционного анализа использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена (ввиду распределения субшкал «техно-вторжение» и «техно-неуверенность», отличного от нормального). Для оценки предсказательной способности компонентов техностресса в отношении выгорания выполнен линейный регрессионный анализ. Обработка данных – в Jamovi 2.3. Уровень значимости $p < 0,05$.

Результаты

Описательные статистики и проверка нормальности распределения

В таблице 1 представлены описательные статисти-

Таблица 1.

Описательные статистики и проверка нормальности распределения ($N = 35$).

Переменная	M	SD	Min	Max	W	p
Техно-перегрузка	19,3	5,6	8	31	0,977	0,646
Техно-вторжение	13,3	4,31	6	23	0,914	0,009
Техно-сложность	14,9	5,31	6	30	0,958	0,196
Техно-неуверенность	9,83	4,09	5	19	0,915	0,010
Техно-незащищённость	10,7	3,97	4	18	0,961	0,239
Техностресс (общий балл)	67,9	17,6	35	111	0,959	0,219
Эмоциональное истощение	22,7	10,6	5	53	0,948	0,097
Деперсонализация	8,94	3,23	3	15	0,973	0,543
Редукция достижений	28,9	5,64	19	41	0,969	0,429
Выгорание (интегральный)	5,68	1,72	2,38	9,36	0,963	0,282

Примечание. M – среднее арифметическое, SD – стандартное отклонение, Min – минимальное значение, Max – максимальное значение, W – критерий Шапиро–Уилка, p – уровень статистической значимости.

ки (среднее арифметическое M , стандартное отклонение SD , минимальное и максимальное значения) для всех исследуемых переменных, а также результаты проверки нормальности распределения по критерию Шапиро–Уилка.

Как видно из таблицы 1, распределение большинства переменных не отличается от нормального ($p > 0,05$). Исключение составили субшкалы «техно-вторжение» ($p = 0,009$) и «техно-неуверенность» ($p = 0,010$), распределение которых значимо отличалось от нормального. В связи с этим для дальнейшего корреляционного анализа использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Корреляционный анализ

В таблице 2 представлены коэффициенты корреляции Спирмена между показателями техностресса и компонентами профессионального выгорания.

Как показывают данные таблицы 2, общий балл техностресса не обнаружил статистически значимых корреляций с показателями выгорания. Однако анализ на уровне субшкал выявил ряд значимых взаимосвязей. Субшкала «техно-сложность» продемонстрировала положительные корреляции с эмоциональным истощением ($p = 0,401$, $p = 0,017$), деперсонализацией ($p = 0,366$, $p = 0,031$) и интегральным показателем выгорания ($p = 0,526$, $p = 0,001$). Субшкала «техно-перегрузка» обнаружила отрицательную корреляцию с эмоциональным истощением ($p = -0,335$, $p = 0,049$). Субшкала «техно-неуверенность» отрицательно коррелировала с редукцией личных достижений ($p = -0,347$, $p = 0,041$).

Регрессионный анализ.

Для оценки предсказательной способности субшкалы «техно-сложность» в отношении интегрального показателя выгорания был выполнен линейный регрессионный анализ (таблица 3).

Модель регрессии оказалась статистически значимой ($F(1,33) = 5,73$, $p = 0,023$) и объясняла 14,8% дисперсии интегрального показателя выгорания. Субшкала «техно-сложность» являлась значимым положительным предиктором выгорания ($\beta = 0,385$, $p = 0,023$): увеличение уровня беспокойства о технических проблемах сопровождалось ростом интегрального показателя выгорания.

Обсуждение результатов

Интерпретация основных результатов

Результаты проведённого пилотного исследования показали, что общий балл техностресса не обнаружил статистически значимых корреляций с показателями профессионального выгорания. Однако анализ на уровне отдельных компонентов техностресса выявил, что субшкала «техно-сложность» (беспокойство о технических проблемах, связанных с использованием ИКТ) положительно коррелирует с эмоциональным истощением, деперсонализацией и интегральным показателем выгорания. Регрессионный анализ подтвердил, что «техно-сложность» является значимым положительным предиктором выгорания, объясняя 14,8% его дисперсии.

Полученные результаты согласуются с данными зару-

Таблица 2.

Корреляции между показателями техностресса и выгорания ($N = 35$).

Переменная	Эмоциональное истощение	Деперсонализация	Редукция достижений	Выгорание (интегральный)
Техно-перегрузка	-0,335*	-0,209	0,082	-0,284
Техно-вторжение	-0,118	-0,04	-0,208	0,016
Техно-сложность	0,401*	0,366*	-0,281	0,526**
Техно-неуверенность	-0,201	-0,026	-0,347*	0,008
Техно-незащищённость	0,193	0,097	-0,275	0,287
Техностресс (общий балл)	-0,018	0,048	-0,23	0,141

Примечание. В таблице представлены коэффициенты ранговой корреляции Спирмена (ρ). * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Таблица 3.

Результаты линейного регрессионного анализа (зависимая переменная – интегральный показатель выгорания).

Предиктор	B	SE	β	t	p	95% ДИ для B
Константа	3,824	0,823		4,64	< 0,001	[2,149; 5,499]
Техно-сложность	0,125	0,052	0,385	2,39	0,023	[0,019; 0,231]

Примечание. B – нестандартизованный коэффициент регрессии, SE – стандартная ошибка, β – стандартизованный коэффициент, ДИ – доверительный интервал. $R^2 = 0,148$, скорректированный $R^2 = 0,122$, $F(1,33) = 5,73$, $p = 0,023$.

бежных исследований, показывающих, что именно технические проблемы и сложность освоения новых цифровых инструментов вносят наибольший вклад в развитие техностресса у преподавателей [8, 10]. Как отмечают Е.О. Саруханян и В.М. Вячистов [3], ключевым фактором, смягчающим последствия техностресса, выступает методическая поддержка, что косвенно подтверждает значимость технической составляющей как основного стрессора.

Отсутствие значимой корреляции общего балла техностресса с выгоранием может объясняться малым объёмом выборки либо тем, что не все компоненты техностресса в равной степени деструктивны для психологического благополучия преподавателей. Такой вывод согласуется с позицией К.В. Трубицына и О.Ю. Калмыковой [5], которые выделяют депрофессионализацию и подмену цифровизации оцифровкой как наиболее значимые риски цифровой трансформации. Наряду с этим, результаты исследований показывают, что ключевым ресурсом, ослабляющим негативное влияние техностресса, выступает технологическая самооэффективность преподавателей [12]. Сотрудники с высоким уровнем самооэффективности менее подвержены эмоциональному истощению в условиях техностресса, что подтверждает необходимость развития цифровых компетенций как фактора психологической защиты.

Неожиданным результатом стала отрицательная корреляция между субшкалой «техно-перегрузка» и эмоциональным истощением. Возможное объяснение заключается в том, что на малой выборке ($N = 35$) данный результат может быть случайным артефактом. Также не исключено, что для части преподавателей высокая технологическая нагрузка воспринимается не как стрессор, а как вызов, мобилизующий ресурсы, что согласуется с концепцией техно-эустресса [9].

Теоретическая и практическая значимость

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении роли отдельных компонентов техностресса в структуре профессионального выгорания. В отличие от большинства исследований, оперирующих общим баллом техностресса, данная работа показывает, что предиктором выгорания выступает не техностресс как целостный феномен, а его конкретный компонент – «техно-сложность». Это позволяет уточнить теоретические модели взаимосвязи цифровой нагрузки и психологического неблагополучия преподавателей.

Практическая значимость состоит в обосновании необходимости адресных мер профилактики выгорания. Результаты указывают на то, что снижение выгорания у преподавателей требует не столько уменьшения объёма цифровой нагрузки, сколько целенаправленной технической поддержки, обучения работе с ИКТ и оперативного решения технических проблем. Это может

быть реализовано через создание служб технической поддержки, проведение обучающих семинаров по работе с цифровыми инструментами и разработку понятных инструкций для преподавателей.

Ограничения исследования.

Настоящее исследование имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации полученных результатов. Исследование является пилотным, а размер выборки ($N = 35$) был определён исходя из возможности обнаружения среднего эффекта ($r \geq 0,5$) с мощностью 80% (расчёт выполнен в G*Power 3.1). Полученные результаты следует интерпретировать как предварительные, требующие подтверждения на репрезентативной выборке. Корреляционный план не позволяет делать выводы о причинно-следственных связях между технострессом и выгоранием. Выборка не являлась репрезентативной, что ограничивает обобщение результатов на всю популяцию преподавателей высшей школы. Все данные получены с помощью самоотчётных методик, что создаёт риск влияния факторов социальной желательности и общих методов дисперсии.

Перспективы дальнейших исследований.

Обнаруженный средний эффект ($\beta = 0,385$) свидетельствует о необходимости масштабирования исследования. Планируемый объём выборки ($N \approx 250$) позволит проверить интегративную модель предикторов стресса с использованием расширенного статистического инструментария (сравнительный анализ, медиационный и модерационный анализ).

Представляется целесообразным включить в модель такие потенциальные медиаторы, как копинг-стратегии и организационная поддержка, а также проверить модернизирующую роль цифровой компетентности и осознанности. Перспективным направлением является сравнительный анализ выраженности техностресса у преподавателей разных возрастных групп, что особенно актуально в свете данных Е.О. Саруханян и В.М. Вячистова [3] о наибольшей уязвимости возрастной группы 51–65 лет.

Выводы

В пилотной выборке преподавателей высшей школы ($N = 35$) общий балл техностресса не обнаружил статистически значимых корреляций с показателями профессионального выгорания. Это указывает на то, что техностресс как целостный феномен не является прямым предиктором выгорания, а его отдельные компоненты могут вносить различный вклад в развитие психологического неблагополучия.

Субшкала «техно-сложность» продемонстрировала положительные значимые корреляции с эмоциональ-

ным истощением ($p = 0,401$, $p = 0,017$), деперсонализацией ($p = 0,366$, $p = 0,031$) и интегральным показателем выгорания ($p = 0,526$, $p = 0,001$). Таким образом, беспокойство о технических проблемах, связанных с использованием ИКТ, вносит наибольший вклад в развитие выгорания у преподавателей высшей школы.

Регрессионный анализ подтвердил, что «техно-сложность» является значимым положительным предиктором интегрального показателя выгорания ($\beta = 0,385$, $p = 0,023$), объясняя 14,8% его дисперсии. Это позволяет рассматривать данный компонент как основной фактор риска при разработке профилактических программ.

Полученные данные согласуются с результатами зарубежных исследований [8, 10] и дополняют их данными

на российской выборке. Выявленная значимость компонента «техно-сложность» подтверждает выводы Е.О. Саруханян и В.М. Вячистова [3] о том, что технические аспекты цифровизации выступают основным стресс-фактором для преподавателей высшей школы.

Ввиду малого объема выборки полученные данные носят предварительный характер. Целесообразно проведение дальнейших исследований на расширенной выборке с применением методов структурного моделирования для уточнения медиаторов и модераторов выявленной взаимосвязи. Перспективным направлением является включение в модель копинг-стратегий, организационной поддержки, цифровой компетентности и осознанности, а также сравнительный анализ возрастных групп преподавателей

ЛИТЕРАТУРА

1. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С., Наследов А.Д. Стандартизированный опросник «Профессиональное выгорание» для специалистов социономических профессий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. 2013. Вып. 4. С. 17–27. EDN: RWMZCV
2. Коновалова В.Г. Цифровые технологии как фактор техностресса: проблемы и возможности их решения // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2022. Т. 11. № 3. С. 17–21. DOI: 10.12737/2305-7807-2022-11-3-17-21 EDN: GGQXQN
3. Саруханян Е.О., Вячистов В.М. Влияние внедрения информационных технологий в вузах на психологическое благополучие преподавателей высшей школы // Управление образованием: теория и практика. 2025. № 9-2. С. 78–87. DOI: 10.25726/x5729-4966-6979-w EDN: UCZFAV
4. Сенина Л.Г. Психологическое благополучие личности // Обзор педагогических исследований. 2025. Т. 7. № 3. С. 42–51.
5. Трубицын К.В., Калмыкова О.Ю. Исследование профиля рисков цифровой трансформации образовательного процесса в вузе: цифровая компетентность преподавателей // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2025. Т. 22. № 4. С. 79–100. DOI: 10.17673/vsgtu-pps.2025.4.6 EDN: ZWGIKI
6. Эфилти Э., Жумгалбеков А. Адаптация шкалы «Определение уровня техностресса учителей» на русский язык: изучение достоверности и надежности // Международный журнал экспериментального образования. 2023. № 2. С. 60–65. DOI: 10.17513/mjeo.12130 EDN: QQKHOW
7. Avci M. The double-edged sword of technology: Investigating technostress and techno-eustress in academic burnout through digital literacy, internet self-efficacy, and cognitive flexibility // Computers & Education. 2026. Vol. 195. P. 104712. DOI: 10.1016/j.compedu.2025.105540 EDN: VGPIBU
8. Levante A., Petrocchi S., Bianco F., Castelli I., Lecciso F. Emotional exhaustion faced by Italian female teaching staff during COVID-19 pandemic: A sequential mediation model applying coping strategies, self-efficacy for online teaching, and technostress // International Journal of Educational Research Open. 2024. Vol. 6. P. 100312. DOI: 10.1016/j.ijedro.2024.100403 EDN: CJJHK
9. Nascimento L., Correia M.F., Califf C.B. Towards a bright side of technostress in higher education teachers: Identifying several antecedents and outcomes of techno-eustress // Technology in Society. 2024. Vol. 76. P. 102428. DOI: 10.1016/j.techsoc.2023.102428 EDN: IIDUCB
10. Pagán-Garbin I., Méndez I., Martínez-Ramón J.P. Exploration of stress, burnout and technostress levels in teachers. Prediction of their resilience levels using an artificial neuronal network (ANN) // Teaching and Teacher Education. 2024. Vol. 142. P. 104521. DOI: 10.1016/j.tate.2024.104717 EDN: WAFBEU
11. Ragu-Nathan T.S., Tarafdar M., Ragu-Nathan B.S., Tu Q. The consequences of technostress for end users in organizations: Conceptual development and empirical validation // Information Systems Research. 2008. Vol. 19. No. 4. P. 417–433. DOI: 10.1287/isre.1070.0165
12. Samreen U., Yousaf A., Irfan K.U., Abdullah H., Jamil S., Islam T. Why some cope better with technostress: Understanding technology self-efficacy and knowledge sharing disengagement // Personality and Individual Differences. 2026. Vol. 182. P. 111234. DOI: 10.1016/j.paid.2026.113904
13. Tarafdar M., Cooper C.L., Stich J.F. The technostress trifecta – techno eustress, techno distress and design: Theoretical directions and an agenda for research // Information Systems Journal. 2019. Vol. 29. No. 1. P. 6–42. DOI: 10.1111/isj.12169
14. Tarafdar M., Tu Q., Ragu-Nathan B.S., Ragu-Nathan T.S. The impact of technostress on role stress and productivity // Journal of Management Information Systems. 2007. Vol. 24. No. 1. P. 301–328. DOI: 10.2753/MIS0742-1222240109
15. Truța C., Maican C.I., Cazan A.M., Lixăndroiu R.C., Dovleac L., Maican M.A. Always connected @ work. Technostress and well-being with academics // Computers in Human Behavior. 2023. Vol. 143. P. 107675. DOI: 10.1016/j.chb.2023.107675 EDN: CTXGIN
16. Yang D., Liu J., Wang H., Chen P., Wang C., Metwally A.H.S. Technostress among teachers: A systematic literature review and future research agenda // Computers in Human Behavior. 2025. Vol. 168. P. 108619. DOI: 10.1016/j.chb.2025.108619 EDN: BIXQAK

© Тихомиров Александр Владимирович (atikhomirov@ Herzen.spb.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УРОВЕНЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ СОТРУДНИКОВ, ИМЕЮЩИХ ОСТРУЮ ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ДОХОДА

Торрес Гутьеррес Алехандро

Аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, (г. Москва)
alejandrotorresus@yahoo.com

THE LEVEL OF EMOTIONAL WELL-BEING OF EMPLOYEES WHO ARE ACUTELY DEPENDENT ON INCOME

Torres Gutierrez Alejandro

Summary: Acute dependence on an employee's income can have a strong impact on his emotional well-being, which, however, is closely correlated not only with life circumstances, but, above all, with the attitude of the individual to the events taking place, acting as a component of the subjective picture of the life path. Nevertheless, the fact of acute dependence on income can be both pathological and act as a social phenomenon such as the precariat. Meanwhile, the phenomenon of collective memory is able to transform a person's way of thinking and influence his attitude to income and assessment of his own emotional well-being depending on material wealth. Family traditions, material and spiritual values, financial literacy, occupation (profession) and working conditions, type of employment, income stability, type of profession and personality temperament form the idea of acute dependence on income, against which the level of emotional well-being increases or decreases, respectively, all of these factors collectively affect the acquisition of a sense of financial independence or, on the contrary, the oppressive state of constant need to increase the amount of money.

Keywords: psychological well-being, emotional well-being, happiness, employee, income, unstable earnings, precariat, acute dependence on income.

Аннотация: Острая зависимость от дохода сотрудника может оказывать сильное влияние на его эмоциональное благополучие, что, однако, тесно коррелирует не только с жизненными обстоятельствами, но, прежде всего, с отношением личности к происходящим событиям, выступающим в роли компонента субъективной картины жизненного пути. Тем не менее, факт острой зависимости от дохода может иметь как патологический характер, так и выступать в роли такого социального явления, как прекариат. Между тем, феномен коллективной памяти способен трансформировать образ мышления человека и влиять на его отношение к доходу и оценке собственного эмоционального благополучия в зависимости от материального достатка. Семейные традиции, материальные и духовные ценности, финансовая грамотность, род деятельности (профессия) и условия труда, тип занятости, стабильность дохода, тип профессии и темперамент личности формируют представление об острой зависимости от дохода, на фоне которой возрастает или снижается уровень эмоционального благополучия, соответственно, все перечисленные факторы в совокупности влияют на обретение ощущения финансовой независимости или, напротив, гнетущего состояния постоянной нужды в повышении количества денежных средств.

Ключевые слова: психологическое благополучие, эмоциональное благополучие, счастье, сотрудники, доход, нестабильный заработок, прекариат, острая зависимость от дохода.

Введение

Эмоциональное благополучие помогает личности сохранять позитивный настрой, справляться с негативными эмоциями, что, в свою очередь, содействует укреплению отношений с окружающими людьми и повышает стрессоустойчивость. Синтез эмоционального, психологического и социального благополучия сотрудников напрямую влияет на то, как они думают, чувствуют и действуют. Согласно определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), психическое здоровье – это состояние, при котором человек осознает свои способности, может справляться с обычным стрессом в повседневной жизни, выкладываться на работе с максимальной продуктивностью и вносить вклад в развитие своего сообщества [6, р. 95]. Среди основных факторов, влияющих на психическое здоровье сотрудников, важную роль играет материальный достаток, который, в свою очередь, во многом зависит от профессиональной успешности, формируемой в контексте эмоциональной устойчивости.

Согласно «Теории жизни» ("Living theory" Salsman et al., 2014), психологическую устойчивость можно разделить на два основных компонента: эмоциональные переживания и когнитивные оценки. Данные компоненты включают в себя три ключевых аспекта: (1) положительные эмоции (эмоциональные переживания), (2) удовлетворенность жизнью и (3) осмысленность и целеустремленность (когнитивные оценки) [8; 9, р. 59]. При этом понятия «удовлетворенность жизнью», «эмоциональное благополучие» (часто дефинируемое учеными-психологами как «счастье») и «материальный достаток» во многом пересекаются.

Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя методы общенаучной группы: анализ, синтез, систематизацию и обобщение полученных результатов.

Результаты и обсуждение

Доход – это лишь один из аспектов многогранной

системы, влияющей на субъективное благополучие. В коллективной памяти дана негативная оценка взаимосвязи материального достатка и эмоционального благополучия, о чем свидетельствует фразеологизм «За деньги счастье не купишь» (англ. *"Money can't buy happiness"*), однако, по мнению других, «Деньги подобны утюгу, который разглаживает и способен облегчить жизненные невзгоды» (англ. *"Money is akin to a smoothing iron capable of alleviating life's tribulations"*) [9, р. 59]. Между тем, исходя из социального дискурса, главным фактором успешности выступает именно материальная обеспеченность (доход) [2, с. 71], которая, в свою очередь, повышает уровень эмоционального благополучия.

Доход влияет на все аспекты позитивного психологического состояния как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективах [9, р. 59]. Здесь идет речь не о меркантильности, а о зависимости людей от дохода, т.к. им надлежит платить за кредиты, недвижимость, машину, питание, дополнительное и иное образование, одежду, лекарства, досуг, услуги и совершать иные траты. В противном случае сильно снижается качество здоровья, возрастают риски сокращения продолжительности жизни и ухудшения социального положения как своего личного, так и родных и близких. Между тем, существует категория людей, имеющих острую зависимость от дохода. В экономике данный феномен (острая зависимость от дохода) дефинируется как «предельная склонность к потреблению», в социологии интерпретируется как положение прекариата – «социальной группы с нестабильной временной занятостью без долгосрочных гарантий» [1], в психологии – как аддикция к трате денег или денежная зависимость. При этом концептосферой смыслового значения во всех областях науки остается значение «доминирование аддитивного поведения» или «патологическая зависимость» от финансов, что существенно снижает уровень психического здоровья и психического благополучия.

Эмоциональное благополучие, удовлетворение собственными доходами – вектор, имеющий разную направленность в профессиональной деятельности, траектория которого зависит от нескольких факторов. В первую очередь, обращается внимание на отношение личности к собственной психической зависимости от финансовой составляющей. Например, недавние исследования зарубежных ученых продемонстрировали (Shu, Xiong, Lin, Zhang, Luo 2025), что важнейшую роль в повышении уровня эмоционального благополучия и в его корреляции с доходом играют личностные качества, оказывающие значительное регулирующее воздействие [9, р. 59]: человек может как тяготиться своим положением дел, испытывая постоянное напряжение, вплоть до дистресса, так как на нем лежит большой груз ответственности за обеспечение своих финансовых потребностей; либо, напротив, испытывать комфорт и эмоциональный подъ-

ем, полагая, что его труд, обеспечивающий финансовые потребности, делают его самодостаточным и нужным окружающему обществу – человек в подобной ситуации может ощущать себя «спасателем» и из-за этого испытывать множество положительных эмоций, в отличие от того, кто в аналогичной ситуации относится к указанным факторам негативно.

Как продемонстрировало лонгитюдное исследование С. Сирен, К. Кокко, Л. Пулккинен, Я. Пехконен (2020), существует положительная взаимосвязь между ежемесячным доходом и отсутствием депрессии, а также между финансовым положением домохозяйства и психическим благополучием, в т.ч. эмоциональным, являющимся одним из компонентов благополучия психического. Кроме того, предельная полезность дохода зависит от личностных качеств, например: доброжелательность и экстраверсия негативно влияют на взаимосвязь между ежемесячным доходом и эмоциональным благополучием, в то время как открытость положительно влияет на эту корреляцию. Помимо эмоционального благополучия, экстраверсия негативно влияет на взаимосвязь между доходом и общим психическим благополучием, а невротизм негативно сказывается на взаимосвязи между материальным достатком и социальным благополучием [10, р. 547].

При этом, согласно исследованиям М.А. Киллингсворта, Д. Канемана и Б. Меллерса (Killingsworth, Kahneman, Mellers 2023), форма распределения уровня счастья меняется – незначительно, но систематически – по мере роста дохода. Одно и то же увеличение дохода по-разному влияет на «счастливые» и «несчастливые» сегменты распределения. При низком уровне дохода несчастные люди получают больше пользы от его увеличения, чем счастливые. При более высоких доходах наблюдается обратная тенденция: очень счастливые люди получают гораздо больше пользы от увеличения дохода, чем несчастные [5, р. 4].

В том числе, важно проследить, по какой причине человек начинает испытывать острую зависимость от дохода – это может быть ипотечный кредит на недвижимость, которая, например, находится в статусе «долгострой»; обеспечение лечения какого-то очень близкого любимого родственника (например, ребенка), чье здоровье подорвано трудной неизлечимой болезнью, либо невозможность купить дорогостоящие туфли именитого бренда – во всех трех ситуациях люди могут как полагать, что все исправимо и они ищут разные пути решения, так и ощущать практически одинаковое эмоциональное напряжение и выгорание, несмотря на то, что проблемы носят кардинально разное содержание.

Из вышеуказанного фактора вытекает такой, как способность грамотно вести бюджет, т.е. финансовая гра-

мотность – навык рационально распределять денежные средства. Как подчеркивает Р. Кийосаки: «Важно не то, сколько денег человек зарабатывает, а то, сколько денег у него остается, как они работают на него» [4], например, финансово неграмотный человек, неспособный планировать свой бюджет, даже при получении огромной прибыли (например, в результате обретения крупного наследства) способен быстро потерять свои активы и, как следствие, погрузиться в состояние острой зависимости от дохода. С другой стороны, острая зависимость от дохода может быть мнимой, если человек живет не по средствам, либо если у него отсутствует навык рационально распределять денежные средства, планируя их растраты в порядке приоритетов. На фоне нехватки финансовых ресурсов, как и при патологической жадности или сверхконтроле расходов, возрастает тревога, что оказывает негативное влияние на качество выполняемых работ, т.к. акцент своих трудозатрат человек начинает смещать на достижение формальных количественных показателей [2, с. 71]. Поскольку финансовая грамотность дает людям основу для управления рисками и финансового благополучия, она крайне важна для прогнозирования правильного финансового поведения. Низкий уровень финансовой грамотности часто является основной причиной распространения неразумного финансового поведения в современной культуре, особенно в развивающихся странах, такого как консьюмеризм, чрезмерное влезание в долги или недостаток знаний о сбережениях и инвестициях [7, р. 22].

Помимо указанных выше факторов большое значение имеет сам род деятельности (профессия) и условия договорных отношений работника и организации, закрепленные в соответствующем официальном документе. Важная роль, при этом, принадлежит стабильности дохода. Например, лица, работающие по контракту, могут рассчитывать на стабильный заработок (без учета форс-мажорных ситуаций) в период действия их договора; трудовой договор, заключенный на неопределенный срок (условно дефинируемый в кадровых структурах как «бессрочный») обеспечивает достаточно стабильный доход (что часто также сопровождается социальным пакетом); самозанятость связана с высоким риском остаться без дохода в любой момент, как и при получении средств от сдельной оплаты труда, т.к. заработная плата в обеих последних ситуациях зависит от количества и качества выполняемых услуг и их востребованности в дальнейшем.

Так, по данным Forbes Life (2025), самым опасным классом является прекариат – лица с нестабильным заработком без долгосрочных гарантий (фрилансеры, курьеры, стажеры, сезонные работники, внештатные сотрудники и др.), которые не обеспечены социальным пакетом, им не выплачиваются больничные, отпуска и, в последующем, данные лица остаются с минимальными

пенсионные выплатами. При этом указанный социальный класс, по мнению Г. Стендинга, находится на одной из самых низших ступеней в социальной иерархии, где сначала идет элита (узкая прослойка сверхбогатых людей), салиариат (преимущественно, руководство), профессионалы (средний класс со стабильным заработком), сердцевина (рабочие), прекариат и низший слой (безработные и социально обездоленные люди). Важен тот факт, что «по данным Международной организации труда (МОТ), более 60% мировой рабочей силы занято в неформальном секторе экономики – без официального оформления, социальных гарантий и трудовых прав» [1], что возможно способно снижать общий фон эмоционального благополучия. А именно, если рассматривать нестабильный доход как один из основных критериев эмоционального благополучия общества, то, согласно МОТ, 60% сотрудников от всего глобального рынка труда гипотетически подвержены риску существенного снижения уровня эмоционального благополучия.

Согласно исследованиям Ф. Шу, Ц. Сюнь, Ц. Линь, С. Луо (Shu, Xiong, Lin, Zhang 2025), многие люди испытывают дистресс из-за своего скромного дохода, что существенно влияет на их общую удовлетворенность жизнью. Например, исследование семей, принадлежащих к низшему слою населения в Турции, показало, что доход значимо и умеренно положительно коррелирует со всеми аспектами позитивного рабочего состояния. Комплексное исследование, проводившееся в течение 24-х лет в 19-ти странах на трех континентах, выявило четкую положительную корреляцию между уровнем дохода и ощущением счастья внутри государств. Другие исследования также подтверждают положительную корреляцию между доходом и ощущением счастья. Т.е. доход может положительно влиять на уровень эмоционального благополучия. Исследование близнецов, проведенное в Китае с участием 750 пар однояйцевых и 456 пар разнорядцевых близнецов, продемонстрировало значительную положительную корреляцию между доходом и ощущением счастья. Увеличение же дохода респондентов в два раза привело к повышению уровня счастья на 0,26 балла, что эквивалентно увеличению на 0,37 стандартного отклонения [9, р. 60].

Более того, по данным М.А. Киллингсворта, Д. Канемана и Б. Меллерса (Killingsworth, Kahneman, Mellers 2023), уровень эмоционального благополучия (которое ученые называют *"happiness"* – «счастье») неуклонно растет с увеличением дохода среди более счастливых людей и даже ускоряется в группе самых счастливых людей; при этом, доказывают ученые, рост доходов связан с систематическими изменениями в форме кривой распределения эмоционального благополучия. Между тем доказано, что по мере роста дохода до определенного порогового значения средний показатель счастья сначала увеличивается, а затем стабилизируется [5, р. 1].

Уровень эмоционального благополучия, растущий на фоне дохода и формирование острой в нем необходимости существенно зависят от семейных традиций, ценностей и паттернов. «Изучение семейных отношений подростков показало влияние нарушений в воспитании на формирование виктимных качеств» [3, с. 32-33]. Например, если родители всю жизнь были склонны к чрезмерному накопительству, паталогической бережливости и эмоциональной привязанности к вещам в ущерб семье (например, несоответствие моде, нежелание менять ветхую одежду на новую, скудное питание и др.), в ребенке может сформироваться хоардинг («Синдром Плюшкина» или «Синдром Гобсека»), склонность к компульсивным тратам и культ покупок могут способствовать ониомании (паталогическому стремлению совершать покупки) и т.д. Соответственно, постоянное превалирование среди семейных ценностей образа с острой зависимостью от дохода способствует тому, что человек, взрослая, может выбрать данную роль для манипуляции окружающими

ми с целью снятия с себя ответственности и исключения конкуренции за ресурсы, получения систематической поддержки и сострадания со стороны окружающих лиц.

Выводы: уровень эмоционального благополучия не всегда коррелирует с острой зависимостью от дохода, т.к. разные обстоятельства и жизненные перипетии способны сформировать абсолютно разное отношение к материальным ресурсам у лиц с одинаковым доходом и одинаковыми тратами. Между тем острая зависимость от дохода чаще носит паталогический характер, из-за чего способна снижать уровень эмоционального благополучия. А именно, уровень счастья влияет на формирование картины мира личности, согласно которой лица с более низким уровнем счастья могут испытывать более острую зависимость от дохода, в отличие от лиц с более высоким уровнем счастья, которые в аналогичном финансовом положении способны не придавать такому положению дел какого-либо значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальмонд С. Опасный класс: что такое прекариат и почему люди оказываются без стабильной работы // Forbes Life. Статья от 04.08.2025. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/543133-opasnyj-klass-cto-takoe-prekariat-i-pocemu-ludi-okazyvautsa-bez-stabil-noj-raboty> (дата обращения: 30.07.2026).
2. Карапетян Л.В. Эмоционально-личностное благополучие как предиктор субъективной успешности трудящихся // Организационная психология. 2021. №1. С. 65-92.
3. Шигашов Д.Ю., Фесенко Ю.А., Худик В.А. Семейные паттерны в детерминации интимного поведения детей и подростков // КПО. 2018. №4 (16). С. 28-44.
4. 15 цитат Роберта Кийосаки, которые обречены сделать вас богатым // Вокруг света. Статья от 24.03.2025. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/15-citat-roberta-kiiosaki-kotorye-obrecheny-sdelat-vas-bogatym-id6274654/> (дата обращения: 30.07.2026).
5. Killingsworth M.A., Kahneman D., Mellers B. (2023) Income and emotional well-being: A conflict resolved // Proceedings of the National Academy of Sciences 120(10):1-6. <https://doi.org/10.1073/pnas.2208661120>.
6. Murali I., Raman U. (2022) Mental Health and Emotional Well-being of Employees Introduction Emotional Well Being of Employees. System Reboot: The Life after Covid 12. Pp. 95-99.
7. Pratomo R.P. (2026) An Empirical Analysis of Factors Affecting Financial Well-Being among MSMEs in Yogyakarta. WIJoB – Widya Dharma Journal of Business 5(1): 20-34. <https://doi.org/10.54840/wijob.v5i1.584>.
8. Salsman J.M., Lai J.S., Hendrie H.C., Butt Z., Zill N., Pilkonis P.A., Peterson C., Stoney C.M., Brouwers P., Cella D. (2014). Assessing psychological well-being: self-report instruments for the NIH toolbox. Quality of Life Research, 23(1), 205-215. <https://doi.org/10.1007/s11136-013-0452-3>.
9. Shu F., Xiong J., Lin J., Zhang Y., Luo S. (2025) Is the richer, the happier? Moderating roles of personality-related brain connectivity. Well-Being Sciences Review 1(1):59-70. <https://doi.org/10.54844/wsr.2024.0551>.
10. Syrén S., Kokko K., Pulkkinen L., Pehkonen J. (2020) Income and Mental Well-Being: Personality Traits as Moderators. Journal of Happiness Studies (2020) 21 (1):547–571. <https://doi.org/10.1007/s10902-019-00076-z>.

© Торрес Гутьеррес Алехандро (alejandrotorresus@yahoo.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭМПАТИЧЕСКАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРЕГРУЗКА: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ АВТОРСКОЙ МНОГОКОМПОНЕНТНОЙ МОДЕЛИ

Тур Екатерина Юрьевна

Врач, психотерапевт-психосоматолог;
Независимый исследователь, (г. Санкт-Петербург)
tur.e.y@yandex.ru

EMPATHIC SENSITIVITY AND EMOTIONAL OVERLOAD: THEORETICAL FOUNDATION OF AN AUTHORIAL MULTICOMPONENT MODEL

E. Tur

Summary: Background. Contemporary models describe empathy as a system of partially independent cognitive, affective, and regulatory processes. In non-specialized discourse, empathic ability is frequently conflated with emotional contagion, personal distress, bodily reactivity, weak self-other differentiation, over-responsibility, and exhaustion. This conceptual overlap obscures the mechanisms that determine adaptive and adverse outcomes of emotional involvement. Objective. To provide a theoretical foundation for an authorial multicomponent model of empathic sensitivity and emotional overload. Materials and methods. A structured narrative review of psychological, psychometric, and neurobiological studies identified through PubMed/MEDLINE, Crossref, and PsycInfo was conducted. Forward and backward citation tracking, comparison of operational definitions, and functional analysis of processes commonly subsumed under heightened empathy were applied. Results. The proposed model comprises five components: empathic recognition, affective and bodily resonance, self-other differentiation, emotional overload, and hyper-responsible helping behavior. Recognition is conceptualized as emotional-signal processing; resonance as the intensity of the observer's response; self-other differentiation as a regulatory condition supporting psychological autonomy; hyper-responsible helping as a behavioral strategy; and overload as a possible outcome of repeated involvement. The model hypothesizes that sensitivity to emotional signals is not, by itself, a determinant of maladjustment. Overload is expected to become more likely when intense resonance co-occurs with insufficient self-other differentiation, limited emotion regulation, and a perceived obligation to eliminate another person's distress. Conclusions. The model separates the ability to understand another person from processes that maintain the observer's own distress and exhaustion. Its structure remains theoretical and requires content validation, factor-analytic testing, reliability assessment, and examination of convergent and discriminant validity.

Keywords: empathy, empathic sensitivity, emotional contagion, personal distress, empathic accuracy, interoception, self-other differentiation, emotional overload, hyper-responsibility.

Аннотация: Актуальность. Современные модели эмпатии описывают ее как систему частично независимых когнитивных, аффективных и регуляторных процессов. В неспециализированном дискурсе эмпатическую способность нередко смешивают с эмоциональным заражением, личным дистрессом, телесной реактивностью, трудностями разграничения собственных и чужих состояний, гиперответственностью и истощением. Подобное смешение затрудняет исследование факторов, определяющих адаптивные и неблагоприятные последствия эмоциональной вовлеченности. Цель. Теоретически обосновать авторскую многокомпонентную модель эмпатической чувствительности и эмоциональной перегрузки. Материалы и методы. Выполнен структурированный нарративный обзор психологических, психометрических и нейробиологических исследований, выявленных в PubMed/MEDLINE, Crossref и PsycInfo. Применялись прямое и обратное прослеживание ссылок, сопоставление операциональных определений и функциональный анализ процессов, обычно объединяемых понятием повышенной эмпатии. Результаты. Предложена модель, включающая пять компонентов: эмпатическое распознавание, аффективный и телесный резонанс, дифференциацию себя и другого, эмоциональную перегрузку и гиперответственное помогающее поведение. Распознавание рассматривается как обработка эмоциональных сигналов, резонанс — как интенсивность собственного ответа, дифференциация — как регуляторное условие сохранения психологической автономности, гиперответственное поведение — как стратегия действия, перегрузка — как возможный исход повторяющегося вовлечения. Сформулирована гипотеза, согласно которой выраженная восприимчивость к эмоциональным сигналам сама по себе не определяет благополучие; вероятность перегрузки возрастает при сочетании интенсивного резонанса, недостаточной дифференциации, ограниченной эмоциональной регуляции и установки на обязательное устранение чужого дистресса. Заключение. Модель разграничивает способность понимать другого человека и процессы, поддерживающие собственный дистресс и истощение. Ее структура имеет теоретический статус и требует содержательной валидации, факторного анализа, оценки надежности, конвергентной и дискриминантной валидности.

Ключевые слова: эмпатия, эмпатическая чувствительность, эмоциональное заражение, личный дистресс, эмпатическая точность, interoception, дифференциация себя и другого, эмоциональная перегрузка, гиперответственность.

Введение

Эмпатия относится к базовым механизмам социального познания и межличностной координации, однако ее научное определение остается

неоднородным. В разных исследовательских традициях этим термином обозначают понимание перспективы другого человека, распознавание его эмоций, разделение аффективного состояния, переживание заботы и формирование помогающего ответа. Уже мно-

гофакторная модель М. Дэвиса показала, что эмпатию продуктивнее исследовать как систему частично связанных измерений, а не как единую линейную характеристику личности [1]. Последующие психологические и нейробиологические модели подтвердили необходимость различать по меньшей мере аффективное разделение, когнитивное понимание, саморегуляцию и сохранение представления о принадлежности переживания другому человеку [2-7].

Понятийная широта эмпатии имеет практические последствия. Когда точность распознавания эмоциональных сигналов, интенсивность собственного возбуждения и готовность помогать объединяются в один суммарный показатель, становится трудно определить, какой процесс связан с адаптивным социальным функционированием, а какой поддерживает тревогу, истощение или избегание. В исследовании J. Zaki, N. Bolger и K. Ochsner самоотчетная аффективная эмпатия предсказывала эмпатическую точность только при достаточной эмоциональной экспрессивности объекта восприятия; вне этого межличностного условия прямой связи не обнаруживалось [9]. В исследовании W. Ickes и соавторов самоотчетные показатели эмпатических навыков и предполагаемой эмпатической точности не предсказывали фактическую точность, тогда как значимыми оказывались процессы, возникавшие на уровне диады, и выраженность интереса воспринимающего к партнеру [10]. Следовательно, сильный субъективный отклик и уверенность в понимании другого не могут служить самостоятельными критериями точности.

Отдельное методологическое затруднение возникает при объяснении эмоционального истощения. В популярной психологии усталость после общения, соматическое напряжение, потребность в уединении, склонность спасать окружающих и чувство ответственности за их настроение нередко рассматриваются как естественные признаки «эмпата». Научная литература не поддерживает столь прямой вывод. Личный дистресс, эмоциональное заражение, эмпатическая забота, профессиональное выгорание, вторичный травматический стресс и усталость от сострадания относятся к пересекающимся, но не тождественным конструкциям [14-20].

В отечественной психологии многомерный подход получил методическую опору при русскоязычной адаптации Межличностного индекса реактивности М. Дэвиса: авторы продемонстрировали надежность и конструктивную валидность версии, сохраняющей различие децентрации, эмпатической заботы, фантазии и личного дистресса [21-22]. В исследовании медицинских сестер личный дистресс был связан с неблагоприятными проявлениями профессионального выгорания, тогда как позитивные эмпатические компоненты демон-

стрировали иной профиль связей [24]. В исследовании педагогов не была подтверждена универсальная формула «высокая эмпатия — высокое выгорание»; авторы выявили различия между компонентами эмпатии и подчеркнули необходимость их отдельного анализа [25]. Эти результаты позволяют рассматривать личный дистресс как особый вариант эмпатического реагирования, связанный с регуляцией, а не как обязательную степень «силы» эмпатии.

До подготовки настоящей рукописи автором была обнародована психообразовательная «Карта эмпатической чувствительности», включавшая десять направлений самонаблюдения: эмоциональное заражение, чтение атмосферы, распознавание скрытых эмоций, потребность в уединении, трудности личных границ, эмоциональное истощение, интуитивное понимание людей, желание спасать, гиперответственность и телесный отклик. Карта создавалась как средство рефлексии и сопровождалась прямым указанием на отсутствие клинического диагностического статуса. Для научного применения ее исходная структура требует концептуальной переработки, поскольку отдельные пункты относятся к разным уровням процесса: восприятию, непосредственной реакции, регуляции, поведению и последствиям.

Настоящая статья предлагает теоретическую модель, в которой субъективный опыт «сильного чувствования других людей» рассматривается как конфигурация пяти компонентов. Центральное предположение состоит в том, что эмоциональная перегрузка не следует автоматически из высокой восприимчивости к эмоциональным сигналам. Ее вероятность может возрастать при взаимодействии интенсивного аффективного и телесного резонанса, недостаточной дифференциации себя и другого, ограниченной регуляции собственного возбуждения и гиперответственной стратегии помощи.

Цель исследования — теоретически обосновать авторскую многокомпонентную модель эмпатической чувствительности и эмоциональной перегрузки посредством разграничения эмпатического распознавания, аффективно-телесного резонанса, дифференциации себя и другого, эмоциональной перегрузки и гиперответственного помогающего поведения.

Задачи исследования включали: анализ современных моделей эмпатии; разграничение эмпатической заботы, эмоционального заражения и личного дистресса; определение роли интероцепции и телесного отклика; рассмотрение различия себя и другого как потенциального регуляторного механизма; сопоставление эмоциональной перегрузки с близкими конструктами; формулирование проверяемых положений будущей психометрической валидации.

Материалы и методы теоретического исследования

Работа выполнена в формате теоретико-концептуального исследования со структурированным нарративным обзором литературы. Выбор данного дизайна обусловлен задачей не оценить эффект вмешательства и не установить распространенность явления, а сопоставить концептуально разнородные исследовательские традиции и предложить интегративную модель. При подготовке текста учитывались критерии качества нарративных обзоров SANRA: обоснование значимости темы, ясная постановка цели, прозрачность литературного поиска, корректность ссылок, научная аргументация и представление релевантных данных [26].

Поиск литературы проводился в июле 2026 г. в PubMed/MEDLINE, Crossref и русскоязычной базе PsyJournals. Дополнительно применялось обратное и прямое прослеживание библиографических ссылок ключевых публикаций. Использовались сочетания терминов *empathy*, *cognitive empathy*, *affective empathy*, *empathic concern*, *personal distress*, *emotional contagion*, *empathic accuracy*, *self-other distinction*, *interoception*, *emotion regulation*, *empathic distress*, *compassion fatigue*, *burnout*, а также русскоязычные эквиваленты «эмпатия», «эмпатический дистресс», «эмоциональное заражение», «дифференциация себя и другого», «эмоциональное истощение».

В анализ включались рецензируемые теоретические обзоры, систематические обзоры, психометрические исследования и первичные экспериментальные работы, непосредственно относящиеся к одному или нескольким компонентам предполагаемой модели. Приоритет отдавался публикациям, в которых авторы явно определяли измеряемый конструкт и отделяли его от смежных явлений. Основной временной диапазон составил 2004–2026 гг.; более ранние работы включались при их фундаментальном значении для многомерного измерения эмпатии. Неспециализированные публикации и коммерческие описания «эмпатов» исключались из доказательного синтеза.

Ранее обнародованный авторский психообразовательный материал рассматривался только как источник реконструкции происхождения десяти исходных направлений карты. Его положения не принимались в качестве эмпирического подтверждения модели. Все научные утверждения формулировались на основании рецензируемой литературы; сведения о предшествующей публикации вынесены в раздел дополнительной информации.

Концептуальный синтез проводился в три этапа. На первом этапе выделялись базовые процессы, описывае-

мые в моделях эмпатии: распознавание, перспективное понимание, аффективное разделение, саморегуляция и различение себя и другого. На втором этапе анализировались процессы и последствия, которые часто смешиваются с эмпатией: эмоциональное заражение, интерцептивная реактивность, личный дистресс, истощение и гиперответственная помощь. На третьем этапе исходные десять признаков психообразовательной карты группировались по функциональной роли в предполагаемой последовательности «восприятие → резонанс → регуляция → поведение → последствия».

Поскольку работа не содержит данных участников, вмешательств или анализа медицинской документации, одобрение локального этического комитета для данного теоретического этапа не требовалось. Психометрическая и клиническая применимость модели в настоящей статье не оценивается.

Результаты теоретического анализа

1. Эмпатия как многокомпонентный конструкт

Многомерный подход к эмпатии получил эмпирическую опору в работе М. Дэвиса, где были выделены перспективное принятие позиции другого, эмпатическая забота, личный дистресс и склонность к воображаемому переносу в ситуации персонажей [1]. Такая структура принципиально важна, поскольку показывает: ориентированное на другого сочувствие и неприятное собственное возбуждение могут возникать в ответ на один и тот же стимул, но имеют различную мотивационную направленность.

Функциональная модель J. Decety и P. Jackson включает разделяемое аффективное представление, осознание себя, гибкость принятия перспективы и регуляцию эмоций [2]. В этой логике сходство переживания с состоянием другого человека остается эмпатией лишь при сохранении минимального понимания, кому принадлежит исходное состояние. Нейробиологические обзоры также отделяют системы аффективного разделения от ментализации, контекстной оценки и контроля ответа [3–5].

Существование частично независимых систем подтверждается клинко-нейропсихологическими данными. S.G. Shamay-Tsoory, J. Aharon-Peretz и D. Perry продемонстрировали двойную диссоциацию: поражение вентромедиальной префронтальной коры преимущественно сопровождалось нарушением когнитивной эмпатии, тогда как поражение нижней лобной извилины — нарушением эмоциональной эмпатии [8]. Этот результат противоречит представлению об одном общем «уровне эмпатии». Следовательно, новые инструменты должны заранее определять, оценивают ли они способность, субъективную склонность, эмоциональную реактивность или последствия вовлечения.

2. Эмпатическое распознавание и эмпатическая точность

В предлагаемой модели эмпатическое распознавание определяется как способность обнаруживать и интерпретировать эмоционально значимые сигналы другого человека на основании мимики, просодии, содержания речи, поведения и контекста. Этот компонент близок к эмоциональному распознаванию и эмпатической точности, однако не тождественен самооценке собственной «интуиции».

Субъективная уверенность в понимании людей может отражать опыт считывания социальных сигналов, но одновременно зависеть от ожиданий, тревожности, проекций и подтверждающего смещения. В парадигме эмпатической точности вывод наблюдателя сопоставляется с непрерывным самоотчетом самого объекта восприятия, поэтому точность является межличностным критерием, а не самоописанием способности [9-10]. Первичные данные показывают, что черта аффективной эмпатии не предсказывает точность без учета экспрессивности объекта [9], а индивидуальные различия в точности существенно зависят от конкретной пары и контекста взаимодействия [10]. Поэтому утверждения типа «я заранее чувствую истинные намерения человека» требуют особенно осторожной операционализации и должны дополняться поведенческими задачами либо внешними критериями.

Следовательно, эмпатическое распознавание и аффективный резонанс следует проверять отдельно. Интенсивный отклик может усиливать субъективную убежденность в понимании другого, одновременно смещая внимание к собственному состоянию; имеющиеся данные, однако, не позволяют считать эмоциональное заражение непосредственной причиной неточности. В авторской модели распознавание рассматривается как входной компонент, который может сопровождаться как умеренным, так и сильным аффективным ответом.

3. Аффективный и телесный резонанс

Аффективный резонанс обозначает возникновение эмоционального состояния, частично соответствующего наблюдаемому или предполагаемому состоянию другого человека. В нейрокогнитивных моделях он связывается с механизмами разделяемых представлений, автоматической мимикрией и оценкой значимости социального сигнала [3-4, 11]. Эмоциональное заражение может рассматриваться как более автоматическая форма такого резонанса, при которой источник состояния не обязательно отчетливо осознается.

Телесный отклик включен в модель как отдельное

проявление резонанса, поскольку эмоции переживаются через изменения вегетативного возбуждения, мышечного тонуса, дыхания и интероцептивной репрезентации. Передняя островковая кора участвует в интеграции сигналов внутренней среды и формировании субъективного чувства [12]. В небольшом фМРТ-исследовании с участием 18 здоровых добровольцев предварительное направление внимания к внутренним ощущениям сопровождалось усилением активности передней островковой коры и ряда срединных корковых областей при последующей эмпатической задаче [13]. Ограниченный объем выборки не позволяет переносить этот результат на широкую популяцию без последующей репликации.

Из этих данных нельзя выводиться, что телесный симптом является точным «считыванием» состояния другого человека. Интероцептивный сигнал формируется внутри организма наблюдателя и зависит от его тревоги, состояния здоровья, ожиданий, памяти и контекста. Поэтому телесный резонанс в авторской модели отражает интенсивность собственного ответа, но не служит независимым критерием истинности интерпретации чужой эмоции.

4. Дифференциация себя и другого

Дифференциация себя и другого обозначает способность сохранять понимание происхождения переживания и психологическую автономность при эмоциональном контакте. Она включает ясность собственного состояния, различение наблюдаемой эмоции и собственной реакции на нее, а также возможность учитывать перспективу другого без полного слияния с ней.

В функциональной архитектуре эмпатии различение принадлежности переживания является системообразующим условием [2]. Модель Self-to-Other Model of Empathy дополнительно подчеркивает, что репрезентация собственного состояния используется для понимания другого, но должна быть преобразована с учетом различий между людьми [7]. Исследования ясности Я-концепции показывают, что более устойчивое представление о себе связано с эмпатическим пониманием и помогающим поведением, тогда как размытость собственного состояния не обязательно усиливает эмпатию и может препятствовать ей [18].

В авторской модели дифференциация рассматривается как потенциальный модератор. При одинаковой интенсивности аффективного резонанса человек с более ясным различением себя и другого предположительно быстрее восстанавливает собственное состояние и реже принимает чужую эмоцию за личную обязанность. Это положение требует прямой эмпирической проверки и не должно интерпретироваться как установленная причинность.

5. Эмоциональная регуляция и личный дистресс

Личный дистресс представляет собой неприятное, ориентированное на себя возбуждение при наблюдении чужого неблагополучия. Его отличие от эмпатической заботы определяется не отсутствием эмоционального отклика, а направленностью переживания и последующего поведения. При высоком личном дистрессе помощь может становиться способом снизить собственное напряжение или избежать контакта с ситуацией.

Современные интегративные модели рассматривают эмпатию и эмоциональную регуляцию как тесно связанные процессы [17]. Регуляция влияет на длительность аффективного ответа, возможность сохранить внимание к другому человеку и выбор поведения после возникновения возбуждения. В отечественной исследовательской линии личный дистресс концептуализирован как эмпатически обусловленное, ориентированное на себя переживание, трансформация которого зависит от дифференциации чувств и регуляции [23]. Данные, полученные на выборке медицинских сестер, дополнительно связывают симптомокомплекс личного дистресса с алекситимией и особенностями обращения с собственными чувствами [24].

Следовательно, высокая интенсивность переживания не может автоматически трактоваться как более зрелая эмпатия. Она может отражать выраженный резонанс при недостаточной регуляции. Авторская модель сохраняет эмоциональную регуляцию в качестве сквозного механизма, влияющего на переход от резонанса к перегрузке, однако не выделяет ее шестым содержательным компонентом карты, поскольку для ее оценки существуют самостоятельные валидированные инструменты.

6. Эмоциональная перегрузка и границы смежных понятий

Эмоциональная перегрузка в настоящей модели определяется как накопленное психическое и телесное напряжение, связанное с повторяющимся эмоциональным вовлечением и недостаточным восстановлением. Ее возможными проявлениями являются истощение, продолжительное сохранение чужой проблематики в мыслях, снижение концентрации, раздражительность, соматическое напряжение и выраженная потребность в прекращении контакта.

Предлагаемое понятие необходимо отделять от профессионального выгорания. Выгорание связано с хроническим рабочим стрессом и включает более широкую систему организационных, профессиональных и личностных факторов. Его нельзя объяснять исключительно эмпатией. В исследовании медицинских сестер

личный дистресс был связан со снижением переживания профессиональной успешности, тогда как комплекс позитивных эмпатических феноменов поддерживал уверенность в профессиональной компетентности; совместно эти компоненты объясняли 24,5% дисперсии показателя профессиональной успешности, а стаж работы не выступил значимым предиктором [24]. В исследовании российских и белорусских педагогов авторы также не получили оснований считать высокий суммарный уровень эмпатии универсальным предиктором выгорания [25]. Эти результаты поддерживают необходимость раздельного анализа эмпатической заботы и личного дистресса.

Термин «усталость от сострадания» также требует осторожности. Метанарративный обзор Sinclair и соавторов выявил значительную концептуальную неопределенность и отсутствие убедительных данных о том, что наиболее сострадательные специалисты обязательно более уязвимы к этому состоянию [19]. Позднейшие обзоры подтверждают широкую вариативность определений и измерительных подходов [20]. Поэтому эмоциональная перегрузка в авторской модели не объявляется эквивалентом усталости от сострадания или вторичного травматического стресса.

Потребность в уединении рассматривается как возможный поведенческий индикатор восстановления, но сама по себе не свидетельствует о патологии. Ее интерпретация зависит от длительности, интенсивности последующего истощения, функциональных ограничений и альтернативных причин, включая сенсорную нагрузку, социальную тревогу, депрессивную симптоматику и соматическое состояние.

7. Гиперответственное помогающее поведение

Пятый компонент модели описывает устойчивую склонность воспринимать эмоциональное состояние другого человека как область собственной обязательной ответственности. В исходной карте он был представлен через желание спасти и принятие ответственности за настроение окружающих. В научной версии этот компонент обозначен как гиперответственное помогающее поведение.

Термин используется описательно и не соответствует самостоятельному диагнозу. Он объединяет несколько наблюдаемых тенденций: немедленное вмешательство без явного запроса, продолжение помощи при выраженном ущербе для собственного ресурса, чувство вины после отказа и убеждение, что чужой дистресс должен быть устранен собственными действиями. Теоретически такая стратегия может формироваться на пересечении личного дистресса, трудностей границ и особенностей межличностной регуляции.

С научной точки зрения важно отделить просоциальность от компульсивной помощи. Эмпатическая забота ориентирована на потребности другого и допускает учет его автономии. Гиперответственное поведение может быть направлено на быстрое снижение собственного напряжения, поддержание отношений или предотвращение предполагаемого отвержения. Именно поэтому данный компонент должен оцениваться отдельно от эмпатического распознавания и заботы.

Авторская многокомпонентная модель

Результатом концептуального синтеза стала пятикомпонентная модель, описывающая разные функциональные уровни эмпатической чувствительности. Ее компоненты не образуют обязательную линейную последовательность и могут иметь различные взаимосвязи, однако аналитически располагаются от восприятия сигнала к возможным последствиям. (Таб. 1.)

Таблица 1.

Структура авторской многокомпонентной модели и ее соотношение со смежными конструктами.

Компонент	Операционное определение	Предполагаемые проявления	Близкие исследовательские конструкты
1. Эмпатическое распознавание	Обнаружение и интерпретация эмоциональных сигналов	Чтение атмосферы; распознавание скрытых эмоций; предположение о намерениях	Эмпатическая точность; распознавание эмоций; когнитивная эмпатия
2. Аффективный и телесный резонанс	Интенсивность собственного эмоционального и соматического ответа	Эмоциональное заражение; изменение настроения; телесное напряжение	Аффективная эмпатия; эмоциональное заражение; интероцепция
3. Дифференциация себя и другого	Сохранение ясности источника переживания и психологической автономности	Различение «моего» и «чужого»; устойчивость границ	Self-other distinction; ясность Я-концепции; регуляция эмоций
4. Эмоциональная перегрузка	Накопленные последствия повторяющегося плохо регулируемого вовлечения	Истощение; длительное восстановление; снижение концентрации	Личный дистресс; эмоциональное истощение; рабочий стресс
5. Гиперответственное помогающее поведение	Установка на обязательное устранение чужого дистресса	Спасательство; вина при отказе; помощь вопреки собственному ресурсу	Помогающее поведение; личный дистресс; межличностная регуляция

Источник: составлено автором.

Авторская многокомпонентная модель эмпатической чувствительности и эмоциональной перегрузки

Сплошные стрелки отражают предполагаемую последовательность процессов; пунктирные - регуляторные связи. Все связи требуют эмпирической проверки. Рис. 1. Предполагаемая функциональная организация компонентов модели. Пунктирные связи отражают гипотезу о регуляторной роли дифференциации себя и другого; все связи требуют эмпирической проверки

Источник: составлено автором.

Эмпатическое распознавание и аффективный резонанс рассматриваются как связанные, но разделимые компоненты. Человек может точно определять состояние другого при умеренном собственном возбуждении, а может испытывать сильное заражение без высокой точности понимания. Это различие является центральным для будущей факторной структуры.

Дифференциация себя и другого предполагается защитным регуляторным компонентом. Высокий балл должен означать ясность границ и происхождения переживания. В исходной психообразовательной карте пункт «личные границы» был сформулирован в направлении трудности; в психометрической версии его необходимо переработать, чтобы направление шкалы было однозначным.

Эмоциональная перегрузка рассматривается как возможный исход, а не как разновидность эмпатии. Гиперответственное помогающее поведение обозначает поведенческую стратегию, способную усиливать экспозицию к чужому дистрессу и ограничивать восстановление.

Предварительная операционализация модели

Исходная «Карта эмпатической чувствительности» содержала десять одиночных утверждений и шкалу ответов от 0 до 5. В научной статье она может быть представлена только как наглядная предварительная операционализация и источник гипотез. Один пункт не образует надежную психометрическую шкалу, поэтому десять направлений нельзя интерпретировать как валидированные субшкалы и нельзя суммировать в диагностический общий балл.

Для последующей валидации каждая из пяти предполагаемых шкал должна быть представлена несколькими утверждениями. Первоначальный банк целесообраз-

но сформировать из 35–40 пунктов, после экспертной оценки и когнитивных интервью сократить до 20–25 пунктов. Такая последовательность соответствует современным рекомендациям по разработке измерительных шкал [27].

Проверяемые положения модели

Положение 1. Эмпатическое распознавание и аффективно-телесный резонанс образуют различимые факторы. Между ними ожидается положительная, но умеренная связь.

Положение 2. Связь эмпатического распознавания с эмоциональной перегрузкой будет слабее, чем связь аффективно-телесного резонанса и личного дистресса с перегрузкой. Сравнительная гипотеза может быть проверена посредством сопоставления зависимых коэффициентов корреляции или ограничений параметров в структурной модели.

Положение 3. Аффективно-телесный резонанс будет связан с эмоциональной перегрузкой сильнее при низкой дифференциации себя и другого. Статистически это может быть проверено как эффект взаимодействия.

Положение 4. Гиперответственное помогающее поведение частично опосредует связь личного дистресса с перегрузкой, поскольку увеличивает продолжительность и интенсивность эмоционального вовлечения.

Положение 5. Телесная реактивность будет связана с тревогой и воспринимаемым стрессом, поэтому ее дискриминантная валидность должна проверяться отдельно. Высокий балл по телесному резонансу не должен интерпретироваться как доказательство высокой точности эмпатии.

Положение 6. Положительные формы эмпатии, включая перспективное понимание и эмпатическую заботу, могут сочетаться с низкой эмоциональной перегрузкой при развитой дифференциации и регуляции.

Таблица 2.

Соответствие десяти исходных пунктов психообразовательной карты компонентам авторской модели.

Исходный пункт карты	Компонент авторской модели
Эмоциональное заражение	Аффективный и телесный резонанс
Чтение атмосферы	Эмпатическое распознавание
Считывание скрытых эмоций	Эмпатическое распознавание
Потребность в уединении	Эмоциональная перегрузка
Личные границы	Дифференциация себя и другого
Эмоциональное истощение	Эмоциональная перегрузка
Интуитивное понимание людей	Эмпатическое распознавание
Желание спасти	Гиперответственное помогающее поведение
Гиперответственность	Гиперответственное помогающее поведение
Телесный отклик	Аффективный и телесный резонанс

Источник: составлено автором.

Обсуждение

Предложенная модель отвечает на распространенную концептуальную проблему: субъективное ощущение повышенной чувствительности к людям складывается из процессов, которые относятся к различным уровням психического функционирования. Распознавание характеризует обработку социальной информации; резонанс — интенсивность внутреннего ответа; дифференциация — регуляторную организацию опыта; гиперответственное поведение — стратегию действия; перегрузка — возможное последствие.

Такое разграничение позволяет избежать романтизации истощения. Сильный личный дистресс не должен автоматически считаться свидетельством более глубокой эмпатии. Напротив, он может ограничивать способность удерживать внимание на потребностях другого и повышать вероятность реактивной помощи или избегания. Разведение эмпатии и сострадания в исследованиях Singer и Klimecki дополнительно показывает, что ориентированный на другого теплый мотивационный ответ не равен болезненному разделению страдания [14-15].

Модель также уточняет место личных границ. В популярном языке «слабые границы» часто используются как универсальное объяснение любых затруднений. Научная формулировка требует более узкой операционализации: ясность источника эмоции, способность описать собственное состояние, сохранение различия перспектив и возможность отказаться от действия без утраты понимания другого. Такой подход делает компонент измеримым и отделяет его от моральных оценок.

Особого внимания требует гиперответственное помагающее поведение. На данном этапе оно является авторским теоретическим конструктом, сформированным путем объединения двух пунктов исходной карты. Его самостоятельность должна быть подтверждена факторным анализом. Возможен альтернативный результат, при котором эти пункты войдут в фактор личного дистресса или трудностей дифференциации. Научная ценность модели будет определяться готовностью пересмотреть исходную структуру в соответствии с эмпирическими данными.

Практическое значение модели состоит в возможности строить дифференцированные рекомендации. При высоком распознавании и низкой перегрузке основной задачей может быть сохранение сформированных навыков. При выраженном резонансе и низкой дифференциации приоритетом становится развитие осознания источника переживания и регуляции. При гиперответственном поведении требуется анализ убеждений об обязанности помогать и последствий помощи без запроса. Эти предположения пока не являют-

ся рекомендациями клинического протокола и должны проверяться отдельно.

Ближайшим концептуальным предшественником настоящей работы является модель «эмпатии как рискованной силы» E.B. Tone и E.C. Tully [16]. Она показывает, что эмпатические свойства могут становиться фактором уязвимости к интернализирующим нарушениям при неблагоприятном сочетании индивидуальных и средовых условий, а регуляция определяет адаптивность ответа. Предлагаемая модель развивает эту логику, но решает иную задачу: вместо рассмотрения эмпатии как относительно целостной силы риска она аналитически разводит входной процесс распознавания, интенсивность аффективно-телесного отклика, дифференциацию себя и другого, стратегию гиперответственной помощи и итоговую перегрузку. Ее новизна состоит не в открытии отдельных базовых процессов, а в их функциональной организации вокруг проверяемого тезиса о том, что истощение является возможным исходом конфигурации компонентов, а не мерой эмпатии.

Ограничения теоретического этапа

Первое ограничение связано с отсутствием эмпирической проверки. Пятикомпонентная структура является теоретической гипотезой. Неизвестно, будут ли заявленные компоненты воспроизводиться как отдельные факторы и насколько устойчивыми окажутся их связи.

Второе ограничение определяется использованием самоотчетной исходной карты. Самооценка способности понимать людей может расходиться с объективной точностью. Для проверки эмпатического распознавания потребуется сочетание самоотчета с поведенческими задачами или оценками информантов.

Третье ограничение касается специфичности эмоциональной перегрузки. Истощение и потребность в уединении могут объясняться тревогой, депрессией, хроническим стрессом, профессиональной нагрузкой, нарушением сна и соматическими факторами. Конструктивная валидность потребует учета этих переменных.

Четвертое ограничение связано с культурной и языковой обусловленностью формулировок. Русскоязычные понятия «сопереживание», «личные границы», «спасательство» и «эмоциональная перегрузка» не имеют полного однословного соответствия в англоязычной литературе. Необходима экспертная проверка содержания, а при международной адаптации — независимый перевод и анализ измерительной инвариантности.

Пятое ограничение состоит в потенциальном конфликте интересов: автор является разработчиком психообразовательной карты и теоретической модели.

Для психометрической валидации желательно участие независимых экспертов и специалиста по психометрике, а также предварительная регистрация критериев исключения пунктов и проверяемых моделей. Ранее обнародованная карта сохраняет статус психообразовательного материала; она не включена в настоящую рукопись как диагностический бланк и не используется для установления нормативных или клинических порогов.

Программа последующей валидации

1. Формирование концептуальной матрицы пяти компонентов с определениями, включаемыми и исключаемыми признаками.
2. Разработка первоначального банка из 35–40 утверждений, включая ограниченное число обратных пунктов без сложных отрицаний.
3. Экспертная оценка релевантности, полноты и понятности пунктов с расчетом индексов содержательной валидности.
4. Когнитивные интервью с представителями целевой группы в нескольких последовательных раундах.
5. Пилотное исследование распределений, межпунктовых связей, потолочных и напольных эффектов.
6. Разведочный факторный анализ на одной части выборки с использованием полихорических корреляций и параллельного анализа.
7. Подтверждающий факторный анализ на независимой части выборки с сопоставлением однофакторной, пятифакторной и альтернативных моделей.
8. Оценка внутренней согласованности с приоритетом коэффициента Макдональда ω и дополнительным расчетом α Кронбаха.
9. Проверка тест-ретестовой надежности через 2–4 недели.
10. Анализ конвергентной валидности с многофактор-

ным опросником эмпатии М. Дэвиса, шкалами эмоциональной регуляции и личного дистресса; дискриминантной валидности — с тревогой, воспринимаемым стрессом и социальной желательностью.

11. Проверка измерительной инвариантности по полу, возрасту и принадлежности к помогающим профессиям.
12. Отказ от диагностических порогов до отдельного исследования с внешним клиническим критерием.

Заключение

Эмпатическая чувствительность не может быть научно описана одним показателем, поскольку субъективный опыт «чувствования другого» включает распознавание социальных сигналов, интенсивность аффективного и телесного ответа, способность сохранять различие собственных и чужих состояний, выбор помогающей стратегии и последствия повторяющегося вовлечения.

Предложенная авторская модель объединяет пять компонентов: эмпатическое распознавание, аффективный и телесный резонанс, дифференциацию себя и другого, эмоциональную перегрузку и гиперответственное помогающее поведение. Ее центральное положение заключается в том, что истощение следует рассматривать как возможный результат определенной конфигурации процессов, а не как прямое и обязательное следствие высокой эмпатии.

На текущем этапе модель имеет теоретико-концептуальный статус. Ее научная состоятельность должна оцениваться через разработку банка пунктов, содержательную валидацию, факторный анализ, проверку надежности и сопоставление с внешними критериями. До завершения этой программы карта сохраняет статус психообразовательного инструмента самонаблюдения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Davis M.H. Measuring individual differences in empathy: Evidence for a multidimensional approach. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983;44(1):113–126. DOI: 10.1037/0022-3514.44.1.113.
2. Decety J., Jackson P.L. The functional architecture of human empathy. *Behavioral and Cognitive Neuroscience Reviews*. 2004;3(2):71–100. DOI: 10.1177/1534582304267187.
3. de Vignemont F., Singer T. The empathic brain: How, when and why? *Trends in Cognitive Sciences*. 2006;10(10):435–441. DOI: 10.1016/j.tics.2006.08.008.
4. Singer T., Lamm C. The social neuroscience of empathy. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2009;1156:81–96. DOI: 10.1111/j.1749-6632.2009.04418.x.
5. Zaki J., Ochsner K.N. The neuroscience of empathy: Progress, pitfalls and promise. *Nature Neuroscience*. 2012;15(5):675–680. DOI: 10.1038/nn.3085.
6. Cuff B.M.P., Brown S.J., Taylor L., Howat D.J. Empathy: A review of the concept. *Emotion Review*. 2016;8(2):144–153. DOI: 10.1177/1754073914558466.
7. Bird G., Viding E. The self to other model of empathy: Providing a new framework for understanding empathy impairments in psychopathy, autism, and alexithymia. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 2014;47:520–532. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2014.09.021.
8. Shamay-Tsoory S.G., Aharon-Peretz J., Perry D. Two systems for empathy: A double dissociation between emotional and cognitive empathy in inferior frontal gyrus versus ventromedial prefrontal lesions. *Brain*. 2009;132(3):617–627. DOI: 10.1093/brain/awn279.
9. Zaki J., Bolger N., Ochsner K. It takes two: The interpersonal nature of empathic accuracy. *Psychological Science*. 2008;19(4):399–404. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2008.02099.x.
10. Ickes W., Stinson L., Bissonnette V., Garcia S. Naturalistic social cognition: Empathic accuracy in mixed-sex dyads. *Journal of Personality and Social Psychology*.

- 1990;59(4):730–742. DOI: 10.1037/0022-3514.59.4.730.
11. Prochazkova E., Kret M.E. Connecting minds and sharing emotions through mimicry: A neurocognitive model of emotional contagion. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 2017;80:99–114. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2017.05.013.
 12. Craig A.D. How do you feel — now? The anterior insula and human awareness. *Nature Reviews Neuroscience*. 2009;10(1):59–70. DOI: 10.1038/nrn2555.
 13. Ernst J., Northoff G., Böker H., Seifritz E., Grimm S. Interoceptive awareness enhances neural activity during empathy. *Human Brain Mapping*. 2013;34(7):1615–1624. DOI: 10.1002/hbm.22014.
 14. Singer T., Klimecki O.M. Empathy and compassion. *Current Biology*. 2014;24(18):R875–R878. DOI: 10.1016/j.cub.2014.06.054.
 15. Klimecki O.M., Leiberg S., Ricard M., Singer T. Differential pattern of functional brain plasticity after compassion and empathy training. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. 2014;9(6):873–879. DOI: 10.1093/scan/nst060.
 16. Tone E.B., Tully E.C. Empathy as a risky strength: A multilevel examination of empathy and risk for internalizing disorders. *Development and Psychopathology*. 2014;26(4 Pt 2):1547–1565. DOI: 10.1017/S0954579414001199.
 17. Thompson N.M., Uusberg A., Gross J.J., Chakrabarti B. Empathy and emotion regulation: An integrative account. *Progress in Brain Research*. 2019;247:273–304. DOI: 10.1016/bs.pbr.2019.03.024.
 18. Krol S.A., Bartz J.A. The self and empathy: Lacking a clear and stable sense of self undermines empathy and helping behavior. *Emotion*. 2022;22(7):1554–1571. DOI: 10.1037/emo0000943.
 19. Sinclair S., Raffin-Bouchal S., Venturato L., Mijovic-Kondejewski J., Smith-MacDonald L. Compassion fatigue: A meta-narrative review of the healthcare literature. *International Journal of Nursing Studies*. 2017;69:9–24. DOI: 10.1016/j.ijnurstu.2017.01.003.
 20. Cavanagh N., Cockett G., Heinrich C., Doig L., Fiest K., Guichon J.R., Page S., Mitchell I., Doig C.J. Compassion fatigue in healthcare providers: A systematic review and meta-analysis. *Nursing Ethics*. 2020;27(3):639–665. DOI: 10.1177/0969733019889400.
 21. Карягина Т.Д., Будаговская Н.А., Дубровская С.В. Адаптация многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса. *Консультативная психология и психотерапия*. 2013;21(1):202–227. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2013_n1/65006.
 22. Карягина Т.Д., Кухтова Н.В. Тест эмпатии М. Дэвиса: содержательная валидность и адаптация в межкультурном контексте. *Консультативная психология и психотерапия*. 2016;24(4):33–61. DOI: 10.17759/cpp.2016240403.
 23. Карягина Т.Д., Придачук М.А. Эмпатически обусловленный дистресс и возможности его диагностики. *Консультативная психология и психотерапия*. 2017;25(2):8–38. DOI: 10.17759/cpp.2017250202.
 24. Карягина Т.Д., Кухтова Н.В., Олифинович Н.И., Шермазанян Л.Г. Профессионализация эмпатии и предикторы выгорания помогающих специалистов. *Консультативная психология и психотерапия*. 2017;25(2):39–58. DOI: 10.17759/cpp.2017250203.
 25. Медведская Е.И., Шерягина Е.В. Особенности эмпатии и профессионального выгорания белорусских и российских педагогов. *Консультативная психология и психотерапия*. 2017;25(2):59–74. DOI: 10.17759/cpp.2017250204.
 26. Baethge C., Goldbeck-Wood S., Mertens S. SANRA—a scale for the quality assessment of narrative review articles. *Research Integrity and Peer Review*. 2019;4:5. DOI: 10.1186/s41073-019-0064-8.
 27. Boateng G.O., Neilands T.B., Frongillo E.A., Melgar-Quinonez H.R., Young S.L. Best practices for developing and validating scales for health, social, and behavioral research: A primer. *Frontiers in Public Health*. 2018;6:149. DOI: 10.3389/fpubh.2018.00149.

© Тур Екатерина Юрьевна (tur.e.y@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ В КОРРЕКЦИИ ИМПУЛЬСИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЁННЫХ

Фиалковская Екатерина Владимировна

кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, НИИ ФСИН России (г. Москва)
19katrin81@bk.ru

BIOFEEDBACK IN THE CORRECTION OF IMPULSIVE BEHAVIOR IN CONVICTED OFFENDERS

E. Fialkovskaya

Summary: The article examines the potential use of biofeedback in the correction of impulsive behavior among prisoners. The practical value of this method depends on the characteristics of particular behavioral episodes. Its application appears most justified in emotionally driven reactions preceded by marked physiological arousal. The paper describes the principal mechanisms of biofeedback training, including operant conditioning, the development of interoceptive awareness, and the acquisition of voluntary state-regulation skills. Cardiorespiratory, electromyographic, electrodermal, and electroencephalographic biofeedback are discussed. The article also outlines principles for participant selection, session organization, and outcome assessment in correctional institutions. Changes in physiological parameters during training are not considered sufficient evidence of behavioral improvement. Program effectiveness should be assessed by whether prisoners detect increasing arousal earlier, interrupt escalating conflicts, and retain the acquired skill outside training sessions. The current evidence base remains limited, which supports the use of biofeedback as one component of comprehensive psychological intervention rather than as an independent correctional method.

Keywords: biofeedback, impulsive behavior, prisoners, self-regulation, reactive aggression, physiological arousal, interoceptive awareness.

Аннотация: В статье рассматриваются возможности применения биологической обратной связи в коррекции импульсивного поведения осуждённых. Показано, что практическое значение метода определяется особенностями конкретных эпизодов, а его использование наиболее обосновано при эмоционально обусловленных реакциях, которым предшествует выраженное физиологическое возбуждение. Раскрываются основные механизмы БОС-тренинга, включая оперантное обусловливание, развитие интероцептивной осведомлённости и формирование навыков произвольной регуляции состояния. Рассмотрены кардиореспираторная, электромиографическая, электродермальная и электроэнцефалографическая обратная связь. Описаны принципы отбора участников, организации занятий и оценки результатов в условиях исправительного учреждения. Подчёркивается, что изменение физиологических показателей во время тренировки не свидетельствует само по себе о коррекции поведения. Эффективность программы должна оцениваться по тому, насколько рано осуждённый замечает нарастание возбуждения, способен ли остановить развитие конфликта и сохраняется ли освоенный навык вне занятий. Сделан вывод об ограниченной доказательной базе и целесообразности включения БОС в комплексную психологическую работу.

Ключевые слова: биологическая обратная связь, импульсивное поведение, осуждённые, саморегуляция, реактивная агрессия, физиологическое возбуждение, интероцептивная осведомлённость.

Импульсивное поведение осуждённых практическая проблема для пенитенциарных психологов. Нужно учитывать, что не любое импульсивное действие априори опасно, коррекционного внимания требуют эпизоды, в которых действие опережает оценку ситуации, человек не удерживает первоначальное намерение, не может остановить начавшийся конфликт либо выбирает немедленную реакцию ценой предсказуемых последствий. В исправительном учреждении подобные эпизоды выражаются в резком ответе на замечание, физической агрессии, демонстративном отказе выполнять законное требование, и т.п. Общей характеристикой для импульсивных действий является не само содержание действия, а нарушение своевременного контроля над ним.

Проблему отягощают сами условия отбывания нака-

зания. У заключённых практически отсутствуют безопасные способы дистанцирования. Исследования связывают агрессивное поведение с личностными факторами и особенностями пенитенциарной среды, включая пространственные ограничения, напряжённость отношений и влияние субкультуры¹, то есть необходимо учитывать сложность социального контекста саморегуляции.

Различные коррекционные программы помогают осваивать альтернативные способы реагирования, однако при резком росте возбуждения человек возвращается к привычным паттернам реагирования, которые нередко агрессивны. Исследование И.Н. Коноплевой и соавт. позволяет рассматривать саморегуляцию осуждённых как совокупность отдельных процессов, включающих планирование, программирование действий, оценку ре-

¹ Диденко А.В., Писарев О.М., Мальцева Е.А. Характеристика проагрессивных факторов у осуждённых за сексуальные преступления против несовершеннолетних // Психология и право. — 2021. — Т. 11, № 1. — С. 48–62. — DOI: 10.17759/psylaw.2021110105.

зультатов, гибкость и самостоятельность, а не говорить только об уровне самоконтроля².

Импульсивность объединяет несколько различающихся нарушений регуляции. Человек может принимать решения без достаточного обдумывания, не учитывать отдалённые последствия, испытывать трудности с удержанием внимания или плохо останавливать уже начатое действие. Отдельное место занимают поступки, совершаемые под влиянием сильной эмоции. Различия между этими проявлениями имеют практическое значение, поскольку БОС воздействует на физиологическое состояние и потому подходит лишь для части импульсивных эпизодов.

Данные, полученные среди заключённых, не подтверждают существование единого дефицита, одинаково связанного со всеми формами проблемного поведения. В исследовании 590 женщин импульсивность была связана с агрессивным и антисоциальным поведением, личностной патологией и нарушениями режима. Вместе с тем женщины, осуждённые за насильственные и ненасильственные преступления, по её выраженности не различались³. В другой выборке насильственные нарушения зависели от сочетания недостаточного предварительного обдумывания с эмоционально-межличностными чертами психопатии⁴. Сравнение 283 заключённых мужчин с 51 участником контрольной группы показало, что заключённые хуже выполняли эмоциональную задачу, т.е. торможение реакции у них менее эффективное⁵. Даже выраженный гнев не определяет дальнейшее поведение однозначно. У 102 мужчин, отбывавших длительные сроки за тяжёлые насильственные преступления, текущее состояние гнева было связано с агрессией, а на его интенсивность влияли нейротизм, враждебность и устойчивая склонность к гневным реакциям⁶.

В рамках нашей работы важно различать реактивную и инструментальную агрессию. Реактивный эпизод начинается после воспринимаемой угрозы или фрустрации, быстро усиливается и сопровождается телесной мобилизацией. Инструментальное действие подчинено

цели, выгоде или норме группы и может совершаться спокойно. БОС потенциально воздействует на раннюю аффективную фазу – реактивную агрессию, и почти не затрагивает мотивированное продолжение.

Биологическая обратная связь, далее — БОС, представляет технологию, при которой физиологический процесс регистрируется и предъявляется человеку в зрительной или звуковой форме. Центральный вопрос статьи состоит в том, каким образом обучение физиологической саморегуляции может поддержать контроль поведения осуждённого в эмоционально напряжённой ситуации.

Датчики могут фиксировать частоту сердечных сокращений и интервалы между ними, ритм дыхания, электрическую проводимость кожи, мышечное напряжение, периферическую температуру или характеристики электроэнцефалограммы. На экране появляется график, числовой показатель, изменение изображения либо движение игрового объекта. Сигнал сообщает участнику, произошло ли ожидаемое изменение после попытки замедлить дыхание, ослабить мышцы или переключить внимание^{7,8}.

Оперантное обусловливание составляет основу биологической обратной связи. Само по себе оборудование не влияет на состояние человека, его функционал ограничен измерением и предъявлением информации. Изменение собственного состояния – это задача участника программы, который, пробуя разные действия, постепенно выделяет наиболее подходящую для него стратегию. Обратная связь необходима, чтобы понять, действительно ли человек достиг нужного эффекта или ему так кажется (например, человеку кажется, что он расслаблен, хотя датчики показывают, что мышечный тонус не изменился). Другими словами, объективный сигнал уточняет субъективное впечатление, сокращая временной разрыв между попыткой и её результатом. Своевременность обратной связи уменьшает неопределённость, характерную для повседневной саморегуляции. Вместе с тем физиологические процессы облада-

2 Коноплева И.Н., Князева С.О., Дебольский М.Г., Красненкова С.А. Особенности саморегуляции у осуждённых, совершивших преступления при рецидиве // Психология и право. — 2022. — Т. 12, № 2. — С. 27–41. — DOI: 10.17759/psylaw.2022120203.

3 Komarovskaya I. The role of impulsivity in antisocial and violent behavior and personality disorders among incarcerated women / I. Komarovskaya, A.B. Loper, J. Warren // Criminal Justice and Behavior. — 2007. — Vol. 34, no. 11. — P. 1499–1515. — DOI 10.1177/0093854807306354.

4 Thomson N.D. Which features of psychopathy and impulsivity matter most for prison violence? New evidence among female prisoners / N.D. Thomson, J. Vassileva, K. A. Kiehl [et al.] // International Journal of Law and Psychiatry. — 2019. — Vol. 64. — P. 26–33. — DOI 10.1016/j.ijlp.2019.01.001.

5 Jansen J.M. Emotional rapid response impulsivity in incarcerated men and non-incarcerated controls / J. M. Jansen, A.Q. Bosma, H. Palmen // Journal of Forensic Psychology Research and Practice. — 2024. — Vol. 24, no. 4. — P. 397–414. — DOI 10.1080/24732850.2022.2140093.

6 Hornsveld R.H.J. Psychological factors predicting violent prison inmates' anger and aggression / R.H.J. Hornsveld, F.W. Kraaijaat // Journal of Forensic Psychology Research and Practice. — 2023. — Vol. 23, no. 5. — P. 472–488. — DOI 10.1080/24732850.2022.2048768.

7 Кунельская Н.Л., Резакова Н.В., Гудкова А.А., Гехт А.Б. Метод биологической обратной связи в клинической практике // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. — 2014. — Т. 114, № 8. — С. 46–50.

8 Павлов Ю.Г. Эффективность лечения зависимости методом ЭЭГ-биоуправления // Национальный психологический журнал. — 2014. — № 1. — С. 95–101. — DOI: 10.11621/npj.2014.0110.

ют собственной инерцией, которые также необходимо учитывать.

Качество тренировки также связано с предложенным материалом. Так, для участников требуется адаптивная настройка связи между усилием и результатом, которая учитывает исходный уровень конкретного участника и изменения в результатах. По мере освоения навыка требования могут постепенно усложняться. Первые понятные результаты нередко поддерживают включённость в работу, особенно у осуждённых, не доверяющих психологическим процедурам, но повышение мотивации ещё не свидетельствует о коррекции поведения.

Значительная часть работы связана с развитием интросептивной осведомлённости. Импульсивная реакция часто воспринимается как внезапная, хотя ещё до её внешнего проявления существуют физиологические изменения, например, меняется дыхание, сердцебиение, усиливается напряжение мышц, появляется потливость и др. Сопоставление физиологических ощущений с ситуацией позволяет отслеживать состояние, для дальнейших поведенческих изменений⁹.

Физиологическая тренировка направлена на повышение гибкости регуляции. Постоянно низкий уровень возбуждения не является универсальной целью, поскольку определённая мобилизация нужна для защиты границ, физической деятельности и быстрого обращения за помощью. Практическое значение имеет способность удерживать активацию в диапазоне, совместимом с обдуманым действием, а после завершения напряжённой ситуации возвращаться к более устойчивому состоянию.

Отдельно следует отметить, что физиологическое возбуждение не указывает на конкретную эмоцию. БОС помогает оценить интенсивность и динамику реакции, тогда как её психологический смысл определяется с учётом ситуации, мыслей, побуждений и предшествующего опыта. Телесный сигнал следует отделять и от его интерпретации. Ощущение напряжения подтверждает только наличие физиологической мобилизации, без подтверждения намерения напасть. Разделение наблюдаемого изменения и вывода о ситуации создаёт дополнительную возможность для регуляции импульса.

Наиболее разработанным направлением считается кардиореспираторная обратная связь. Медленное ритмичное дыхание сопровождается закономерными колебаниями частоты сердечных сокращений. Тренировка вблизи индивидуальной резонансной частоты, которая нередко располагается около шести дыхательных циклов в минуту, может усиливать согласованность дыхательной и сердечной динамики и затрагивать барорефлекторную регуляцию¹⁰.

Метааналитические данные указывают на небольшие и умеренные положительные эффекты БОС по вариативности сердечного ритма в отношении ряда эмоциональных и соматических показателей¹¹. В ряде исследований более высокая вариативность сердечного ритма ассоциировалась с лучшим выполнением исполнительных задач¹². Другими словами, мы можем предположить, что снижение чрезмерной мобилизации организма облегчает удержание цели, переключение внимания и оценку последствий.

Среди других способов для коррекции реактивных эпизодов практический интерес представляют электромиографическая и электродермальная обратная связь. Электромиография уместна, если перед действием у человека регулярно напрягаются челюсть, плечи или кисти. Тренировка направляется на уменьшение двигательной готовности до начала открытого конфликта. Электродермальная активность чувствительна к раннему повышению общего возбуждения, но зависит от движения, температуры и контакта датчиков.

Более сложным вариантом является биологическая обратная связь по электроэнцефалограмме, или ЭЭГ-БОС. Для неё на поверхности головы размещаются электроды, регистрирующие электрическую активность головного мозга. Компьютер выделяет заданные характеристики этой активности и преобразует их в изображение, звук или изменение игрового объекта. Участник пробует удерживать внимание, расслабляться или использовать другие стратегии и наблюдает, после каких действий тренируемый показатель изменяется в заданном направлении. Исследования ЭЭГ-БОС на 19 судебно-психиатрических пациентов показал, что только каждый пятый устойчиво изменял целевые характеристики ЭЭГ. Самооценка импульсивности снизилась у участников

9 Garfinkel S.N. Knowing your own heart: distinguishing interoceptive accuracy from interoceptive awareness / S.N. Garfinkel, A.K. Seth, A. B. Barrett [et al.] // *Biological Psychology*. – 2015. – Vol. 104. – P. 65–74. – DOI 10.1016/j.biopsycho.2014.11.004.

10 Lehrer P.M. Heart rate variability biofeedback: how and why does it work? / P. M. Lehrer, R. Gevirtz // *Frontiers in Psychology*. – 2014. – Vol. 5. – Art. 756. – DOI 10.3389/fpsyg.2014.00756.

11 Lehrer P. Heart rate variability biofeedback improves emotional and physical health and performance: a systematic review and meta-analysis / P. Lehrer, K. Kaur, A. Sharma [et al.] // *Applied Psychophysiology and Biofeedback*. – 2020. – Vol. 45, no. 3. – P. 109–129. – DOI 10.1007/s10484-020-09466-z.

12 Thayer J.F. Heart rate variability, prefrontal neural function, and cognitive performance: the neurovisceral integration perspective on self-regulation, adaptation, and health / J.F. Thayer, A.L. Hansen, E. Saus-Rose, B.H. Johnsen // *Annals of Behavioral Medicine*. – 2009. – Vol. 37, no. 2. – P. 141–153. – DOI 10.1007/s12160-009-9101-z.

независимо от того, научились ли они управлять показателем¹³.

Отбор участников целесообразно начинать с анализа нескольких недавних эпизодов. Психолог вместе с осуждённым восстанавливает момент, когда ситуация стала выходить из-под контроля. БОС обоснована преимущественно тогда, когда в нескольких ситуациях повторяется схожая динамика импульсивного поведения.

БОС целесообразно включать в более широкую коррекционную работу, поскольку созданная пауза решает лишь проблему своевременного доступа к выбору поведения. Если осуждённый считает неоднозначное замечание намеренным унижением, физиологическая регуляция не изменит эту оценку. Психологическая работа в данном случае обращается к проверке первоначального вывода и возможных последствий ответа. Следующий шаг связан с подготовкой формы поведения, которая не усиливает конфликт.

Практическая реализация программы зависит от устойчивости расписания. Частые перерывы между занятиями затрудняют закрепление связи между телесным признаком и выбранным действием. До начала программы следует определить, возможно ли провести необходимое число встреч, и кто продолжит сопровождение при изменении условий содержания. Техническая сложность протокола имеет второстепенное значение, если учреждение не может обеспечить его последовательное проведение.

Оценка программы должна соответствовать причине, по которой осуждённый был в неё включён. Способность изменить физиологический показатель во время занятия подтверждает освоение отдельной операции саморегуляции. Для коррекционной работы этого недостаточно. Основным результатом проявляется в тех ситуациях, где прежде возникало импульсивное действие. Психолог отслеживает, стал ли человек раньше замечать

изменение состояния и чаще ли ему удаётся остановить развитие конфликта. Учитывается также тяжесть произошедших эпизодов. Простое уменьшение числа вызовов малоинформативно, поскольку оно может быть связано с изменением условий содержания или отсутствием привычных провокаций.

Исходный период наблюдения необходим для сопоставления поведения до начала программы и после её завершения. Сведения о произошедших эпизодах желательно получать из нескольких источников. Самоотчёт показывает, как осуждённый оценивает собственные изменения, однако зависит от заинтересованности в благоприятной характеристике. Официально зарегистрированные нарушения отражают только те события, которые были замечены сотрудниками и получили дисциплинарную оценку. Разбор конкретных ситуаций помогает установить, изменился ли сам способ реагирования. Отсроченное наблюдение показывает, сохраняется ли результат после прекращения регулярных занятий.

Доказательная база пока не даёт оснований рассматривать БОС как установленный способ коррекции импульсивного поведения осуждённых. Большинство исследований проведено в клинических или судебно-психиатрических выборках. Условия исправительного учреждения в них представлены недостаточно. Положительная динамика после комплексной программы ещё не устанавливает самостоятельный вклад БОС.

В пенитенциарной практике БОС может занимать ограниченное место в работе с эмоционально обусловленной импульсивностью. Наиболее обоснованным основанием для её применения служат повторяющиеся эпизоды, которым предшествует заметное физиологическое возбуждение и последующая утрата контроля. Метод помогает человеку раньше обнаружить изменение состояния и сохранить возможность выбора поведения. Его практическая ценность определяется изменением реальных конфликтных эпизодов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диденко А.В., Писарев О.М., Мальцева Е.А. Характеристика проагрессивных факторов у осуждённых за сексуальные преступления против несовершеннолетних // Психология и право. — 2021. — Т. 11, № 1. — С. 48–62. — DOI: 10.17759/psylaw.2021110105.
2. Коноплева И.Н., Князева С.О., Дебольский М.Г., Красненкова С.А. Особенности саморегуляции у осуждённых, совершивших преступления при рецидиве // Психология и право. — 2022. — Т. 12, № 2. — С. 27–41. — DOI: 10.17759/psylaw.2022120203.
3. Кунельская Н.Л., Резакова Н.В., Гудкова А.А., Гехт А.Б. Метод биологической обратной связи в клинической практике // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. — 2014. — Т. 114, № 8. — С. 46–50.
4. Павлов Ю.Г. Эффективность лечения зависимостей методом ЭЭГ-биоуправления // Национальный психологический журнал. — 2014. — № 1. — С. 95–101. — DOI: 10.11621/npj.2014.0110.
5. Fielenbach S., Donkers F. C. L., Spreen M., Bogaerts S. The ability of forensic psychiatric patients with substance use disorder to learn neurofeedback // International

13 Fielenbach S., Donkers F.C.L., Spreen M., Bogaerts S. The ability of forensic psychiatric patients with substance use disorder to learn neurofeedback // International Journal of Forensic Mental Health. — 2019. — Vol. 18, no. 3. — P. 187–199. — DOI: 10.1080/14999013.2018.1485187.

- Journal of Forensic Mental Health. — 2019. — Vol. 18, no. 3. — P. 187–199. — DOI: 10.1080/14999013.2018.1485187
6. Garfinkel S.N. Knowing your own heart: distinguishing interoceptive accuracy from interoceptive awareness / S.N. Garfinkel, A.K. Seth, A.B. Barrett [et al.] // *Biological Psychology*. — 2015. — Vol. 104. — P. 65–74. — DOI 10.1016/j.biopsycho.2014.11.004.
 7. Hornsveld R.H.J. Psychological factors predicting violent prison inmates' anger and aggression / R.H.J. Hornsveld, F.W. Kraaimaat // *Journal of Forensic Psychology Research and Practice*. — 2023. — Vol. 23, no. 5. — P. 472–488. — DOI 10.1080/24732850.2022.2048768.
 8. Jansen J.M. Emotional rapid response impulsivity in incarcerated men and non-incarcerated controls / J.M. Jansen, A.Q. Bosma, H. Palmen // *Journal of Forensic Psychology Research and Practice*. — 2024. — Vol. 24, no. 4. — P. 397–414. — DOI 10.1080/24732850.2022.2140093.
 9. Komarovskaya I. The role of impulsivity in antisocial and violent behavior and personality disorders among incarcerated women / I. Komarovskaya, A.B. Loper, J. Warren // *Criminal Justice and Behavior*. — 2007. — Vol. 34, no. 11. — P. 1499–1515. — DOI 10.1177/0093854807306354.
 10. Lehrer P. Heart rate variability biofeedback improves emotional and physical health and performance: a systematic review and meta-analysis / P. Lehrer, K. Kaur, A. Sharma [et al.] // *Applied Psychophysiology and Biofeedback*. — 2020. — Vol. 45, no. 3. — P. 109–129. — DOI 10.1007/s10484-020-09466-z.
 11. Lehrer P.M. Heart rate variability biofeedback: how and why does it work? / P.M. Lehrer, R. Gevirtz // *Frontiers in Psychology*. — 2014. — Vol. 5. — Art. 756. — DOI 10.3389/fpsyg.2014.00756.
 12. Thayer J.F. Heart rate variability, prefrontal neural function, and cognitive performance: the neurovisceral integration perspective on self-regulation, adaptation, and health / J.F. Thayer, A.L. Hansen, E. Saus-Rose, B.H. Johnsen // *Annals of Behavioral Medicine*. — 2009. — Vol. 37, no. 2. — P. 141–153. — DOI 10.1007/s12160-009-9101-z.
 13. Thomson N.D. Which features of psychopathy and impulsivity matter most for prison violence? New evidence among female prisoners / N.D. Thomson, J. Vassileva, K.A. Kiehl [et al.] // *International Journal of Law and Psychiatry*. — 2019. — Vol. 64. — P. 26–33. — DOI 10.1016/j.ijlp.2019.01.001.

© Фиалковская Екатерина Владимировна (19katrin81@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗНАЧИМОСТЬ СЕМЬИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ

Чижова Карина Игоревна

кандидат педагогических наук, доцент, Российский
государственный гуманитарный университет
carina-7@mail.ru

THE IMPORTANCE OF FAMILY IN THE PSYCHOLOGICAL STRUCTURE OF YOUTH VALUES

K. Chizhova

Summary: The relevance of the study of family values among young people is due to social changes in society such as: rapidly changing requirements for a person, technologization, a situation of uncertainty, a high level of stress experienced by a person and much more influences the formation and constant changes in the structure of the life values of young people. The article presents sociological data from the results of surveys on family issues and family values, an analysis of the main approaches of foreign and domestic psychological research in the study of family values, as well as the results of the author's empirical study of the importance of family among young people.

Keywords: family, postmodernism, values, family values, marriage, parenthood.

Аннотация: Актуальность исследования ценностей семьи у молодежи обусловлена социальными изменениями в обществе такими как: быстро меняющиеся требования к человеку, технологизация, ситуация неопределенности, высокий уровень стресса, переживаемый человеком и многое другое оказывает влияние на формирование и постоянное изменение в структуре жизненных ценностей молодежи. В статье представлены социологические данные результатов опросов по проблемам семьи и семейных ценностей, анализ основных подходов зарубежных и отечественных психологических исследований в изучении семейных ценностей, а также результаты авторского эмпирического исследования значимости семьи у молодежи.

Ключевые слова: семья, постмодернизм, ценностные установки, семейные ценности, супружество, родительство.

Современные вызовы, такие как рост числа разводов, откладывание брака и снижение рождаемости, подчеркивают важность исследования того, как семья приспосабливается к изменяющимся социальным условиям. По мнению Р. Инглхарта [1] в условиях постмодерна происходит изменение ценностных ориентаций, которые связаны с индивидуализмом и постматериалистическими установками. С ростом экономической стабильности и личной безопасности индивиды начинают отдавать предпочтение самовыражению, автономии и качеству межличностных отношений, а не следованию традиционным нормам. Также в условиях постмодерна усиливается значение индивидуальной свободы, автономии и самореализации, что способствует откладыванию брака и рождения детей, а также росту популярности альтернативных форм семейной жизни и бездетности [2]. Глобализация, рост доступности информации и взаимодействие между культурами способствуют переосмыслению семейных ролей и ценностей. Это проявляется в увеличении терпимости к альтернативным формам семьи и равенству гендерных ролей [4]. Брак перестает быть обязательным институтом, необходимым для статуса и экономической безопасности, а все чаще рассматривается как личный выбор, обусловленный эмоциональной близостью и взаимным уважением. Молодежь, стремясь к созданию устойчивых и качественных отношений, ставит в приоритет профессиональную самореализацию и финансовую стабильность,

что приводит к более позднему вступлению в брак. Ценности самореализации приводят к переосмыслению традиционных ролей родителей. Молодежь стремится интегрировать родительство с профессиональными и личными амбициями, что влияет на репродуктивное поведение. Давление постматериалистических ценностей способствует размыванию гендерных ролей и созданию более равноправных моделей семейных отношений [6].

Цель данного исследования посвящена изучению того, сохраняет ли семья значимость для молодого поколения и обусловлены ли изменения в восприятии семейных ценностей изменением приоритетов молодежи в пользу личных свобод. Для достижения цели была проведена следующая аналитическая работа: - анализ данных ВЦИОМ; - анализ зарубежных и отечественных научных исследований; - анализ результатов авторского исследования.

Данные за 2024-25 год, которые предоставил ВЦИОМ по результатам опросов, посвященных восприятию семьи и семейных ценностей, показали, что порядка 70–77% респондентов в возрасте 18–34 лет указали, что семья является важной ценностью. При этом на важность карьерного роста указали 81% опрошенных, также в качестве ценностей выбраны: повышение социального статуса (72%), творческая самореализация (71%), участие в общественной и политической жизни (52%),

волонтерская деятельность (49%). Лишь 19% молодых людей выразили готовность в любой ситуации следовать традициям своей семьи, а 20% – соблюдать религиозные нормы (ВЦИОМ 2024). По мнению большинства россиян, основная ответственность за воспитание и социализацию детей лежит на семье (78%), в то время как доля других социальных институтов – государства, образования, и окружения оценивается в 14 %. Сохранение традиционных семейных ценностей, связанных с материнством, отцовством и детством, находит отклик у 76% молодежи. Таким образом, данные опросов ВЦИОМ подтверждают, что семья является ключевым социальным институтом, который адаптируется к современным вызовам. Семья остается важной ценностью для большинства россиян, особенно в контексте воспитания детей, но традиционные семейные роли и многодетность теряют актуальность среди молодежи.

К основным факторам, влияющим на формирование семейных ценностей и определяющих ценностную систему современной семьи, можно отнести факторы макроуровня и микроуровня:

1. К факторам макроуровня относят:
 - качество жизни людей – обеспеченность или достаток, безопасность, или проживание в экстремальных условиях (катастрофы, войны, пандемия, гибель людей, политические трансформации и пр.);
 - фактор занятости и социальный статус – то, к какому классу относится семья, к какому статусу стремятся родители и какой статус ожидают от выросших детей и пр.;
 - актуальное состояние социальной инфраструктуры – доступность современных технологий, медицины, образования;
 - тенденции в обществе, – какие ценности отвергаются или приветствуются, почитаются, какие приносятся извне;
2. К факторам микроуровня исследователи относят:
 - объективные: возраст, пол, образование, материальный статус;
 - субъективные: мотивы, потребности, интересы и предпочтения.

Стоит отметить, что мнения исследователей в отношении современных молодежных семейных ценностей расходятся. Так, если одни исследователи отмечают то, что в последнее время семейные ценности для молодежи отходят на вторичный план, другие полагают, что семейные ценности современной молодежи качественно и содержательно изменились, третьи же убеждены, что в последнее время у современной российской молодежи отмечается тенденция к почитанию традиционных семейных ценностей. Существенное снижение значимости семейных ценностей у современной молодежи связано с тем, что в последнее время для молодых людей на первый план выходит приоритет индивидуалистического

«Я», в центре притязаний и устремлений современной молодежи в большей мере присутствует эгоцентризм, нежели у представителей более старших поколений. Эгоцентризм и вседозволенность в сочетании с инфантильностью подрастающего поколения, низкий уровень представлений о базовой социально-психологической функции человека – родительство. В последнее время обозначилась тенденция к существенным трансформациям в становлении семейных ценностей у молодежи. Так, развитие инновационных технологий, сети интернет, возможность получать практически любую информацию и возможность неограниченного виртуального общения, постепенно вытесняют межличностные отношения и выводят на первый план у молодежи новые ценности, замещая традиционные, и, в частности, семейные ценности. Согласно данным опросов, проведенных как зарубежными, так и отечественными исследователями, у большой доли современной молодежи среди ценностей можно выделить такие, как: потребление, внешний вид, индивидуальность, свобода, противопоставление и сопротивление устоявшимся нормам, массовое признание, быстрая популярность, быстрый и легкий заработок, свободные отношения, беспорядочные сексуальные связи без обязательств и пр.

А.А. Реан [5] полагает, что отношение к семье, супружеству, родительству динамично, и может изменяться с течением времени, в зависимости от происходящих трансформаций отношения индивида к семье, изменяются и его семейные ценности. Некоторые сформированные семейные ценности со временем могут утратить значимость (к примеру, ценность беззаветной любви в супружестве, ценность верности и пр.), или утратиться совсем (например, ценность строгого патриархального уклада в семье). На смену утратившим значимость семейным ценностям могут прийти новые. К примеру: вместо беззаветной любви – эмоциональная близость, умение выстраивать взаимно удобные, дружеские взаимоотношения в семье ради сохранения семьи для детей, взаимное уважение и доверие и пр.

Стоит отметить следующую особенность в процессе формирования семейных ценностей у молодежи – для молодого поколения свойственен процесс временно-го обесценивания и потери авторитета старшего поколения и родителей в период активной социализации в молодежной среде, когда на первый план выходят ценности молодежного коллектива. В этот период происходит перенос центра социализации в группу сверстников. Из-за чего эмоциональная связь с родителями снижается, и в какой-то степени обесцениваются те ценности, которые транслируются подрастающему поколению старшим. Однако, по мнению А.А. Реан, гиперболизация идеи о «замещении родителей» молодежной группой в действительности мало соответствуют реальной психологической картине. Согласно данным некоторых ис-

следований несмотря на то, что если родители как центр формирования семейных ценностей молодежи и отступают в определенный период на второй план, то это относится исключительно к определенным областям жизни молодых людей. В целом же для молодежи родители, и особенно мать – остаются важнейшими эмоционально близкими людьми, которые оказывают сильнейшее влияние на формирование семейных ценностей [7].

Как показывают результаты исследования, проведенного А.А. Реан, в системе отношений молодежи к социальному окружению и формированию молодыми людьми ценностных установок, в том числе и семейных ценностей, именно отношение к матери оказываются наиболее положительным. Исследователем было выявлено то, что снижение положительного отношения к матери, а также усиление негативных характеристик при описании матери соответствует последующему общему возрастанию негативизма прочих социальных отношений личности. А.А. Реан, полагает, что за данным выявленным фактом стоит фундаментальный феномен проявления тотального негативизма (негативизма ко всем социальным объектам, явлениям и нормам) у тех индивидов, для которых свойственно негативное отношение к собственной матери. Также негативное отношение к собственной матери является важным показателем общего неблагоприятного развития личности.

Таким образом, можно сделать вывод, что семейные ценности – это субъективные положительные, либо отрицательные показатели значимости объектов или явлений, для семейной группы и общества, воспринимающего семью и определенные семейные традиции как значимые и важные для данного общества и группы людей. Семейные ценности основаны на совместной деятельности супругов (организация семейного быта, супружеских взаимоотношений, подчиненности, доверии и пр.) или группы людей, связанных узами родства. При изучении семейных ценностей на первый план ставится психологическая деятельность человека при определении объекта или явления как ценности (особенности оценочной деятельности индивида, направленная на восприятие предмета и на субъективную оценку его свойств с точки зрения их важности, полезности, для удовлетворения своих потребностей, интересов, и для реализации целей деятельности индивида).

Представим анализ результатов исследований, проведенных нами в период 2022-2024 года. В исследовании приняли участие 154 респондента в возрасте от 21 до 25 лет, из них 68 юношей и 86 девушек. Все испытуемые не состоят в браке и не имеют детей. Анализ выборки по роду деятельности испытуемых показал, что среди принявших участие в исследовании молодых людей – сту-

денты московских вызов. Для диагностики значимости семьи в структуре ценностей участников исследования были использованы следующие методики: - методика «Ценностные ориентации» М. Рокича; - морфологический тест жизненных ценностей (МТЖЦ) (В.Ф. Сопов, Л.В. Карпушина); - методика ассоциативного эксперимента на понятие семьи и определение её значимости.

Анализ результатов тестирования испытуемых по методике «Ценностные ориентации» М. Рокича позволил выделить следующие ведущие терминальные ценности: интересная работа, свобода, материально обеспеченная жизнь, счастливая семейная жизнь и любовь. Наименее значимыми терминальными ценностями выступают: красота природы и искусства, счастье других, развлечения, творчество и познание [8].

В пятерку доминирующих средств достижения целей (инструментальных ценностей) входят образованность, самоконтроль, независимость, ответственность, аккуратность. Наименее значимыми инструментальными ценностями выступают: непримиримость к недостаткам в себе и других, терпимость, честность, высокие запросы, смелость в отстаивании своего мнения.

Статистически значимые различия были выявлены в группе юношей и девушек по следующим показателям терминальных ценностей: активная деятельная жизнь, развлечения, свобода, счастливая семейная жизнь и уверенность в себе. По показателям счастливая семейная жизнь различия были выявлены в сторону девушек, а развлечения и свобода в сторону юношей. Данные представлены в таблице 1.

Также была произведена статистическая обработка результатов на значимость различий инструментальных ценностей в группе юношей и девушек. Были выявлены различия в следующих показателях: высокие запросы, исполнительность, независимость, непримиримость к недостаткам, образованность. Результаты представлены в таблице 2.

В ходе тестирования испытуемых по морфологическому тесту жизненных ценностей (МТЖЦ) (В.Ф. Сопов, Л.В. Карпушина) установлено, что наибольшую ценность для молодых людей нашей выборки представляют материальное благополучие и престиж. При этом они стремятся к признанию, уважению, одобрению со стороны других, как правило, наиболее значимых лиц, к чьему мнению прислушиваются в наибольшей степени и на чье мнение ориентируются, в первую очередь, в своих суждениях, поступках и взглядах. При этом ценностям саморазвития, духовного удовлетворения и креативности большинство из них не придают особого значения. Что касается жизненных сфер, то наибольшую ценность для молодых людей представляет сфера профессиональ-

Таблица 1.

Статистическая обработка результатов исследования значимости терминальных ценностей по U-критерию Манна-Уитни.

Показатели	Достоверность проверки	
	U-критерий	Уровень значимости различий p
Активная деятельная жизнь	393,500	0,001**
Развлечения	398,500	0,001**
Свобода	428,500	0,002**
Счастливая семейная жизнь	322,000	0,001**
Уверенность в себе	418,500	0,001**

Примечание: * – различия статистически значимы при $p \leq 0,01$;

** – различия статистически значимы при $p \leq 0,05$.

Таблица 2.

Статистическая обработка результатов исследования значимости инструментальных ценностей по U-критерию Манна-Уитни.

Показатели	Достоверность проверки	
	U-критерий	Уровень значимости различий p
Высокие запросы	480,500	0,010**
Исполнительность	419,500	0,001**
Независимость	491,500	0,014*
Непримиримость к недостаткам	504,000	0,019*
Образованность	428,000	0,002**
Честность	536,000	0,045*

Примечание: * – различия статистически значимы при $p \leq 0,01$;

** – различия статистически значимы при $p \leq 0,05$.

Таблица 3.

Статистическая обработка результатов исследования значимости жизненных ценностей по U-критерию Манна-Уитни.

Показатели	Достоверность проверки	
	U-критерий	Уровень значимости различий p
Престиж	451,500	0,004**

Примечание: * – различия статистически значимы при $p \leq 0,01$;

** – различия статистически значимы при $p \leq 0,05$.

ной жизни. Показатели по таким сферам, как обучение и физическая активность, ниже средних значений. Кроме того, многие из них не стремятся к повышению уровня своей образованности, расширению кругозора. Различия в группах юношей и девушек являются статистически значимыми по сферам семейной жизни (в большей степени, значимы для девушек), а также по сферам увлечений и физической активности (в большей степени, значимы для юношей). Результаты представлены в таблицах 3 и 4.

Для выявления различий в значимости ценности семьи для юношей и девушек нами была использована также методика ассоциативного эксперимента на понятие семьи и определение ее значимости. В ходе тести-

рования по данной методике в группе юношей было получено 510, а в группе девушек – 645 ассоциаций на стимульное слово «семья». Для обработки полученных результатов по методу П. Вержеса на первом этапе в обеих группах были отобраны самые частотные ассоциации (388 и 448 ассоциаций соответственно), из которых выделены 9 категорий:

1. Уют (очаг, налаженный быт, уклад).
2. Родственники (родители, сестра, тетя, теща, родня).
3. Позитивные эмоции (счастье, радость, любовь, забота).
4. Продолжение рода (будущее, жизнь, дети).
5. Клан (род, кровь, родство, династия, гены).
6. Трудности (ссоры, скандалы, раздоры).
7. Серьезный шаг (самореализация, ответственность).

Таблица 4.

Статистическая обработка результатов исследования значимости жизненных ценностей по U-критерию Манна-Уитни.

Показатели	Достоверность проверки	
	U-критерий	Уровень значимости различий p
Семейная жизнь	413,000	0,001**
Увлечения	397,000	0,001**
Физическая активность	494,500	0,012*

Примечание: * – различия статистически значимы при $p \leq 0,01$;

** – различия статистически значимы при $p \leq 0,05$.

8. Труд (работа, терпение).
9. Взаимопонимание (согласие, доверие, дружба, уважение).

Аналізу подвергались только те ассоциации, которые встречались не менее 14 раз. Остальные, единичные ассоциации не учитывались. Анализ полученных данных позволил выделить элементы ядра и периферии представлений о семье и ее значимости отдельно в группах юношей и девушек. Границы зон определялись путем вычисления среднего ранга и частоты встречаемости. В таблице 5 отражены результаты расчетов по группе юношей.

Таблица 5

Анализ ассоциаций на понятие семьи и определение ее значимости в группе юношей.

ПЕРИФЕРИЯ 2 Потенциальная зона изменений (частота < 43; ранг $\geq 5,0$)	ЯДРО АССОЦИАЦИЙ (частота ≥ 43 ; ранг < 5,0)
уют (32; 6) серьезный шаг (30; 7) трудности (20; 8) труд (14; 9)	позитивные эмоции (87; 1) родственники (60; 2) взаимопонимание (54; 3) продолжение рода (48; 4)
СЛУЧАЙНЫЕ ОТВЕТЫ (частота < 43; ранг < 5,0)	ПЕРИФЕРИЯ 1 Потенциальная зона изменений (частота ≥ 43 ; ранг $\geq 5,0$)
0	клан (43; 5)

В группе юношей в первую зону вошли такие ассоциации с понятием семьи, как: позитивные эмоции, родственники, взаимопонимание и продолжение рода. Они образуют ядро ассоциаций и, соответственно, являются наиболее устойчивыми.

В таблице 6 отражены результаты расчетов по группе девушек.

Таблица 6.

Анализ ассоциаций на понятие семьи и определение ее значимости в группе девушек.

ПЕРИФЕРИЯ 2 Потенциальная зона изменений (частота < 43; ранг $\geq 5,0$)	ЯДРО АССОЦИАЦИЙ (частота ≥ 43 ; ранг < 5,0)
уют (39; 5) родственники (36; 6) продолжение рода (35; 7) клан (31; 8) трудности (18; 9)	позитивные эмоции (101; 1) взаимопонимание (77; 2) серьезный шаг (56; 3) труд (55; 4)
СЛУЧАЙНЫЕ ОТВЕТЫ (частота < 43; ранг < 5,0)	ПЕРИФЕРИЯ 1 Потенциальная зона изменений (частота ≥ 43 ; ранг $\geq 5,0$)
0	0

В группе девушек в ядро вошли такие ассоциации с понятием семьи, как: позитивные эмоции, взаимопонимание, серьезный шаг и труд.

Итак, и у юношей, и у девушек семья ассоциируется с позитивными эмоциями (счастьем, радостью, любовью, заботой), а также с взаимопониманием, согласием, взаимным доверием, дружбой, уважением. Однако девушки, как правило, понимают, что создание семьи – это серьезный шаг и труд по сохранению позитивных отношений с партнером и созданию благоприятной семейной атмосферы. Тогда как юноши большее значение придают продолжению рода, а семья у них нередко ассоциируется с простой совокупностью родственников.

Таким образом, отметим, что результаты нашего эмпирического исследования, в целом, согласуются с результатами современных исследований других авторов. Семья является ценностью для молодых людей, однако ценности престижа, свободы и личного благополучия являются наиболее значимыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство,

- 2011 — 464 с.
2. Маленова, А.Ю. Региональный круглый стол «Семья в системе ценностей современной молодежи» / А.Ю. Маленова // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2021. № 2. С. 60–63.
 3. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., Академический проект, 2018. 560с.
 4. Психологические проблемы современной семьи: сборник тезисов VI-ой Международной научной конференции. / Под ред. Карабановой О.А., Захаровой Е.И., Чурбановой С.М., Васягина Н.Н. — Москва - Звенигород, 30 сентября - 4 октября 2015. — 1387 с.
 5. Реан, А.А. Семья в структуре ценностей молодежи. М.: Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 1. С. 62–76.
 6. Франкл, В. Психотерапия и экзистенциализм. / В. Франкл. М.: ИОИ, 2017. 192 с.
 7. Шварц, Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий. /Ш.Шварц//Психология: журнал Высшей школы экономики /Ред.Т.Н.Ушакова.2008, №2, том5.с.37-67.
 8. Яницкий, М.С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике / М.С. Яницкий. // Вестник кемеровского государственного университета, 2020. С.194-203.
 9. Kolberg, M. Moral stages: a Current Formulation and a Response to Critics. N.Y., 1983.
 10. Rokeach, M. The Nature of Human Values. N.Y., 1973.

© Чижова Карина Игоревна (carina-7@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАКТИК КОММУНИКАЦИИ В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРАХ

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF NATIONAL COMMUNICATION PRACTICES IN CHINESE AND RUSSIAN CULTURES

**O. Ponomarenko
N. Garkol**

Summary: The article provides a socio-philosophical analysis of national communication practices in Chinese and Russian cultural traditions. The comparison of communication practices is conducted through the lens of the concept of «tea», which is understood not only as a beverage, but also as a complex cultural phenomenon influenced by a range of historical, philosophical, and social factors. In Chinese culture, tea is represented as a centuries-old art and philosophical practice that can be traced back to Taoism. In Russian culture, tea is seen as a symbol of domestic comfort and emotional connection. Based on a comparative analysis of tea rituals, the authors show how a universal drink acquires unique national semantic codes, becoming a key to understanding the worldviews and values of two nations.

Keywords: social philosophy, communication strategies, the concept of «tea», Chinese ritual, Russian mentality, and intercultural interaction.

Пономаренко Ольга Павловна

*К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО Алтайский государственный педагогический университет
o.ponomarenko2018@mail.ru*

Гарколь Наталья Станиславовна

*К.т.н., доцент, ФГБОУ ВО Алтайский государственный педагогический университет
n_garkol@mail.ru*

Аннотация: В статье проведен социально-философский анализ национальных практик коммуникации, сложившихся в китайской и русской культурных традициях. Сопоставление практик общения осуществляется сквозь призму концепта «чай», трактуемого не просто как напиток, а как сложный культурный феномен, обусловленный комплексом исторических, философских и социальных факторов. В китайской традиции чай репрезентируется как многовековое искусство и философская практика, восходящая к даосизму. В русской культуре он осмысливается как символ домашнего уюта и душевного общения. На основе сравнительного анализа чайных ритуалов авторы показывают, как универсальный напиток обретает уникальные национальные семантические коды, становясь ключом к постижению мировоззренческих установок и ценностных ориентиров двух народов.

Ключевые слова: социальная философия, коммуникативные стратегии, концепт «чай», китайский ритуал, русская ментальность, межкультурное взаимодействие.

Современный этап развития международных отношений характеризуется усилением роли Китая как стратегического партнера России, что делает задачу взаимопонимания на уровне повседневных коммуникативных практик не просто теоретической, а практически востребованной. Успешный межкультурный диалог невозможен без понимания глубинных оснований национальных практик общения, которые часто остаются «невидимыми» для внешнего наблюдателя. Обращение к концепту «чай» как к культурному коду позволяет реконструировать имплицитные механизмы социальной коммуникации, что делает исследование значимым как для философской рефлексии, так и для прикладных задач межкультурного взаимодействия.

Национально-культурная специфика концепта «чай» в китайской и русской культурах представляет собой перспективную область научного исследования, так как в каждой из этих культур чай занимает важное место, но его восприятие, традиции и ассоциации различаются. Актуальность обращения к данной теме обусловлена не только возрастающим интересом к межкультурному диалогу, но и тем, что анализ повседневных ритуалов

позволяет реконструировать глубинные мировоззренческие установки, которые часто остаются нерелефлексированными в рамках самой культуры. Рассмотрим понятие концепта «чай» в китайской и русской культурах.

В китайской культуре чай имеет многовековую историю, насчитывающую более пяти тысяч лет. Он считается не только напитком, но и важным элементом культурной идентичности. В Китае процесс приготовления и употребления чая воспринимается как искусство. Существует множество чайных традиций, в которых акцент делается на гармонию и медитативности процесса. В этом проявляется фундаментальная для китайской философии установка на единство человека и природы, где даже повседневное действие превращается в созерцательную практику, противостоящую суете и инструментальному отношению к миру. Чай часто ассоциируется с философскими учениями, такими как даосизм и буддизм, подчеркивающими важность спокойствия, уединения и единства с природой. Таким образом, чайная церемония в Китае выступает не просто досугом, а способом онтологического присутствия – практикой, через которую человек приобщается к универсальным законам

мироздания. Чай играет важную роль в китайском гостеприимстве. Предложение чая гостям считается знаком уважения и доброты. При этом сам ритуал строго регламентирован: порядок наливания чая, жесты, позы и паузы – невербальные средства общения подчинены негласной иерархии, отражающей конфуцианские ценности субординации и социального порядка. Чайные дома служат местом для общения, где друзья и семьи собираются, чтобы обсудить важные вопросы, обменяться новостями и укрепить связи. Однако в этом случае коммуникация опосредована церемониальными рамками, которые задают определённую дистанцию и соблюдают субординацию.

В Россию чай был привезен в XVII веке и быстро стал популярным напитком, «китайский чай появился на столе простого народа» [1, с. 39]. В отличие от Китая, где чай имеет древние традиции, в России его употребление связано с более поздними историческими событиями. Сам факт заимствования и стремительной адаптации чая в русской культуре показателен: он был не просто принят, а переосмыслен в соответствии с глубинными архетипами национального менталитета, среди которых – открытость, соборность и эмоциональная экспрессивность. В русской культуре чай ассоциируется с домашним уютом и теплом. В отличие от китайской модели, акцент смещается с эстетики процесса на экзистенциальную полноту общения: чай становится «поводом», а не самоцелью, приглашением к откровенности и снятию социальных масок. Традиционный способ приготовления чая с использованием самовара стал символом русской чайной культуры [2]. Самовар в русской традиции выступает не просто утварью, а метафорой «общего очага», вокруг которого стираются формальные границы и утверждается равенство участников застолья в их совместном переживании тепла и радости. Это не только способ приготовления, но и ритуал, объединяющий людей.

В культуре Китая, как и в России предложение чая гостям также считается знаком уважения. Однако акцент делается на большом количестве закусок и сладостей, подаваемых к чаю. В этом проявляется характерная для русской культуры установка на телесную и душевную щедрость, в которой изобилие угощения символизирует полноту жизни и искренность отношения к гостю, при этом материальное изобилие служит выражением духовного расположения. Чайные посиделки часто становятся поводом для долгих разговоров и, что подчеркивает важность общения и взаимодействия в русской культуре. В отличие от китайской созерцательной паузы, русское чаепитие, напротив – это время интенсивного диалога, споров и исповедальных монологов.

Проводя сравнительный анализ концепта «чай» в китайской и русской культурах, можно отметить, что в Китае чай – это искусство и философия, в то время как в

России – это прежде всего социальный ритуал и символ домашнего уюта. Однако эти различия не являются случайными: они укоренены в разных типах социальности. Китайская модель тяготеет к иерархической гармонии, где каждый жест закрепляет социальный статус участников; русская модель – к эгалитарной интимности, где ритуал, напротив, служит средством разрушения формальных барьеров и установления «родства душ».

В Китае акцент на процессе заваривания и качестве чая, в то время как в России важнее сам момент общения за чаем, часто с разнообразными закусками. Поэтому, интерпретирование различия между «культурой присутствия», характерной для Китая, в которой важен сам факт со-бытия в ритуале, и «культурой выражения», свойственно для России, коммуникация ценна своей содержательной, эмоционально насыщенной стороной. В обеих культурах чай служит средством для общения и укрепления социальных связей, но в Китае это может быть более формализованным процессом, в то время как в России – более неформальным и уютным. Иначе говоря, китайское чаепитие – это диалог с миром и традицией через посредство ритуала; русское – это диалог с Другим через посредство душевного слова.

Концепт «чай» в китайской и русской культурах имеет свои уникальные особенности, которые отражают исторические, социальные и философские контексты каждой из культур. Исследование этих различий позволяет глубже понять, как напиток, казалось бы, универсальный, может принимать различные формы и значения в зависимости от культурного контекста. Сравнительный анализ чайных практик обнаруживает не только этнографические особенности, но и расхождения в понимании субъектности, социальной дистанции, времени и способов достижения гармонии в двух культурных мирах.

В китайской культуре концепт «чай» (кит. «ча») формировался на протяжении тысячелетий. Рассмотрим основные предпосылки его формирования. Чай, по преданию, был открыт императором Шен Нун около 2737 года до н.э. и в первые века чай использовался как лекарственное средство. Записи о его целебных свойствах встречаются в древних медицинских текстах, что способствовало его популярности среди населения. Поэтому чай воспринимался как дар природы, который необходимо ценить. Эта идея подкрепляется мифами о том, как чайные деревья растут в гармонии с окружающей средой и как их листья собирают только в определенное время года, чтобы сохранить их целебные свойства.

В некоторых мифах чай связывают с элементами природы: водой, землей, огнем и воздухом, что подчеркивает его важность для жизни и здоровья человека. В китайской мифологии чай символизирует почтительность и дружелюбие. Подача чая гостям является важным ритуалом.

алом, который укрепляет социальные связи и подчеркивает важность общения. Существуют народные поверья о духах, связанных с чайными деревьями, которые охраняют их и обеспечивают их рост. Это добавляет мистический элемент к процессу сбора и приготовления чая.

В китайской философии отражаются особенности формирования чайной культуры и осмысления их истоков. Идеи даосизма раскрываются в понимании чайной церемонии как средства достижения гармонии с Дао (Путем). Чай помогает ощутить естественный ход вещей (у-вэй), отказаться от суеты и слиться с ритмами природы. Церемония символизирует единение человека с мирозданием, сменой сезонов и энергией ци. Во время чайной церемонии происходит гармония человека с самими собой посредством приведения в равновесие инь и ян внутри организма, успокоение ума (шэнь) и достижения состояния «пустоты» (суй), при котором обретается ясность. «Все существа носят в себе инь и ян, наполнены ци и образуют гармонию» [3, с. 115]. Чай помогает создать атмосферу для размышлений и самопознания, а чайная церемония превратилась в искусство, акцентирующее внимание на эстетике, гармонии и внимании к деталям. Это отражает более широкие культурные ценности, такие как уважение к природе и стремление к гармонии в жизни. Описание чайных церемоний широко используется в поэзии и живописи. Чай вдохновлял поэтов и художников, что способствовало его интеграции в китайскую литературу и изобразительное искусство. Подача чая стала важным элементом китайского гостеприимства. Чай символизирует почтительность и дружелюбие, укрепляя социальные связи между людьми. В крупных городах чайные дома стали местом встречи и общения, где люди могли обсуждать новости, вести беседы и наслаждаться атмосферой.

Со временем чай стал неотъемлемой частью различных социальных ритуалов, включая праздники, свадьбы и другие важные события, подчеркивающие его значение в общественной жизни. В разных культурах существуют свои уникальные чайные церемонии, такие как японская чайная церемония (ча-но-ю) или китайская чайная церемония (гунфу ча). Эти церемонии подчеркивают важность чая как средства общения и медитации. Чай часто становится центром социальных встреч в виде дружеской беседы, семейного ужина или деловой встречи. Поэтому чай можно рассматривать как символ гостеприимства. Для многих людей утренний чай – это неотъемлемая часть начала дня, способствующая пробуждению и подготовке к новым задачам. В рабочей среде чайные перерывы стали популярными, позволяя людям расслабиться и восстановить силы.

Рассмотрим основные ритуалы и традиции, связанные с чаем в китайской культуре. Чайная церемония (гунфу ча) – это традиционная китайская чайная цере-

мония, которая акцентирует внимание на искусстве заваривания и подаче чая. Название переводится как «Высокое чайное искусство» и подразумевает внимательное и уважительное отношение к процессу. Этапы этой церемонии включают выбор качественного чая, подготовку чайной посуды (чаевой набор, чайник, чашки) и воды. Чай заваривается с использованием горячей воды, при этом важно следить за температурой и временем настаивания, чтобы раскрыть аромат и вкус чая. Чай подается в маленьких чашках, а процесс подачи часто сопровождается ритуальными жестами и вниманием к деталям. В китайской культуре предложить чашку чая гостю – это знак уважения и дружелюбия. Именно чай часто подается на важных встречах, семейных праздниках и других значимых событиях. На свадьбах молодожены часто подают чай своим родителям, что символизирует почтительность и благодарность.

В китайской философской рефлексии, восходящей к даосизму, чайная церемония трактуется не как коммуникативный акт, а как онтологическая практика. Как следует из трактата Лу Юя, качество чая и вода неразрывно связаны с «дао» – естественным ходом вещей, в котором человек выступает лишь частью природы, а не ее центром. В этом контексте молчание во время чаепития является не отсутствием диалога, а высшей формой понимания, недоступной для вербальной экспрессии, которая характерна для русской традиции. «Специфика принципов коммуникации в Китае выражена направленностью на гармоничное взаимоотношение между собеседниками; стремление к соблюдению изысканности, образности, в какой-то мере эстетичности коммуникации; взаимообусловленное чувством «церемониальностью» китайцев» [4, с. 100].

В китайской литературе чай предстаёт не просто напитком, а универсальной философской призмой, через которую осмысляются устройство мироздания и социальная этика. В конфуцианском ключе чаепитие моделирует идеальную модель общества: церемония строго регламентирует роли участников, предотвращает излишнюю фамильярность и учит почтительному отношению к старшим, закрепляя принцип «ли» (ритуал). В то же время, в даосской традиции чай становится инструментом преодоления социальной суеты – он стирает границы между сословиями за одним столом, уравнивая мудреца и простолюдина в моменте созерцания. Этот двойственный диалог (между строгой иерархией и абсолютной свободой духа) пронизывает всю китайскую словесность.

Одно из первых и самых известных произведений о чае – «Чайная книга» (茶经, Chá Jīng), автором которой является Лу Юй (陆羽) – VIII век (династия Тан). Это Лу Юй подробно описывает различные аспекты чайной культуры, включая способы приготовления, сорта чая, чайные

инструменты и ритуалы чаепития. Книга считается основополагающим текстом для изучения чая и его места в китайской культуре [5].

Размышления о чае, его истории и различных сортах в труде Цай Сян (蔡襄) «Записки о чае» (茶录, Chá Lù) – XI век (династия Северная Сун). Эта работа содержит обсуждение этических и философских аспектов чаепития, подчеркивая его значение в китайской культуре. Многие поэты династии Тан и Сун, такие как Ли Бай (李白) и Ду Фу (杜甫), упоминали чай в своих стихах. Чай служит символом дружбы, уединения и созерцания. Например, в стихах Ли Бая можно найти образы чаепития, которые создают атмосферу спокойствия и гармонии [6]. «Чайная церемония» (茶道, Chádào). Это не конкретное производство, а скорее философия и практика, которая развивалась в Китае и Японии. В литературе часто обсуждаются принципы чайной церемонии, такие как уважение, гармония и спокойствие, что отражает более глубокие философские идеи.

Таким образом, сквозь призму чайной литературы прослеживается ключевая социально-философская дилемма китайской цивилизации: как сохранить человеческую близость, избегая панибратства и как соблюсти формальности, не превращая их в холодную отстранённость. Чай выступает тем самым «золотым регулятором», который позволяет участникам беседы одновременно находиться в едином потоке бытия и строго соблюдать иерархические дистанции, предписанные Небом и обществом.

Чай был известен в Китае на протяжении многих веков, и со временем он становится популярным и в других странах. С XVII века русские купцы начали активно торговать китайским чаем. Такая торговля способствовала знакомству русской культуры с этой напитком. С началом поставок чая в Россию в XVIII веке чайные церемонии становились важной частью светской жизни, а чай выступал символом статуса и роскоши. В это время начали открываться чайные дома, в которых аристократы и буржуа могли собираться, общаться и наслаждаться чаем, что способствовало формированию культуры чаепития.

В русской культуре чайная церемония проходила в кругу близких или друзей, с использованием самовара, который стал символом традиционной чайной культуры. Это не только способ приготовления, но и ритуал, объединяющий людей. Именно в работах отечественных мыслителей подчёркивалось, что русские посиделки у самовара пронизаны духом соборности, превратившая уединенное потребление напитка в дружескую встречу родных и друзей. С точки зрения русской религиозной философии – эта традиция усиливает ценность сердечного общения как способа преодоления одиночества,

как путь к Другому через любовь и открытость.

Русские философы, в частности, Н. А. Бердяев и С. Л. Франк рассматривали соборность не как формальный коллектив, а как свободное духовное единение личностей, основанное на любви и внутренней общности «Мы». В этом контексте традицию общего чаепития можно интерпретировать как своеобразную социальную практику, в которой через совместную трапезу и задушевную беседу создаются условия для такого свободного единения, преодолевающего индивидуализм и утверждающего соборное начало русской культуры. Н.А. Бердяев писал о русской ментальности и общении: «Всякий истинно русский человек интересуется вопросом о смысле жизни и ищет общения с другими в искании смысла... умудряется даже самым практическим общественным интересам придавать философский характер» [7, с. 176].

Российское восприятие чаепития коренится в философской традиции, где чай – это энергия коллективного тепла. В российской ментальности, уходящей корнями в общинность и солидарность, чаепитие означает «снятие социальных масок», именно за чаем, а не за парадным обедом, возможно проговаривание «чувствительных и значимых вопросов». В отличие от китайской иерархичности русская чайная традиция тяготеет к «соборности», когда за одним столом собираются не столько ранги, сколько судьбы. Именно зрелость отношений между двумя народами позволяет во время чаепития сидеть за одним столом не как функционерам, а как «старым друзьям», но при этом каждый жест остается в рамках глубокого взаимного уважения, не допускающего ни холодной отстраненности, ни разрушительного панибратства.

Чайная церемония, будучи ритуализированной формой невербальной коммуникации, воспроизводится и на высшем межгосударственном уровне. Она выполняет функцию символического скрепления достигнутых договоренностей, создавая семиотическое пространство для последующего стратегического сотрудничества. При межкультурном взаимодействии особое внимание уделяется атмосфере чаепития, именно она отличается от формальности переговоров своей непринужденностью.

«Чайные церемонии» для двух культур являются главным атрибутом диалога, в котором для Китая чай – это «путь» (Дао), философия, основа экономики и гостеприимства, а для России чай – это неотъемлемая часть национального быта, согревающий душу напиток, неизменный спутник задушевных бесед и дружеских встреч [8].

Проведённое исследование позволяет заключить, что концепт «чай» в китайской и русской культурах при внешней схожести функционала (средство общения, знак уважения, элемент гостеприимства) обнаружива-

ет глубокие типологические различия, обусловленные спецификой национального мировосприятия. В китайской культуре чай – это продолжение даосской философии, инструмент достижения внутренней гармонии и уединения (искусство ради процесса). В русской культуре чай – это катализатор социального взаимодействия, символ семейного очага и «душевных» разговоров (ритуал ради общения). Китайская традиция (например,

церемония гунфу ча) строго регламентирована, требует мастерства и сосредоточенности на деталях (качество чая, температура воды, жесты). Русская традиция (чаепитие с самоваром) гораздо неформальна, где главным становится не столько способ заваривания, сколько единение с другими людьми в тёплой, домашней атмосфере. Понимание этих различий способствует содержательному межкультурному диалогу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Го Юй-Чунь. Чайная торговля между Китаем и Россией в XVIII-XIX вв. В Кяхте и создание российской культуры чая // Современная научная мысль. – 2020. – № 5. – С. 38-44.
2. Земсков, П.А. Традиции чайной церемонии в Китае, Англии и России / П.А. Земсков // Архонт: электронный научный журнал, 2019. – Вып. 4 (13). – С. 45-48.
3. Древнекитайская философия: Собр. Соч: в 2-х т. Т. 1. – Москва: Мысль, 1972. – 356 с.
4. Пономаренко, О.П. Особенности межкультурной коммуникации с носителями китайского языка: социально-философский анализ / О.П. Пономаренко, Н.С. Гарколь // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2024. – № 7. – С. 99-102.
5. Гарколь, Н.С. Коммуникативная среда в методиках преподавания иностранных языков / Н.С. Гарколь // Смоленский медицинский альманах, 2025. – № 1-1. – С. 63-65.
6. Гарколь, Н.С. Лингвистические особенности дискурса переговоров в деловой коммуникации с носителями китайского языка / Н.С. Гарколь // Лексикография и коммуникация – 2024: Сборник материалов X Международной научной конференции, Белгород, 18–19 апреля 2024 года. – Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2024. – С. 26-31.
7. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. Москва: Канон, 1998. – С. 173–193.
8. Чай дружбы. Как Китай принимал Владимира Путина? // Мир 24. URL: <https://mir24.tv/news/16671648/chaj-druzhby.-kak-kitaj-prinimal-vladimira-putina> (дата обращения: 28.05.2026).

© Пономаренко Ольга Павловна (o.ponomarenko2018@mail.ru), Гарколь Наталья Станиславовна (n_garkol@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСМЫСЛЕНИЕ ПАТРИОТИЗМА В ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ КАК ПРИОРИТЕТНОГО ИДЕАЛА

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор, Алтайский
государственный педагогический университет
(г. Барнаул)

sverhtitan@rambler.ru

UNDERSTANDING PATRIOTISM IN PHILOSOPHICAL TRADITION AS A PRIMARY IDEAL

V. Skopa

Summary: This study analyzes key aspects of patriotism, drawing on a multi-layered approach that incorporates the Orthodox tradition, historical continuity, and the state foundations of Russian civilization. Central to this philosophical examination of the problem is the development of patriotic consciousness. The work demonstrates that true patriotism is a conscious, active, and responsible expression of affection for the Creator and one's native land. The author debunks the deliberately cultivated myth of a conflict between Christian morality and patriotic feelings. Patriotism emerges as a measure of spiritual and moral well-being and personal maturity. The work asserts that patriotism, which unites the earthly with the Kingdom of Heaven, is rooted in the fundamental ontological foundation of all existence – love. The final conclusion of the study is that Christian doctrine and patriotism are one and the same in realizing the central Gospel norms of love for God and for man as oneself.

Keywords: philosophy, man, patriotism, Orthodoxy, traditional values, axiology, patriotic worldview.

Аннотация: Исследование обращается к анализу ключевых аспектов патриотизма, опираясь при этом на многоуровневый подход, включающий православную традицию, историческое преемство и государственные устои Российской цивилизации. Центральное место в философском рассмотрении проблемы занимает вопрос становления патриотического сознания. Работа демонстрирует, что подлинный патриотизм представляет собой осознанное, активное и ответственное выражение привязанности к Творцу и родной земле. Автор развенчивает намеренно культивируемый миф о конфликте между христианской нравственностью и патриотическими чувствами. Патриотизм предстаёт мерилем духовно-нравственного благополучия и личностной зрелости человека. В работе утверждается, что патриотизм, объединяющий земное с Небесным Царством, коренится в фундаментальном онтологическом основании всего существующего – в любви. Итоговое суждение исследования сводится к следующему положению, что христианское учение и патриотизм являются единым целым в реализации центральных евангельских норм о любви к Богу и к человеку как к самому себе.

Ключевые слова: философия, человек, патриотизм, православие, традиционные ценности, аксиология, патриотическое мировоззрение.

В философском дискурсе патриотизм трактуется как глубокое чувство привязанности к историческим корням, культурному наследию и государственным институтам своей страны. Это явление выходит за границы простой эмоциональной привязанности, приобретая статус мировоззренческой позиции, определяющей систему жизненных приоритетов индивида.

Мыслители рассматривают любовь к Отечеству как фундаментальную моральную установку, которая побуждает человека к ответственному поведению перед обществом, активному участию в общественно-политической деятельности и готовности к самопожертвованию во имя коллективного блага [1, 10]. Указанная ценность служит цементирующей силой, скрепляющей социальный организм воедино.

Философское осмысление раскрывает противоречивость патриотических убеждений: необходимость балансирования между уважением к собственной национальной идентичности и признанием равноправия других народов, предотвращением превращения любви к родине в национальный экстремизм [2].

Концепция патриотизма берёт начало в глубокой древности, однако наиболее полное отражение получила в русской философской и лексикографической мысли. Во втором значении термин обозначает совокупность чувств и убеждений, объединяющих людей на основе их эмоциональной связи с историческим пространством, в котором они проживают [10]. Даль В.И. раскрывает патриота как человека, ощущающего ответственность за судьбу своей земли, приверженца её благоустройства [12]. Лингвист характеризует это явление через ключевые маркеры: приверженность, забота, укоренённость в национальной идентичности. Последующие толкователи языка – С.И. Ожегов и Д.Н. Ушаков существенно расширили понимание, акцентируя роль действенного компонента. В их трактовке патриотизм предстаёт не только внутренним убеждением, но и практическим выражением преданности через готовность к деяниям, подчас связанным с личными жертвами ради общественного интереса [8, 14].

Сложившееся в отечественной культуре традиционное толкование сохраняет релевантность и в современную эпоху, оставаясь универсальным инструментом для анализа патриотического сознания.

В настоящий период, характеризующий глубоким кризисом духовно-нравственных основ западной цивилизации, для Российской Федерации приобретает особую значимость задача сохранения собственного культурного своеобразия и национального самосознания [11]. Отступление от охраны исконных устоев общества неминуемо влечёт за собой размывание этнической и культурной специфики, переписывание исторического сознания и, как следствие, подрыв государственного суверенитета, ослабление защищённости и конечное разрушение государственных институтов [5].

По позиции руководства государства, фундамент национального самоопределения коренится в непрерывной передаче жизненного опыта от поколения к поколению, приверженности к унаследованному культурному багажу и укоренённости в высоконравственных ориентирах [13]. В этой связи критически важным становится целенаправленное воспитание подрастающего поколения, предполагающее вооружение молодёжи достоверной исторической информацией посредством введения специализированного образовательного курса, посвящённого государственному устройству России и её историческому развитию.

Государство уделяет значительное внимание деятельности Русской Православной Церкви как духовно-нравственного стержня, способного артикулировать универсальные гуманистические вопросы, выходящие за рамки конфессиональной принадлежности, при одновременном утверждении того, что этические основания социума имеют религиозную природу [3].

Приоритетным направлением государственной политики должны явиться укрепление духовно-нравственного воспитания, возрождение традиционного семейного уклада, восстановление уважения к таким добродетелям, как нравственная чистота, личное достоинство, честь, ответственность перед Родиной. Патриотизм укоренен в глубинных слоях человеческого бытия, связан с формированием личностной идентичности и включением индивида в историческую преемственность поколений.

В русской культурной традиции патриотизм репрезентируется как самоотверженное служение благоустройству своей земли, проистекающее из глубокого и безусловного ощущения принадлежности к ней. Триада ценностей – преданность Творцу, верность государству, человеческое сострадание – формирует особый духовно-созидательный модус отношения даже к антагонистам: святитель Филарет выражает эту мысль через парадоксальное единство активного противодействия врагам Церкви и государства с одновременным сохранением любви к личности противника [6].

Специфика русского патриотического сознания об-

условлена органическим сплавлением двух компонентов: христианского духовного учения, раскрывающего пути к обретению внутренней силы при столкновении с жизненными испытаниями и предельными ситуациями, и традиционной общинной нравственности, ориентированной на единство народного тела [3, 4]. Подобное миропонимание вовсе не предполагает пассивность, универсальное прощение, добровольную капитуляцию или согласие на подчинение – напротив, оно утверждает святость обязанности каждого гражданина защищать и спасать свою государственность от внешних и внутренних угроз.

Патриотизм представляет собой форму общественно-самопожертвования во имя того, что воспринимается каждым индивидом как святыня, имеющая абсолютное и непреходящее значение. Истоком и целеполаганием патриотического служения является Божественная воля: государство и родная земля занимают место духовных попечителей каждого человека, воплощая собою расширенное семейное единство [7]. Отсутствие патриотического сознания представляет прямое нарушение фундаментального библейского повеления о почитании отца и матери – установления, пронизывающего всё Священное Писание от Ветхого Завета до Новозаветного учения Спасителя [4]. Христос подтверждает непреложность этого закона, утверждая его вневременную значимость для духовного спасения человека. Отрицание патриотических чувств столь же противоестественно, сколь противоестественна неспособность к любви и защите своих биологических родителей и кровного семейства. Человек, чуждающийся любви к своей государственности и историческому корню, совершает акт, нарушающий онтологические основания человеческого существования [1].

Государственный деятель справедливо указывает, что критика патриотизма проистекает либо из глубокого непонимания сущности этого явления, либо из намеренного следования интересам враждебных сил. Такое разграничение со всей ясностью демонстрирует аномальный и деструктивный характер антипатриотической позиции [9]. Утверждение и развитие исконных ценностных установок обуславливает расширение государственной мощи, интенсификацию патриотического сознания и, как следствие, укрепление социальной спаянности в противостоянии внешним и внутренним вызовам. Отечественная история на протяжении столетий демонстрирует органическую связь между духовной бранью и испытаниями на пути отстаивания российского суверенитета и независимости.

Напротив, прекращение передачи культурного наследия и иерархии смысловых приоритетов неизбежно порождает аксиологическое подмену – замещение истинных святынь суррогатными, что неминуемо оборачивается девальвацией укоренённых в народной культуре ценностных систем и заканчивается междоусобицей и

крахом государственности.

Вселенское христианское учение, выражаемое принципом «главное объединяет, маловажное допускает разнообразие, всё пронизано милосердием», в синтезе с патриотизмом, признающим культурную самобытность и историческую значимость каждого народа как целостного организма, противопоставляет разрушительным явлениям западной цивилизационной модели – космополитизму, атомизации общества, расовому и этническому антагонизму, шовинизму и всем формам социального извращения [1, 7].

В критические эпохи борьбы за национальное будущее роль патриотического сознания многократно возрастает. Истинный патриотизм, как выразил главный государственный деятель, заключается в готовности нести полноту ответственности за сохранение национального организма [5, 9]. Такая ответственность превосходит рамки юридического послушания и воплощается в самоотверженном попечении об окружающих, актуализации творческих способностей личности.

Патриотизм, национальное могущество, государственная мощь – это акт жертвенного служения земному Отечеству, вершимый не из страха наказания, а из голоса совести в борьбе с мировым злом. Из такого мировоззрения возникла уникальная, враждебным западным системам непостижимая способность русского народа к добровольной и жертвенной заботе о духовно-нравственном благополучии государственного организма и социума – державность. Державность функционирует как фундаментальная ценность, основополагающий элемент национального самоопределения.

Нравственные основания государственного устройства обладают онтологической значимостью, поскольку без возвышенной идеи ни одно государство, ни один народ не способны сохранить своё историческое существование. Соответственно, попытки нивелировать, искажать или подменять патриотическое сознание являют себя в своей противоестественности и деструктивности. Для граждан России ощущение принадлежности к своему Отечеству представляет органическое, врождённое состояние бытия. Именно поэтому в периоды наиболее мучительных испытаний могущество любви к родной земле становится определяющим консолидирующим фактором, побуждающим народ защитить и пронести сквозь века независимость, честь и национальные традиции своей Державы [7].

Официально утверждённый перечень исконных ценностей Российской Федерации обозначает в качестве центральных элементов именно преемственные нравственные установки, формирующие мировоззрение российских граждан, укрепляющие братство многоэтнического российского народа. Функционирование и

развитие подобных ценностных ориентаций должны опираться на целенаправленное воспитание соответствующих личностных характеристик – альтруизма и патриотической преданности [13].

Патриотизм воплощает совокупность исконных духовно-нравственных ориентиров, поэтому именно патриотическое сознание, выступая в качестве духовной силы русского человека является определяющей характеристикой индивидуального самосознания и государственного суверенитета. Истинный патриотизм исключает любые проявления деструктивности, оккультных практик, мистицизма, магических верований, сектантства и антисоциального поведения. Формирование патриотического сознания молодого поколения эффективно происходит благодаря духовно-нравственному развитию личности, базирующемуся на православных и традиционных устоях нашего поликультурного общества.

Глубокое понимание подлинного смысла патриотизма, свободного от политической конъюнктуры, служит защитой молодёжи от искажённых трактовок этого понятия, которые внешние враги пытаются внедрить в национальное сознание. В такой парадигме просветительская и миссионерская деятельность, нацеленная на духовное возрождение, решает одновременно как религиозные, так и образовательные задачи. Воспитание в традициях христианской морали можно охарактеризовать как целенаправленное становление личности посредством её ориентации на ценностные установки в условиях современного культурно-информационного пространства [11].

В христианской картине мира патриотизм несёт в себе эсхатологический характер и неразрывно связан с сознательным решением каждого индивида. Согласно учению святых отцов, отречение от любви к родной земле равносильно предательству собственного народа, его наследия и духовных традиций.

Таким образом, следует выделить органическую связь между воспитанием любви к ближнему, к земле отцов и устремлением к высшей, трансцендентной реальности. Эта устремлённость позволяет человеку преодолеть границы эгоизма и наделить существование подлинным духовно-нравственным содержанием. Такое наполнение жизни смыслом коренится в системе созидательных, конструктивных ценностей – исторически присущих России ценностях православного христианства. Следует подчеркнуть, что патриотическое воспитание представляют собой вид деятельности, питаемый одним источником – Божественным началом, и руководствующийся общими традиционными установками и духовно-нравственными ориентирами. Основной результат проведённого анализа заключается в признании онтологической природы патриотизма и его неустаревающей актуальности для современного человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байдакова М.Ю. Проблема воли в философии и христианской антропологии: дис. канд. философ. наук. Специальность 5.7.1. – онтология и теория познания. Москва, 2008. – 233 с.
2. Бердяев Н. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж: Изд-во «Современные записки», 1931. – 320 с.
3. Бердяев Н. Царство духа и царство кесаря. Париж: Изд-во «УМКА-Press», 1951. – 167 с.
4. Библия. Москва: Изд-во «Российское Библейское общество», 2020. – 1337 с.
5. Владимир Путин: Моральные ценности не могут быть никакими другими, кроме религиозных. [19 декабря 2007 г.] [Электронный ресурс] – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/340853.html> (дата обращения 04. 06. 2026).
6. Дневники святого Николая Японского в пяти томах. Т. 5. Санкт-Петербург: Изд-во «Гиперион», 2004. – 960 с.
7. Неганов В.В. Историко-философские аспекты миссионерского смысла аксиологии Ф. М. Достоевского и христианская антропология. // Труды Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью). Белгород: Изд-во Белгородской и Старооскольской епархии, 2021. Выпуск XIII. – С. 116-128.
8. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – Москва: Изд-во ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
9. Путин: против патриотизма выступают либо от непонимания, либо по заказу врага. [02.02.2024] [Электронный ресурс] – URL: <https://tass.ru/obschestvo/19886553> (дата обращения 06. 06. 2026).
10. Скопа В.А. Патриотизм как intersubъективное явление в социально-философском дискурсе // «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия: Познание. 2021. № 8. – С. 96-101.
11. Скопа В.А. Роль православной культуры в развитии духовных ценностей обучающихся // Вестник педагогических наук. 2023. № 3. – С. 58-61.
12. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля в четырёх томах. Том 3. Санкт-Петербург: Издание книгопродавца – типографа М. О. Вольфа, 1882. – 576 с.
13. Указ Президента Российской Федерации Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно - нравственных ценностей от 9 ноября 2022 года № 809. [Электронный ресурс] – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=2&rangeSize=1> (дата обращения 05. 06. 2026).
14. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. Москва: Изд-во «Аделант», 2013. – 800 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Belova T. – graduate student, Smart Online Institute;
Master degree FMT, California Southern University

Bykova N. – Applicant, Ivanovo State University,
Shuya, Russia

Glushkova S. – English Teacher BOU Gymnasium
No. 159, Omsk, Russia

Dokuchaev A. – Postgraduate student, Autonomous
non-profit organization of higher education "Slavic-
Greek-Latin Academy", Moscow, Russia

Isagulova E. – PhD, Clinical Psychologist, General
Director NМУ "Clinical Center for Mental Health",
Moscow

Iskhakov F. – Postgraduate student, Saint
Petersburg State University

Kondratyeva S. – Doctor of Psychology, Associate
Professor, Herzen State Pedagogical University of
Russia, Saint-Petersburg

Kovaleva M. – Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Herzen Russian State
Pedagogical University, Saint-Petersburg

Zaduma M. – Herzen Russian State Pedagogical
University, Saint Petersburg

Olkhovskaya E. – Associate Professor, Kherson State
Pedagogical University

Ponomarenko O. – Candidate of Philosophical
Sciences, Associate Professor, Altai State Pedagogical
University

Our authors

Garkol N. – Candidate of Engineering Sciences,
Associate Professor, Altai State Pedagogical
University

Romanov V. – PhD Student, Moscow Institute
of Psychoanalysis (MIP); Member, Association of
Business Psychologists of Russia; Moscow

Savelev K. – Postgraduate Student, Moscow
Institute of Psychoanalysis

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor,
Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Statsenko F. – Senior Lecturer, Immanuel Kant Baltic
Federal University, Kaliningrad

Sukharev V. – Moscow Institute of Psychoanalysis;
G.E. Sukhareva Scientific and Practical Center for
Mental Health of Children and Adolescents, Moscow

Tikhomirov A. – Senior Lecturer, Herzen State
Pedagogical University of Russia, St. Petersburg,
Russia

Torres G. – graduate student, Peoples' Friendship
University of Russia, Moscow

Tur E. – Physician, psychotherapist and
psychosomatic medicine specialist; Independent
Researcher, Saint Petersburg, Russian Federation

Fialkovskaya E. – Senior Researcher, Research
Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Chizhova K. – Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Russian State University for the
Humanities

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).